

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2017 – 4 (298)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2017**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 4 (298). – 156 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- С. Расторгуев.* Внешнеполитические гибридные возможности и угрозы современной России: Вызов обществу, государству и элите 5
- Р. Патеев.* Концептуальные проблемы современного исламоведения: Поиск парадигмы трансформации исламских сообществ 20

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- О. Цветкова.* Трансформация субнационального политического пространства Кавказского региона 36
- С. Галбацев.* Вызовы и риски устойчивого развития в Республике Дагестан (этнополитический аспект) 51
- Д. Попов.* Центральная Азия во внешней политике США. Противодействие российскому интеграционному проекту 59

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- А. Витол.* Вхождение Турции в «европейский концерт»: Европейское понимание и конфликт с исламом 72
- К. Труевцев.* Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье 80
- Л. Ефимова.* Мусульманское образование в современной Индонезии 99

<i>Б. Долгов.</i> Миграционный кризис в Европе и радикальный исламизм	117
--	-----

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>А. Книш.</i> Реформация, которая не состоялась, или Что бы сказал Муса Бигиев сегодня?	135
<i>О. Клычев.</i> О порядке направления российских подданных на обучение в медресе Бухары	143

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

С. Расторгуев,

доктор политических наук,
доцент кафедры общей политологии
Финансового университета при Правительстве РФ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ГИБРИДНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ, ГОСУДАРСТВУ И ЭЛИТЕ

Аннотация. В статье анализируются гибридные возможности и угрозы современной России. Гибридизация политики и экономики рассматривается как закономерный процесс в условиях информатизации и глобализации. На российских примерах исследуются возможности и угрозы «гибридной войны», «мягкой силы», анализируются изменения конъюнктуры мировых цен на нефть.

Ключевые слова: «гибридная война», гибридные угрозы, гибридные возможности, «мягкая сила».

Целью данной статьи является исследование основных внешнеполитических гибридных возможностей российского общества и государства, а также гибридных угроз, которые управляются современной политической элитой. В политологическом дискурсе последних лет актуален концепт «гибридной войны» как конфликта акторов, использующих соотношение невоенных и военных методов в пропорции В. Парето – 80 : 20. Объем понятия «гибридная война» включает в себя следующие множества: боевые действия регулярных войск (с учетом последних военно-технических разработок); боевые действия «независимых акторов» (повстанцы, террористы); экономическое давление (отраслевые санкции, эмбарго, подрыв финансовой системы, транспортные

барьеры); политическое давление (мобилизация оппозиции на протестные действия, дипломатическая изоляция, прессинг в международных организациях); социальное давление (активация внутренних групповых конфликтов, дезорганизация системы социального обеспечения); информационное давление СМИ (формирование образа врага, манипулирование историческим прошлым, размывание ценностного ядра мировоззрения). Можно предположить, что в отношении крупной ядерной державы, каковой является Россия, ведение широкомасштабной войны в современных условиях представляется маловероятным. На смену широкомасштабным войнам и потенциальной угрозе ядерного удара приходит «гибридная война».

Для целей исследования автор использует более широкий концепт «гибридные угрозы / гибридные возможности», которые наряду с собственно «гибридными войнами» охватывают явления, характеризующиеся такими терминами, как «цветные революции», «мягкая сила», «сепаратизм», «сырьевая зависимость». Гибридные угрозы рассматриваются как вероятность дисфункции различных систем общества и государства под влиянием внешнего воздействия невоенными средствами. Дисфункция является следствием целенаправленных действий зарубежных государственных и негосударственных акторов с целью изменения поведения российских государственных и негосударственных акторов в соответствии с интересами первых. Гибридные возможности – это гибридные угрозы государственных и негосударственных акторов, обращенные вовне с целью изменить поведение зарубежных государственных и негосударственных акторов в соответствии с интересами России.

Если применить плодотворный научный метод аналогии, то можно уподобить «гибридную войну» искусственному вирусу, созданному для целенаправленного внедрения в клетки (институты атакуемого государства) и их подрыва. Гибридные угрозы / гибридные возможности включают в себя анализ реакций организма (государственные и общественные институты) на попадание как искусственных, так и естественных вирусов посредством выработки иммунитета (когда институты справляются сами), вакцинации (когда государство активно защищает институты политическими средствами), карантина (когда вирусоносители изолируются от институтов). Следует отметить, что «искусственные вирусы» могут вызвать нежелательные для их создателей последствия. Например, радикальные движения «Талибан», «Аль-Каида»,

ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) вышли из-под контроля творцов и даже вступили с ними в противоборство. Не дожидаясь вторжения «искусственных вирусов» противника, государство может занять проактивную позицию и использовать свои гибридные возможности во внешнеполитической деятельности для достижения необходимых результатов. Сам процесс гибридации можно рассматривать как естественную эволюцию всех сфер жизни, приводящую к появлению новых видов. Гибридизация вполне вписывается в процессы глобализации, информатизации, интеграции, а термин «глокализация» сам представляется лингвистическим гибридом.

Устойчивость социальных и государственных институтов России к гибридным угрозам, способность использовать гибридные возможности во многом зависит от количества, глубины, обостренности социальных, экономических, политических, культурных расколов российского общества (аналог иммунной системы). В любом обществе присутствуют дифференциация и стратификация групп, неравномерное распределение ресурсов, однако каждое общество по-своему адаптируется к существующим условиям. Гибридные угрозы имеют наибольшую вероятность реализоваться в обществе с обостренными расколами. Своеобразие расколов российского общества обусловлено как естественными факторами (полиэтничность, поликонфессиональность, большой размер территории, неравномерность обеспеченности природными ресурсами), так и производными факторами (большая дифференциация денежных доходов населения, различия в региональной политической культуре и др.).

Автор анализирует гибридные угрозы / гибридные возможности для трех коллективных субъектов, различающихся не только количественно, но качественно, – это российское общество, российское государство, российская политическая элита. Под российским обществом понимается совокупность всех жителей страны, которых объединяет цивилизационная матрица политических, экономических, социальных, культурных коммуникаций. Российское государство включает представителей институтов законодательной, исполнительной, судебной власти всех уровней. Политическая элита понимается как небольшая группа лиц, принимающая ключевые политические решения федерального масштаба. Коллективные субъекты, будучи сложносоставным явлением, в котором переплетены сотрудничество и соперничество, имеют опреде-

ленную общность интересов, затрагиваемых гибридными возможностями и гибридными угрозами.

Актуальность проблематики гибридных угроз, и в частности «гибридных войн», обусловлена взаимными претензиями политиков, военных и ученых разных стран, которые рассматривают свои общества и государства как объекты воздействия со стороны оппонентов [Герасимов 2013; Карякин 2015: 237; Магда 2015: 4]. При этом, как правило, ответные или превентивные действия своей страны не анализируются в контексте «гибридной войны» и гибридной внешнеполитической возможности. Автор статьи рассматривает гибридные угрозы, возможности и войны как неотъемлемый элемент деятельности современных политических акторов всех стран. Такой подход, во-первых, позволяет избежать двойных стандартов, когда однопорядковые акции двух стран классифицируются как диаметрально противоположности, во-вторых, легализует гибридные угрозы, возможности и войны любой страны как объекты научного исследования.

Многоплановость гибридных концептов ведет к дискуссии о времени появления феномена в реальности. Безусловно, многие проявления гибридных угроз и войн можно найти в Древней и Новой истории: использование наемников, диверсии, партизанское движение, мятежи «пятой колонны», экономическая блокада, перекрытие транспортных коммуникаций, пропаганда и создание образа врага. Однако представляется разумным констатировать появление нового феномена именно в последние 20–25 лет, что связано с качественным развитием информационных технологий, переходом от массовых армий к профессиональным, интернационализацией экономических и социальных процессов. Осмысление нового феномена осуществляется военными экспертами (Ф. Хоффман, Ф. ван Каппен, М.С. Бонд, В.В. Герасимов), политологами и историками (Р.У. Гленн, М. ван Кревельд, Дж.С. Най, П.А. Цыганков, А.В. Соловьев, А.В. Манойло, Г.Ю. Филимонов, О.Г. Карпович, С.С. Сулакшин и др.), философами (Ж. Бодрийяр, Н. Хомский и др.). Именно в нулевых годах в политологическом дискурсе прочно утвердились концепты «гибридная война», «мягкая сила», «цветная революция», «социальная сеть».

Автор акцентирует внимание на потенциале использованного Ж. Бодрийяром термина «апотропия», который трактуется как «сдерживание путем разубеждения и (или) устрашения, причем угроза зачастую симулятивна» [Бодрийяр 2016: 205–206]. Данный концепт, несмотря на свое древнегреческое происхождение, под-

черкивает одну из важнейших характеристик гибридных угроз – дистанционную власть над информационным пространством посредством электронных СМИ, социальных сетей. Масштабная информатизация всех сфер жизни общества и государства, массовое распространение гаджетов у населения, особенно у молодежи, которая является ядром протестного потенциала и кадровым поставщиком для армии, способствуют появлению нового театра военных действий в пространстве Интернета. Если элиты придут к негласному консенсусу о неприменении ядерного оружия, то апотропия станет одним из главных орудий новой дипломатии государственных и негосударственных акторов.

Распространение гибридных форм воздействия не отменяет использование классических силовых методов. Интересно отметить, что составители Global Peace Index 2015 поставили Россию на 152-е место по интегрированному критерию «внутренние и внешние конфликты / социальная безопасность / милитаризация», однозначно позиционируя Россию как самую милитаристскую и небезопасную страну БРИКС (Бразилия – 103-е место, Китай – 124-е, ЮАР – 136-е, Индия – 143-е)¹. США занимают 94-ю строчку рейтинга, хотя ведут боевые операции в разных странах мира, расходуют на внутреннюю и внешнюю безопасность 12% ВВП (наравне с Израилем и Венесуэлой), имеют самый большой военный бюджет (больше всех стран БРИКС вместе взятых), являются крупнейшим экспортером оружия, в стране совершается много насильственных действий с применением оружия, они располагают одним из крупнейших ядерных арсеналов. Обращает на себя внимание тот факт, что все страны СНГ признаны более миролюбивыми, чем Россия, хотя некоторые из них имеют неразрешенные территориальные споры на грани войны (Украина, Армения, Азербайджан), непризнанные государства внутри официально провозглашенных границ (Молдова, Грузия), острые внутривосточные проблемы и небезопасных воюющих соседей (Таджикистан).

Возможности и угрозы «гибридной войны»

Как было определено ранее, «гибридная война» представляет собой современную форму конфликта, в которой соотношение

---

¹ Global Peace Index 2015. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/06/GlobalPeace-Index-Report-2015_0.pdf (Accessed: 17.07.2016.)

военных и невоенных методов распределено по принципу В. Парето. Российские возможности связаны с проведением «гибридных войн» против недружественных политических режимов других стран для достижения внешнеполитических и внутривнутриполитических целей. В частности, «гибридная война» может способствовать смене антироссийского политического режима на лояльный России политический режим как в странах СНГ, так и в странах Азии. Теоретически «гибридная война» возможна в любой точке Земного шара, однако необходимо учитывать имеющиеся ресурсные ограничения, членство государств в военно-политических блоках (НАТО), приоритетность выбранных направлений с точки зрения защиты интересов российского общества. Причем не обязательно прибегать к реализации 20% боевой составляющей конфликта, в идеале она должна стремиться к нулю за счет эффективного использования небоевых методов воздействия. Именно в этом заключается сущность концепта «апотропия». Сама по себе угроза задействовать 20% боевых методов в совокупности с 80% небоевых методов воздействия может оказаться достаточной для защиты национальных интересов России. Отказ от применения боевых средств может использоваться как разменная монета в переговорах с ресурсными акторами (НАТО, США, Евросоюз).

«Гибридная война» имеет своих лоббистов – тех, кто извлекает непосредственную выгоду от процесса самой войны или рассчитывает получить выгоду после ее завершения. С 80-х годов XX в. исследователи отмечают тенденцию активного участия во внешней политике, наряду с государствами, негосударственных акторов (ТНК, религиозные, экономические сетевые структуры, частные военные компании и др.). Государственные и негосударственные лоббисты рассматривают «гибридные войны» как проекты, приносящие отдачу на вложенные ресурсы в расчете на получение выгоды в различной форме. Политической элите, ответственной за принятие стратегических решений, следует соразмерять издержки и выгоды «гибридных войн», руководствуясь не частным, а общим интересом.

Угроза от проведения «гибридных войн» заключается прежде всего в возможной изоляции России в рамках мировых политических и экономических институтов, введении экономических санкций, сокращении сотрудничества во многих сферах жизни. Зависимость бюджета, инвестиций, технологического роста России от мировой экономики по сравнению с США и ЕС намного сильнее, поэтому следует использовать боевые методы только

в случае непосредственной угрозы национальной безопасности. Для страхования подобных рисков необходимо создавать лояльные и взаимовыгодные интеграционные объединения (ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС). Одновременно есть основания предполагать, что военный потенциал России, прежде всего обладание стратегическим наступательным вооружением и ядерным оружием, гарантирует невозможность применения к России балканских и ближневосточных сценариев.

«Гибридная война» / угроза «гибридной войны» способствуют мобилизации общества, государства вокруг политической элиты и укрепляют легитимность власти. В повестку дня вносятся интегрирующие ценности, что позволяет уменьшить напряжение, вызванное расколами общества. Артикулируется и подтверждается национальная идея (образец, идеал, мечта). Достаточно ярко подобного рода мобилизация прослеживается в странах Запада, которые интегрируются вокруг либеральных ценностей. Ценности других цивилизаций позиционируются СМИ как консервативные, традиционные, авторитарные, тоталитарные, а давление на общество, государства и элиты незападных стран представляется в виде прогрессивного и объективного процесса в духе концепции Ф. Фукуямы о «конце истории». Как отмечал Ж. Бодрийяр, «для глобального всемогущества, не менее фундаменталистского, чем религиозная ортодоксия, все отличные от него сингулярные формы являются ересями. Поэтому они обречены либо на добровольное или принудительное возвращение в лоно глобального порядка, либо на исчезновение» [Бодрийяр 2016: 161].

Вместе с тем мобилизация общественного сознания тесно связана с такими понятиями, как пропаганда и манипуляция. История свидетельствует, что злоупотребление пропагандой, которая возможна и в условиях массовой информатизации, ведет к формированию стратегически бесперспективной иллюзорной реальности. Таким образом, гибридные угрозы создают образ врага / конкурента, который, с одной стороны, полезен для мобилизации и интеграции общества, с другой – при переходе определенной меры приводит к неадекватному восприятию реальности и трансляции этого искаженного восприятия на общество.

Россия имеет возможность разместить на территории страны политических эмигрантов из других стран (оппозиционных политиков, религиозных и культурных деятелей, утративших власть правителей, военнослужащих, полицейских, чиновников, а также членов их семей). Перечисленные группы лиц могут получать

материальную, кадровую, информационную, символическую поддержку России и оказывать давление на политические режимы нелояльных России стран, фактически выполняя 80% небоевых объемов «гибридной войны». При определенных обстоятельствах они могут принять участие и в 20% боевого объема операций. Сама потенциальная угроза реализации 20% боевых задач силами политических эмигрантов может служить сильным сдерживающим фактором для политических элит зарубежных государств, проводящих активную антироссийскую политику. Подобную политику проводят, например, США в отношении Кубы, включая прямую поддержку военного вторжения в 1961 г.

Угроза «гибридной войны» против России наиболее вероятна в контексте помощи в организации и внешней поддержки сепаратистских движений, прежде всего на Северном Кавказе. Сепаратизм можно анализировать в концептах «раскола», «этнического предпринимательства», «поиска идентичности», «дискриминации в распределении ресурсов». Манипулирование историей и идентичностью народов России, деструктивная работа этнических диаспор за рубежом, углубление социально-экономических проблем, распространение радикального ислама и мирового терроризма являются предпосылками для развития сепаратизма и формирования этнократических режимов. Можно указать, что формированию сепаратистских движений способствуют либо раскол политической элиты страны, либо формирование этнической контрэлиты при бессилии официальной элиты. В крайней форме сецессии сепаратизм может победить только при наличии сильных внешних акторов. Лучшей гарантией от сепаратизма является формирование российской идентичности, справедливое распределение ресурсов между регионами и социальными группами, интеграция в политическую и экономическую элиту представителей всех этносов России, реализация федерализма не только как принципа административно-территориального устройства, но и как механизма реализации различных политик (экономической, образовательной, культурной).

Автор предлагает использовать апотропические возможности «гибридной войны» для противостояния американской технологии «цветной революции». Технология «цветной революции» по методике ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа, применяемая в условиях широкой информатизации и направленная на устранение неугодных США политических режимов, представляется весьма опасным оружием стран западной демократии. Россия

не может заимствовать данную технологию в чистом виде, поскольку она построена на ценностях либерализма, естественных прав человека, западного варианта демократии, активности некоммерческих организаций гражданского общества, использовании американских социальных сетей (Facebook, Twitter). Перечисленные выше ценности и технологии не являются сильными сторонами России. Поэтому в качестве ответа на проводимую Западом политику «цветных революций» в странах СНГ и Ближнего Востока (которые зачастую перерастают в кровопролитные гражданские войны) Россия вполне способна противопоставить жесткую силу (Сирия), «гибридную войну» / угрозу «гибридной войны». А элементы «цветных революций» могут использоваться в форме продвижения практик ненасильственного протеста пророссийских легально-оппозиционных сил в странах Запада. Особого внимания заслуживает поддержка таких групп методов ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа, как социальное вмешательство, обычные промышленные забастовки, ограниченные забастовки, отказ от участия в общественных событиях, обычаях и работе, общественные собрания, процессии, символические общественные акции, групповые акции, общение с широкой аудиторией, официальные заявления.

Возможности и угрозы «мягкой силы»

В 2016 г. международная консалтинговая компания *Portland* впервые включила Россию в рейтинг стран топ-30 «мягкой силы», присвоив нашей стране 27-ю строчку. Для сравнения: страны БРИКС, попавшие в рейтинг, заняли, соответственно: Бразилия – 24-е, Китай – 28-е место¹. Абсолютными лидерами по критерию «мягкой силы» объявлены США, Великобритания, Германия.

Проанализируем возможности и угрозы России по нескольким блокам критериев рейтинга «мягкой силы». Блок «Культура» рассчитывается по объему туристических обменов, фильмов на кинофестивалях, распространенности в мире языка страны, посещаемости музеев из топ-100, размеру музыкального рынка, числу олимпийских медалей, рейтингу национальной сборной по футболу. У России отрицательное сальдо по международному туризму, хотя позитивные туристические впечатления о стране формируют

---

¹ The Soft Power 30. A global ranking of soft power 2016. URL: <http://www.portland-communications.com/the-soft-power-30/> (Accessed: 17.07.2016.)

комплиментарную установку для поведения. Поэтому целесообразно развивать туристическую инфраструктуру России, не рассматривая только лишь показатели финансовой прибыли. Весомым компонентом «мягкой силы» является язык, который позволяет осваивать культуру страны и общаться с ее гражданами. Возможности русского языка (8-й по распространенности в мире) связаны с созданием качественных культурных и научных произведений, которые будут интересны мировому сообществу, интеграционными процессами на постсоветском пространстве. Угрозы исходят от целенаправленной политики ряда стран бывшего СССР по ограничению использования русского языка, а также от снижения количества и качества отечественной культурной продукции. Кинематографические и музыкальные произведения также могут войти в политическое поле, что проявляется в поощрении или ограничении инициатив деятелей культуры и проводимых ими мероприятий (фестивали, показы, концерты). Спорт еще во времена «холодной войны» являлся элементом «мягкой силы». Допинговые скандалы с российскими спортсменами, борьба за право проведения олимпиад и чемпионатов мира, внимание к выступлению отечественных спортсменов и сборных команд со стороны политической элиты свидетельствуют о политизации спорта. Успехи российских спортсменов поддерживают положительный имидж страны, а угрозой является не столько неуспешное выступление на соревнованиях, сколько формирование в информационном пространстве представлений о коррупции, государственной допинговой системе, которые влекут за собой санкции со стороны мировых спортивных организаций и создают негативный образ России.

Блок «Образование». По данным Госкомстата, в 2015 г. в России обучались около 242 тыс. иностранных студентов (8-е место в мире), из них на страны СНГ приходится 70% иностранных студентов¹. Подготовка кадров для соседних стран дает возможность России оказывать влияние на формирование политической, экономической, научной, культурной элиты этих государств. Угроза заключается в возможном перетоке иностранных студентов в вузы других стран. Для противодействия этому процессу следует увеличивать число бюджетных мест для иностран-

---

¹ Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. – М.: Росстат. С. 136–137. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm (Проверено: 17.07.2016.)

цев, развивать в университетах передовые научные школы (в том числе стремиться войти в топ-200 вузов мира), привлекать в образование частные инвестиции, поскольку государство по объективным причинам в 2015–2016 гг. сократило расходы на образование [Бюллетень о состоянии... 2015: 5].

По блоку «Вовлеченность» Россия вошла в десятку лидеров стран с «мягкой силой». Данный блок основан на расчете помощи другим странам, числе дипломатических миссий страны за границей и заграничных миссий в стране, членстве в международных организациях, числе подписанных договоров об охране экологии, предоставленных убежищ мигрантам, числе стран, с которыми существует безвизовый режим. Данный блок больше связан с официальной дипломатической активностью и подтверждает влияние российской дипломатической школы.

Блок «Цифровые технологии». Возможности данного блока связаны с расширением влияния на русскоязычную аудиторию Интернета за границей за счет коммуникаций в социальных сетях. Угрозы данного блока обусловлены вероятностью формирования сетевых структур, которые могут вступить в борьбу с правительством, пользуясь поддержкой извне. Также примечательно, что в расчет рейтинга берется только одна американская социальная сеть Facebook (включая Instagram). Один из критериев рейтинга включает число пользователей Facebook из числа сотрудников МИДа. С одной стороны, это может содействовать публичности государственного управления, с другой – нетрудно предсказать появление технологий манипуляции посредством активности крупного чиновника в социальной сети.

Блок «Предпринимательство» включает показатели, характеризующие внутреннюю среду бизнеса в стране, конкурентоспособность на современных рынках и привлекательность для иностранного капитала. Введенные против России экономические санкции негативно влияют на прямые иностранные инвестиции, мешают развитию высокотехнологичного военно-промышленного экспорта. Что касается развития малого и среднего бизнеса, то следует отметить традиционно высокую долю крупных предприятий в структуре экономики РФ. Причем весомую роль здесь играют государственные компании. Авторские расчеты показывают, что из 100 крупнейших компаний России по выручке насчитывается 21 государственная компания, но по объему выручки 79 част-

ных компаний имеют незначительное преимущество: 21,4 трлн руб. против 19,1 трлн руб.¹ При этом ряд крупных частных компаний вполне можно рассматривать как окологосударственные. Возможности России связаны с созданием стабильной экономической системы, которая способна мотивировать отечественных и иностранных бизнесменов вкладывать средства в предпринимательские проекты. Приток прямых иностранных инвестиций, в отличие от спекулятивных вложений в финансовые активы, привязывает интересы зарубежных инвесторов к России и минимизирует желание вести против нашей страны «гибридную войну».

Блок «Управление». По индексу человеческого развития Россия стабильно занимает место в 6-м десятке стран по причине низкой продолжительности жизни мужского населения, а в период кризиса – из-за падения ВВП на душу населения. Возможности / угрозы России подняться / опуститься в данном индексе связаны с улучшением / ухудшением социально-экономической ситуации. По коэффициенту Джини Россия имеет лучшие показатели по сравнению с большинством стран БРИКС: Индия – 0,336; РФ – 0,416; Китай – 0,469; Бразилия – 0,497; ЮАР – 0,650². Сокращение социального неравенства посредством создания социального государства (один из шагов к этому – выполнение майских указов президента 2012 г.) является способом стабилизации политической системы, а увеличение неравенства несет угрозу социальных протестов. Как свидетельствует опыт истории, социальные протесты используют в своих целях наиболее ресурсные группы. По различным усредненным оценкам отечественных и зарубежных исследователей, доля теневой экономики России составляет около 35–40% – больше чем в Китае, Индии, примерно на уровне Бразилии. Автор разделяет мнение исследователей, которые наряду с угрозами теневой экономики (недополучение налогов в бюджет, производство некачественной продукции, финансирование коррупции, силовое предпринимательство) рассматривают возможности теневой экономики (смягчение эффекта падения доходов в кризис, проявление

---

¹ Рейтинг крупнейших компаний России 2015 г. по объему реализации продукции. Доступ: http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2015-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (Проверено: 17.07.2016.)

² БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – С. 64–81. Доступ: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/BRIKS_RUS.pdf (Проверено: 17.07.2016.)

предпринимательской инициативы без регламентации государства, производство необходимых товаров и услуг).

Возможности и угрозы изменения конъюнктуры мирового рынка энергоносителей

В экономике любой страны есть одна-две приоритетные отрасли, которые вносят наибольший вклад в ВВП, платят основную долю налогов в бюджет, создают значительное число рабочих мест, привлекают большие инвестиции, используют новейшие технологии. Такие отрасли описывал экономист Ф. Перру в модели «полюсов роста». В России к таким полюсам роста относится нефтегазовый сектор: из десяти крупнейших компаний страны пять относятся к этому сектору (Газпром, НК «ЛУКОЙЛ», НК «Роснефть», Сургутнефтегаз, АК «Транснефть»). Экспорт минеральных продуктов, прежде всего нефти, дизельного топлива, газа, составил в 2015 г. 64% экспортной выручки, а в период 2006–2015 гг. средний нефтегазовый доход федерального бюджета составлял 46,2%¹. Таким образом, нефтегазовый сектор можно рассматривать как бюджетообразующий, доходы от экспорта углеводородов позволяют осуществлять социальные программы, инвестиционные проекты, финансировать ВПК, науку, государственное управление, национальную безопасность, предоставлять трансферты дотационным регионам. Российское общество, государство и политическая элита являются коллективными выгодоприобретателями доходов сырьевой ренты. Как страна-экспортер углеводородов Россия заинтересована в высокой конъюнктуре мировых цен на энергоносители.

Каким образом формируется мировая цена на нефть, кто ее определяет, возможны ли манипуляция и политически ангажированные картели на рынке углеводородов? Автор статьи согласен с экономистами, которые выделяют две группы факторов ценообразования сырьевых товаров в современных условиях. К первой группе относятся фундаментальные факторы – спрос, запасы, технологии, экономические циклы, геополитические риски. Ко второй группе относятся финансовые факторы – инфляция, валютные курсы (особенно курс американского доллара), спрос и предложение на финансовых рынках. Цены на нефть формируются на бир-

---

¹ Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. – М.: Росстат. С. 495. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm (Проверено: 17.07.2016.)

жах деривативов (Нью-Йорк, Лондон, Чикаго) без реальной поставки товаров: нефть стала финансовым активом, и ее цена оторвалась от реального спроса и предложения. В 2011 г. открытые позиции на нефтяные фьючерсы в 12 раз превышали объемы добычи нефти. «Инвестиции в товары (деривативы с товарами в качестве базисных активов) – в качестве финансовых – начинают зависеть от курса валют, уровня процентной ставки, спекулятивной конъюнктуры»¹. Глобальные инвесторы в поисках прибыли переводят значительные суммы денег между нефтяными фьючерсами, золотом, государственными ценными бумагами, различными валютами, акциями ТНК. Экономисты отмечают, что крупные глобальные инвесторы больше ориентируются на финансовые факторы, а на фундаментальные обращают внимание, когда последние достигают экстремальных значений. Выявлена обратная пропорциональность курса американского доллара и цены на нефть применительно к последним 30–40 годам: чем дороже доллар, тем дешевле нефть и наоборот².

Следует отметить, что финансовые факторы являются рукотворными. Введение плавающего валютного курса, отказ от государственного регулирования цен, предложение долларов и определение учетной ставки Федеральной резервной системой, развитие рынка деривативов вследствие политики дерегулирования рынков – все это продуманные действия политических и финансовых властей США. Россия не может повлиять на финансовые факторы, поэтому возникает угроза резкого падения нефтяных цен, обусловленная как спекулятивным переходом глобальных инвесторов (в основном англосаксонских) в другие активы, так и целенаправленным сговором крупных игроков. Кстати, монополистический сговор на рынке нефти (вначале англо-американский, затем арабский) фактически определял ее цену с 1945 до середины 1980-х годов, поэтому концепт картелизации на уровне ТНК и государств исторически обоснован. Гипотетически политически ангажированные глобальные игроки и ряд стран – экспортеров нефти могут снизить мировую цену на нефть для оказания давления на российскую политическую элиту, которая выполняет «социальный контракт» с российским обществом посредством перераспределения

---

¹ 1971–2025: Курсы валют, мировые цены на сырье, курсы акций. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (под ред. Я.М. Миркина). – М.: Магистр, 2015. – С. 148–150.

² Там же.

рентных доходов. Данное предположение не связано с теорией заговора, западноевропейские и восточноевропейские политики и исследователи в середине нулевых годов публично характеризовали деятельность ОАО «Газпром» как угрозу национальной безопасности со стороны энергетической сверхдержавы.

Возможности России заключаются во влиянии на фундаментальные факторы: наряду с Саудовской Аравией и США наша страна является крупнейшим производителем нефти. Создание гипотетического картеля для ограничения объемов добычи нефти в составе России, Венесуэлы, Бразилии, Ирана, Ирака, КНР, Анголы, Казахстана, Азербайджана поставит около 37% мировой добычи под влияние картеля. Это даст возможность договориться о регулировании объемов добычи нефти. Фундаментальным фактором являются геополитические риски, которые включают классические войны, «гибридные войны», санкции, перебои в транспортировке, аварии на нефтедобывающих предприятиях и транспортных системах. Россия может использовать гибридное воздействие на страны Персидского залива (на них приходится более четверти мировой добычи нефти), которые даже более далеки от «либеральных» идеалов «цветных революций», чем страны Северной Африки и Ближнего Востока, подвергшиеся воздействию стратегии «управляемого хаоса». По расчетам автора, принимая максимальные издержки добычи нефти вне США в 30 долл. за баррель, «справедливой» (рыночной) ценой при стабильном спросе и стабильной добыче можно признать цену в диапазоне 50–70 долл. Такая цена не налагает на страны-импортеры бремя спекулятивной переплаты, а страны-экспортеры получают достаточную (не спекулятивную) прибыль. Конечно, конъюнктура мирового рынка изменчива и многофакторна, но именно превращение товара в финансовый актив приводит к аномальному колебанию цены на нефть от 110 до 30 долл. при практически неизменных фундаментальных факторах. Картель стран-экспортеров мог бы рыночными средствами (квотирование добычи) скорректировать «невидимую руку рынка» (глобальные инвесторы).

В заключение можно провести еще одну аналогию. Современный мир, находящийся в процессе глокализации / гибридации, напоминает производный финансовый инструмент в форме расчетного фьючерса. Продавец и покупатель получают выгоду без реального обмена товара на деньги, а их сделка оказывает существенное воздействие на экономическую, социальную и поли-

тическую сферы общества. В этом и заключается сущность гибридных возможностей и угроз.

Литература

1. Бодрийяр Ж. 2016. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. – М.: РИПОЛ классик, 224 с.
2. Бюллетень о состоянии российского образования. Июнь 2015. – Аналитический центр при Правительстве РФ. 18 с. Доступ: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5474.pdf> (Проверено: 17.07.2016.)
3. Герасимов В.В. 2013. Ценность науки в предвидении. – Военно-промышленный курьер. № 8 (476). 27 февр. Доступ: vprk-news.ru/articles/14632 (Проверено: 17.07.2016.)
4. Карякин В.В. 2015. Гибридные войны как фактор возрастания нестабильности в зонах соперничества мировых держав. – Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века (под ред. П.А. Цыганкова). – М.: Изд-во МГУ, 384 с.
5. Магда Е.В. 2015. Гибридная война: Выжить и победить. – Харьков: Виват, 320 с.

«Власть»,
М., 2016 г., № 9, с. 15–24.

Р. Патеев,

кандидат политических наук,
директор Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ: ПОИСК ПАРАДИГМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСЛАМСКИХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. В статье рассматривается статус исламоведения как научного направления. Отмечается размытость предмета исследования и отсутствие общепринятых методологических подходов. Поляризация научных мнений связывается с тем, что сами исследователи в области ислама представляют различные специальности. Указывается, что современное исламоведение, развивавшееся под влиянием традиций востоковедения, в основном сосредоточено на источниковедческой проблематике и рассмотрении идеологических контекстов ислама. При этом исследователей мало интересует оценка реальных социокультурных трансформаций в исламских сообществах. По мнению автора, отсутствие общепринятой парадигмы осмысления истории исламской цивилизации является основной проблемой при разработке концепции

трансформации исламских сообществ. Центральной же проблемой остается осмысление трансформаций взаимоотношений религиозных и политических институтов в исламских сообществах. Имеются существенные расхождения в определении и характеристике понятий «исламское возрождение», «фундаментализм», «модернизация» и т.д. Ставится под сомнение адекватность отнесения консервативного салафитского течения к реформаторскому движению. Предлагается соотнесение, но не отождествление современных процессов в мусульманских сообществах с концепцией Реформации христианства в Западной Европе. Подчеркивается значимость процессов секуляризации мусульманских сообществ. По мнению автора, во многом именно этот процесс вызывает сложные реакции, вплоть до крайних проявлений радикализма.

Ключевые слова: исламоведение, фундаментализм, модернизация, исламская реформация, трансформация.

Введение

В первую очередь необходимо остановиться на статусе исламоведения как научного направления. В одном из советских изданий, до сих пор пользующемся популярностью, задачи исламоведения сводились к тому, чтобы «дать комплексное представление об исламе как об идеологической системе» [12, с. 3]. Сегодня ситуация с узкопредметной интерпретацией исламоведения продолжает сохраняться. Иногда исламоведение рассматривают лишь как одно из направлений религиоведения¹. В другом современном словаре исламоведение представлено как самостоятельный раздел востоковедения [8, с. 90].

В классическом понимании методологии науки исламоведение как отдельная отрасль, напротив, выглядит достаточно размыто. Нет четко определенного предмета исследования, который охватывает все сферы общественной жизни мусульманских сообществ и религиозно-идеологические особенности исламской доктрины. Сегодня исламоведы занимаются целым спектром исследований: начиная от изучения языков, богословских источников, истории, страноведения и заканчивая проблемами современного права, политики, экономики, культуры, искусства и т.д.

---

¹ В частности, такое мнение представлено в русскоязычном варианте публикации сайта «Wikipedia». Несмотря на то что данный ресурс нельзя отнести к сугубо научным, данный источник информации в Сеги остается одним из самых популярных [13].

В исламоведении применяются методы тех научных направлений, которые представляет ученый с соответствующим образованием. В современном исламоведении филологи зачастую становятся политологами, философы занимаются социологическими исследованиями, политологи и антропологи специализируются на теолого-философских вопросах ислама и т.д.

Статус исламоведения

Известный российский исламовед С.М. Прозоров, пытаясь внести ясность в содержание понятия «академического исламоведения», указывает, что оно делится на три части: источниковедческая база с опорой на оригинальные арабографичные сочинения; понятийный аппарат ислама; «методологический подход к изучению ислама как самодостаточной идеологической системы» [19, с. 270]. В такой интерпретации предметное поле исламоведения охватывает, с одной стороны, источниковедение (вспомогательную отрасль истории), а с другой – политологию, изучающую идеологии. Кроме того, религиозная идеологическая система частично охватывает и предметную область религиоведения. Ситуация в англоязычной научной литературе выглядит еще более неопределенной, поскольку в западной интерпретации исламоведение (Islamic Studies), которое в России относится к светскому направлению, также включает в себя и религиозно ориентированное изучение ислама.

При отсутствии конкретно очерченного предметного и методологического каркаса такая научная «свобода» не позволяет говорить об исламоведении в России как о состоявшейся науке. Может ли вообще совокупность исследований, связанных с изучением мусульманских сообществ и различных идеологических моделей ислама, институционализироваться в отдельное научное направление? Современное исламоведение – это совокупность междисциплинарных исследований исламской религиозно-общественной мысли и различных сфер жизни мусульманских сообществ¹.

При этом сегодня открыто говорится о таких научных направлениях, как исламское право, исламская экономика, ислам-

---

¹ Так считает и известный исследователь А.К. Аликберов, который справедливо отмечает, что «к исламооведам относят себя представители самых разных профессий», и акцентирует внимание на светском характере современного исламоведения [4].

ская философия, исламская экология¹ и т.п. Таким образом подчеркивается, что социокультурная сущность ислама весьма своеобразна, это отдельная религиозно-мировоззренческая система. Безусловно, это следует учитывать, но вряд ли стоит обособлять сферы общественной жизни мусульманских сообществ в пространствах, функционирующие по неким особым закономерностям и правилам, известным исключительно исламоведом. При подобных подходах просматривается желание повысить статус исламоведения до уровня «метанауки» об исламе, что в общем является отрицанием логики научного познания, которая таким образом теряет универсальность.

Проблемы парадигмы исламской истории

У европейской цивилизации уже с эпохи Средневековья возник интерес к греческой культуре и науке, а особенно сильным он стал в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.). В середине XVI в. начинается Реформация – эпоха религиозного и общественно-политического движения, которая завершается примерно в начале XVII в. Это период постепенного становления системы национальных государств, которая окончательно складывается после Вестфальского мира 1648 г. Пережив череду кровавых конфликтов, европейские сообщества пришли к пониманию невозможности решения общественно-политических проблем через призму религии. Это и есть основной общественно-политический итог Реформации. С конца XVII в. начинается эпоха Просвещения. В конце XVIII в. происходит Французская революция. Франция становится светской национальной республикой. С конца XVIII в. в Европе начинается процесс индустриализации на основе промышленной революции, которая и завершила формирование современных капиталистических экономик национальных государств Западной Европы. Примерно по той же схеме, хотя и со своими особенностями, развивались и другие регионы мира. Общая картина вполне логична и общепринята в научном сообществе.

Есть множество серьезных работ по исламоведению. Во многих из них говорится о том, что необходимо отойти от принципов европоцентризма и колониальных пережитков. Это обсуждалось в рамках дискуссии, связанной с критикой «ориентализма»

---

¹ В этом отношении интересна работа, в которой заявляется перспектива развития «исламского экологического права» [24, с. 14].

Э. Саида, которая возникла в рамках западного востоковедения и была инсталлирована в российское исламоведение. При этом критиковались попытки осмыслить Восток с точки зрения западных научных концепций, которые интерпретируются исключительно как «постколониальный дискурс в политических целях», иногда при отсутствии конструктивных предложений¹.

Однако предлагаемые модели вновь, как правило, привязаны к понятийному аппарату западной науки. Показательна одна из работ, которую нельзя отнести к сугубо исламоведческим. В ней затрагивается проблема трансформаций мусульманских сообществ Средней Азии. Автор придерживается теории постколониализма, а книгу Э. Саида определяет как «мировой интеллектуальный бестселлер». Кроме колониализма одновременно в работе центральной категорией становится понятие «модернизации» [1]. Однако, по логике критиков ориентализма, теория модернизации, подразделяющая различные сообщества на традиционные и нетрадиционные, должна быть интерпретирована как колониальный пережиток, недопустимый в научном дискурсе. При этом сама теория модернизации критикуется справедливо, но в значительной степени эта критика привязана к анализу экономико-политических трансформаций, а к религиозным процессам фактически не применяется [2].

Зачастую подобная терминологическая привязка происходит при полном либо частичном игнорировании концептуальной сущности применяемых понятий, исторического контекста их происхождения и современного содержательного наполнения. Встречается множество терминологических сочетаний: исламское возрождение, мусульманский ренессанс, исламская реформация, исламская модернизация [9; 10; 17; 21] и т.д. Отсутствие единой концепции осмысления истории исламской цивилизации затрудняет классификацию религиозно-идеологических моделей, что ставит в тупик обществоведов, философов, политологов и т.д. Продолжаются нескончаемые научные дискуссии о возрожденчестве, реформаторстве и т.д. О фундаментализме как кальке с протестантских движений в США было сказано и написано много [16, с. 51–65]. Однако сейчас часто говорится о салафизме – консервативном средневековом течении исламской мысли как о современном реформаторстве в исламе.

---

¹ Достаточно серьезно данная проблема анализируется в работе В.В. Цибенко (Ивановой), посвященной изучению Кавказа [23].

Салафизм как реформация?

В советском исламоведении традиция отождествления консервативных исламских течений с реформаторством была заложена известным востоковедом А.М. Васильевым. Он не углублялся в теоретические аспекты сущности религиозного реформаторства, но именно его взгляд на салафитскую традицию в анализе воззрений Мухаммада Абд-аль-Ваххаба [6] позволил отечественным исламооведам сегодня говорить о реформаторской роли салафизма, ваххабизма и т.д.

К подобной трактовке обращается востоковед И.Л. Алексеев. В одной из работ он предлагает рассмотреть подобные типологические модели в ракурсе понятия исламского дискурса, разработанного М. Кемпером. При этом отмечается: «В широком смысле под исламским дискурсом можно понимать систему понятий и категорий, связанных с исламом, в которых мусульманские авторы описывают окружающую их реальность различного, в том числе и социально-политического порядка» [3, с. 495]. По мнению И.Л. Алексеева, для понимания суннитского дискурса необходимо опереться на понятия, связанные с арабским термином *ислах*, который и содержит идею исправления, т.е. реформации. Предлагается несколько производных категорий, которые часто встречаются в религиозном дискурсе, в том числе понятие *ассалаф ас-салих* – благочестивые предки, т.е. первые поколения мусульман, к опыту которых апеллируют салафиты. В конечном итоге делается вывод: «Таким образом, релевантные понятию *фундаментализм* термины *асхаб ар-ра'й*, *усули*, *салафиййа* в реальном исламском историко-культурном контексте обозначают нечто, на первый взгляд, противоположное тому, что вкладывается в это понятие применительно к современной ситуации, т.е. не ретроградно-охранительную и традиционалистскую, а напротив, революционно-реформаторскую и рационалистическую в своих основаниях тенденцию» [3, с. 497].

Следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, термин *ислах* в современном арабском языке трактуется широко. В первую очередь как исправление, приведение в норму, а затем как современное понятие *реформа*, что и подчеркивается самим автором [3, с. 500]. То есть в данном случае апелляция к практике «ассалаф ас-салих» в первую очередь ассоциируется с восстановлением былой, т.е. первоначальной версии ислама, а не его реформации либо интерпретации в форме, соответствующей новым реалиям. Поэтому *салафы*, в том числе в русскоязычном

дискурсе, обозначаются как «праведные предки», т.е. хранители традиции, а не «предки-реформаторы».

Во-вторых, И.Л. Алексеев, сосредоточив свое внимание на исламском дискурсе и его концептуальных понятиях в работах Ибн Таймийи, Абд аль-Ваххаба, Ибн Халдуна и др., делает упор на внешнее, дискурсивное, идеологическое отношение мыслителей к проблеме трансформации мусульманских сообществ. Указывая на идеологическую поляризацию взглядов, которая, по мнению автора, порождает кризис политической и социокультурной идентичности в мусульманском мире, в конечном итоге он делает вывод: «Кажется правомерным рассматривать такие явления, как, например, секуляризм в духе Ататюрка, панарабизм, локальные арабские и неарабские национализмы в мусульманском мире, как попытки преодоления этого кризиса, степень успешности которых опять же зависит от степени их вписанности в общеисламский религиозно-политический дискурс» [3, с. 500]. В подобном тезисе просматривается скорее апологетический религиозный контекст, нежели собственно научные выводы. Почему степень успешности подобных локальных явлений должна неизменно вписываться в религиозный дискурс, который сам по себе не может рассматриваться как неизменное явление, задающее магистральное развитие социально-политическим процессам? Почему данные локальные явления не могут влиять на общеисламский дискурс? Чтобы понять сущность трансформационных моделей, наоборот, следует рассматривать общеисламский дискурс и локальные политико-идеологические явления в мусульманском мире в их диалектической взаимосвязи.

В-третьих, понятие «реформация» в академическом смысле является термином, концептуально обобщающим трансформации взаимоотношений общества, государства и религиозных институтов в XVI–XVII вв. в Западной Европе. В этом отношении он вообще никак не мог являться значимой частью самого богословского дискурса даже в западном христианстве. Очевидно, дискурс затрагивал вопросы взаимодействия общества, религиозных институтов и государства и способствовал возникновению тех процессов, которые в конечном итоге были концептуализированы в понятии «реформация». В этом отношении рассматривать салафизм в контексте идей *ислаха* – реформации в системе «понятий и категорий, связанных с исламом», кажется абсурдным. Речь идет о сугубо академическом обобщении, а не о религиозно-догматическом понятии, обосновывающем взгляды внутри исламского

дискурса, которые затрагивают социально-политические вопросы. Они могут выражаться в различной терминологии, а также никак не ассоциироваться напрямую с понятием реформации. В данном случае вспоминается язвительное замечание востоковеда А.А. Игнатенко в отношении запутанной метафоричности многих теоретических конструкций исламоведения [11]. В подходах, предлагающих рассматривать салафизм как «прогрессивную реформацию», просматривается желание поговорить о понятии «верблюд» в кораблестроении, поскольку в некоторых языковых дискурсах это животное обозначается как корабль пустыни.

Проблемы асинхронности трансформаций

В современном исламоведении существуют определенные ограничения, наложенные востоковедческой традицией, которая фокусирует свое внимание на изучении языков и оригинальных доктринальных источников. Отсюда и возросший интерес исламоведов к дискурсивным языковым теориям, вдохновленным работами М. Фуко. Цель попыток дискурсивного анализа – «разоблачение колониализма», что само по себе является политизированным подходом, против которого выступают сами специалисты, стоящие на стороне данных подходов. По сути, это продолжение советских традиций, когда ислам рассматривался как идеологическая система, но в интерпретации дискурсивных теорий разоблачается не «капиталистический империализм», а «постколониализм». Кроме того, формируется симбиоз религиозного и академического дискурса, что приводит к разночтениям: консервативное религиозное течение становится «прогрессивной реформацией».

Сегодня различные термины, возникшие в западной науке, применяются в современном исламоведении в контексте совершенно разных исторических эпох или автоматически привязываются к современности. Классическую историческую модель развития европейской цивилизации нельзя синхронно и в концептуальной целостности наложить на процессы трансформации, произошедшие и продолжающиеся в мусульманском мире. Если говорить об интересе к греческому наследию, то возрождение в исламском мире началось раньше, чем в Западной Европе. Правда, в основном интерес проявлялся к научным трудам, а не к искусству, что вполне объяснимо с точки зрения богословских установок ислама. Более того, во многом именно благодаря мусульманским ученым

и их переводам на арабский язык греческого научного наследия стала возможной эпоха Возрождения в Западной Европе [22].

Однако если процессы Возрождения в Европе ассоциируются в первую очередь с культурным подъемом, то в отношении процессов в исламских сообществах данный термин чаще применяется в контексте политической активизации. Сегодня исламским возрождением называют реисламизацию постсоветских мусульманских сообществ в конце XX в. [5; 18]. Это вполне оправданно: появились религиозные свободы, строятся мечети и медресе, открываются исламские вузы и т.д. Однако произошел ли интеллектуальный ренессанс богословской мысли, отвечающей на актуальные проблемы современности? Можно ли говорить о возрождении?

Просвещение и индустриализация мусульманских сообществ начались позже, чем в странах Западной Европы. Однако в XIX и XX вв. данные процессы были налицо во многих мусульманских сообществах, но они развивались несинхронно. В некоторых регионах мусульманского мира они не завершены и на сегодняшний день: достаточно взглянуть на Афганистан и отдельные регионы Пакистана. Тем не менее эти процессы, начавшиеся на Западе, навсегда изменили облик значительной части современного мусульманского мира.

Однако насколько применим термин *реформаторство* в исламе к процессам трансформации, которые в западном мире стали предтечей просвещения и индустриализации?

Неизбежная секуляризация

Если посмотреть на концептуальное наполнение понятия «реформация» применительно к западному развитию христианских сообществ, то главным его результатом стало разделение институтов религии и политики. Применительно к общественно-политическим трансформациям в мусульманском мире данный процесс четко не просматривается даже в современной мусульманской теологической и общественно-политической мысли. И об этом иногда сегодня говорят некоторые западные ученые. Социолог Тоби Хафф отмечает, что значительная часть мусульманского мира переживает возвращение к древней доктрине, а не реформацию. В отличие от христианских стран, где правовые нормы отделены от религиозных догм, в некоторых исламских странах наблюдается введение жестких законов на основе шариата. По его

мнению, это обусловлено доминированием религиозного права над богословием как таковым. При этом выпуск правовых заключений (фетв) носит произвольный характер при отсутствии единого центра их вынесения [26]. С данным утверждением западного специалиста не согласны большинство исламоведов, которые указывают на неразделимость светского и религиозного в исламе. Это одна из концептуальных установок светски ориентированного исламоведения, да и сам указанный автор отмечает, что «такое разделение веры от закона – фундаментальное различие между христианством и исламом» [25, с. 63].

Ислам как религиозная система имеет важнейшее значение для исламского мировоззрения, но это не мешает многим мусульманским сообществам жить по светским законам. Процессы секуляризации в исламском мире проходят противоречиво, конфликтно и разнонаправленно. Однако вряд ли эти процессы можно повернуть вспять. Сегодня налицо проблемы религиозной легитимации концепции светскости в исламе, которая пока негативно воспринимается религиозными кругами и, как правило, сводится к атеизму, неверию и аморальности. В.А. Кузнецов отмечает: «Человек, не соблюдающий религиозных норм и обрядов, должен рассматриваться как не принадлежащий к соответствующей религии, а секуляризм оказывается синонимом атеизма... Именно из такого принципиального несоответствия между христианским и исламским пониманием веры проистекает главный довод против секуляризма, приводимый всеми исламскими религиозными мыслителями» [15, с. 46–47].

Тезис о неразделимости религиозного и политического можно применить и в отношении других монотеистических религий. Иудаизм и христианство не просто религии, а цельные системы мировоззрения, каждая из которых претендует на собственный универсальный взгляд на общество, государство, духовность и т.д. Сначала они были ортодоксальными и также не разделяли светское и религиозное. Обоснование христианского взгляда на отношения церкви и государства – «кесарю кесарево, а Богу Богово» – это всего лишь начальный тезис рассуждения, а не цельная концепция светского государства, которая возникла позднее, прошла определенный путь развития и лишь впоследствии на основе исторического опыта европейских народов окончательно оформилась.

Безусловно, исламские страны претендуют на собственный особый путь развития. Однако законы (или закономерности) общественно-политического развития, по которым живут мусуль-

манские сообщества, не отличаются от тех, по которым живут европейские или другие неисламские восточные сообщества. На смену религиозной форме организации общественно-политической жизни (Ватикан в форме Святого Престола или Халифат праведных сподвижников) приходили династические союзы в форме монархий, а затем произошло становление светского государства с республиканской формой правления. Это происходит и в современных исламских государствах.

Сегодня остро стоит вопрос о религиозной легитимизации светских начал рациональной организации жизни мусульманских сообществ. В канонических источниках ислама, по крайней мере в Коране, не встречается слово *даула* – арабское понятие, сегодня ассоциирующееся с современным государством. Странно, что его использует такая организация, как ДАИШ, которая должна олицетворять «теократическую модель государства», но даже в своем названии использует слово из современного арабского языка¹, обозначающее вполне светское понятие. В Коране нет слова *халифат*, хотя встречаются производные – *халифы* (наместники Аллаха на земле). Кроме того, ни в Коране, ни в Сунне нет понятия *джумхурия* – республика. Однако исследователи, работающие в рамках дискурсивных теорий, пока не определили, каким образом эти понятия соотносятся с религиозными и светскими представлениями.

На сегодняшний день отсутствуют общепринятые религиозные концепции политической организации мусульманского сообщества на религиозных началах. Это приводит к неоднородности самого исламского мира и сводит все полемики вокруг данного сложного вопроса к выяснению отношений через призму спора, чья интерпретация религиозных догм является более правильной. Такая полемика не привела к успеху представителей западного христианства, которые, не сумев разрешить все внутренние противоречия, перешли к рациональной форме организации общежития на светских началах.

---

¹ Востоковед Кузнецов В.А. указывает на использование ДАИШ данного слова в связи с тем, что в «классический период истории ислама, к которому и обращен творческий дух ИГ, понятие *даула* означало прежде всего династию, но никогда не территорию. Даула – образование изначально временное и довольно гибкое. Оно не территориально, а суверенитет не является его характеристикой, потому что, принадлежа Аллаху, он делегируется Аллахом умме, и только от уммы передается имаму, а от него – правителям более низкого ранга» [14, с. 7].

Радикальная реакция

Современные национальные государства и республиканские формы управления сегодня становятся неотъемлемой частью жизни мусульманских сообществ. Светские формы рациональной политической организации общества сегодня присутствуют даже в консервативных странах Персидского залива. Один из авторов справедливо отмечает: «Итак, мы видим, что развитие государственных институтов и законодательства в монархиях Залива (как и на Ближнем Востоке в целом) основано на соблюдении исламских принципов... При этом остается нерешенной коллизия “мирского” и “священного” закона. Шариат не в состоянии перекрыть все правовое поле в условиях меняющегося мира» [7, с. 214]. Даже в Саудовской Аравии существует «Основной закон правления» и некий прообраз парламента – «Консультативный совет». Здесь нельзя провести прямые параллели с конституцией и парламентом в какой-либо европейской стране, или даже в такой стране, как Турция, но все это указывает на общий вектор общественно-политического развития.

Особняком стоит Исламская Республика Иран, которая не только использует наиболее успешные модели республиканской формы правления, но и сумела создать религиозные концепции, легитимизирующие подобную систему политической организации общества. Один из авторов справедливо отмечает наличие правовой дихотомии в Иране, когда исламские религиозно-богословские нормы объединены с принципами республиканского конституционализма [20]. Безусловно, найдутся критики такой модели, однако в целом она не только жизнеспособна, но и в своей пластичности готова меняться с учетом возникающих новых реалий, что и демонстрирует нам почти 40-летняя история ИРИ. Религиозные интеллектуалы из суннитского мира пока уступают шиитским богословам и так и не смогли представить жизнеспособную модель общественно-политического устройства. Конечно, выдвигались различные идеи, они есть и сейчас, но пока это исключительно авторские, а не универсальные теоретические концепции с серьезными перспективами реализации.

Поэтому, возвращаясь к центральному тезису, хотелось бы четко сформулировать вопрос: что такое исламская реформация? Известный востоковед М.Т. Степанянц, указывая на возможность проведения аналогий между христианской Реформацией и трансформацией мусульманской общественной мысли, справедливо

отмечает: «Нередко нежелание проводить аналогию между мусульманской и христианской реформацией объясняется непониманием или прямым игнорированием того факта, что аналогия вовсе не означает идентичности. При всем сходстве процессы в указанных религиях далеко не тождественны». Далее автор называет одно из различий: «В исламе реформация не носит столь драматичного, “взрывного” характера, как это было в Европе» [20, с. 20]. В начале 80-х годов XX в. этот тезис еще звучал убедительно. Однако, как показывают последние события, нынешние трансформации на Ближнем Востоке по своей драматичности и «взрывоопасности» могут превзойти европейскую Реформацию.

Происходящее на Ближнем Востоке свидетельствует, что процессы исламской реформации мы сегодня наблюдаем в современной ситуации. Политизированность исламской религиозно-общественной мысли, разобщенность мусульманского сообщества, внутренняя конфликтность и господство насилия – все это дает нам основания проводить параллели с процессами религиозной реформации XVI–XVII вв. в Западной Европе. Политический раскол между суннизмом и шиизмом отчасти даже напоминает те противоречия, которые существовали между протестантизмом и католичеством в период Реформации. Даже насилие в ИГИЛ, где людей сжигают, обвиняя в неверии, во многом напоминает действия инквизиции, «прославившейся» полыхающими кострами.

На сегодняшний день при осмыслении процессов радикализации исламоведы зачастую становятся на две крайние позиции. Одни считают, что ислам и радикализм неразрывно связаны, другие, напротив, делают попытки доказать отсутствие подобной связи. Проникновение западной культуры, светских политических институтов, трансформация социально-экономической структуры сегодня являются вызовами для многих исламских сообществ. Однако происходящие процессы неизбежны и связаны не только с религиозной доктриной. Они имеют более сложный социокультурный характер. Не стоит упрощать происходящее до идеи неизбежности «столкновения цивилизаций», которая опровергается учеными, но тем не менее продолжает работать как сбывающееся предсказание, действующее на уровне геополитических процессов.

На сегодняшний день есть достаточно перспективные научные теории. Так, британский исследователь Саймон Котти, проанализировав материалы западных авторов, исследовавших биографии террористов из «Аль-Каиды» и радикалов из западных стран, предлагает рассматривать джихадизм как субкультуру

социальной напряженности. Он обращает внимание на то, что значительная часть джихадистов – это люди, которые были оторваны от собственных социокультурных корней. Они солидаризировались с радикальными группами из-за чувства отчужденности и конфликта идентичности, обусловленного противоречиями религиозных установок и светской культуры. Бедность, психологические патологии и даже идеологическое влияние, по мнению автора, в данном случае не объясняют сущности феномена джихадизма. С. Котти предлагает опираться на понятие *делинквентная субкультура*, которая рассматривается как форма групповой солидаризации и эмоционального самовыражения. Криминальные действия – насилие, захват чужого имущества, убийства и т.д. – считаются не формой получения материальных выгод, а скорее способом самоутверждения в группе. Это протест против устоявшихся социокультурных норм в обществе, облакаемый в религиозные формы. В таком контексте глобальный джихадизм есть попытка коллективного решения проблем, заданных самой социальной структурой, но непреодолимых в рамках общепринятого поведения [25]. Можно предполагать, что современный радикализм в исламских сообществах – это локальные реакции отдельных групп, которые связаны с невозможностью преодолеть противоречия, задающиеся неизбежной секуляризацией социокультурного и политического пространства в современных мусульманских странах.

Заключение

Из-за предметной и методологической размытости исламоведения отсутствуют общепринятые подходы в исламоведческом сообществе, которое представлено различными специалистами, нет единства. Современное российское исламоведение продолжает советскую традицию, особое внимание уделяя идеологической составляющей ислама, при этом используя и востоковедческий подход (с акцентом на знание языка и интерпретацию доктринальных источников). Это также обуславливает интерес современных исламоведов к различным теориям дискурса. Однако при данном подходе остаются без внимания конкретные процессы трансформации религиозно-политических и социокультурных структур исламских сообществ. Фиксация на сугубо внешних, языковых проявлениях данных процессов, тем более в рамках богословских интерпретаций, делает подобные подходы субъективными.

Основной проблемой современного исламоведения является отсутствие концептуального взгляда на историю развития исламской цивилизации, что препятствует осмыслению парадигмы трансформации в мусульманских сообществах. Сегодня необходим единый теоретический каркас (парадигма), который позволил бы создать непротиворечивую модель исторического развития исламской цивилизации.

Многие процессы трансформации на мусульманском Востоке в соотнесении с процессами в Западной Европе проходили асинхронно, что не исключает частичного сходства религиозно-политических и социокультурных изменений. Поэтому сравнение с европейской Реформацией при оценке процессов трансформации в исламских сообществах, в том числе происходящих сегодня, вполне уместно. Здесь нельзя говорить о полной идентичности данных процессов, но есть много схожих контекстов, которые проявляются в современных условиях.

Процессы секуляризации мусульманских сообществ и радикализации крепко связаны между собой. Неизбежные секулярные трансформации исламского пространства вызывают негативную реакцию у радикалов.

Литература

1. *Абашии С.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 848 с.
2. *Абрамов А.В.* Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 3. – С. 35–51.
3. *Алексеев И.Л.* Собрание расколотов уммы: Фундаментализм как реинтерпретация исламской истории // *Ab Imperio*. – 2004. – № 3. – С. 491–516.
4. *Аликберов А.К.* Исламоведение как научная дисциплина [Электронный ресурс] // *Islamica* – Центр арабских и исламских исследований. URL: <http://www.islamica.ru/2015/07/03/a-k-alikberov-islamovedenie-kak-nauchn/>
5. *Буттаева А.М.* Понятие и сущность исламского возрождения в современных реалиях // Вестник Дагестанского научного центра. – 2014. – № 55. – С. 95–100.
6. *Васильев А.М.* Пуристане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). – М.: Наука, 1967. – 264 с.
7. *Гасымов Н.А.* Роль ислама в формировании государственных и общественных институтов в монархиях Персидского залива // Вестник РГГУ. Сер. «Международные отношения. Регионоведение». – 2014. – № 7 (129). – С. 208–216.
8. *Гогиберидзе Г.М.* Исламский толковый словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009. – 266 с.

9. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: Генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2003. – 416 с.
10. *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8). – С. 112–128.
11. *Игнатенко А.А.* Изучать верблюда, а не «корабль пустыни» (задачи исследования нового исламского сектантства) // Ислам на современном Востоке. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – С. 11–37.
12. Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
13. Исламоведение. [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/wiki/Исламоведение> (Дата обращения: 26.09.2015.)
14. *Кузнецов В.А.* ИГ: Альтернативная государственность? // Валдайские записки. – 2015. – № 32.
15. *Кузнецов В.А.* Проблема светскости в странах «арабского пробуждения»: Тунисская версия // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 39–74.
16. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: Предварительные итоги. – М., 2005. – 286 с.
17. *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть? – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2005. – 240 с.
18. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 222 с.
19. *Прозоров С.М.* Научное исламоведение в контексте исламского образования в России // Письменные памятники Востока. – 2011. – № 1 (14). – С. 270–278.
20. *Прокофьев В.Н.* Иранский конституционализм и институт президентства // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 70–74.
21. *Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). – М.: Наука, 1982. – 248 с.
22. *Уотт У.М.* Влияние ислама на средневековую Европу / Отв. ред. и авт. А.В. Сагадеев; пер. с англ. С.А. Шуйского. – М.: Наука, 1976. – 128 с.
23. *Цибенко (Иванова) В.В.* Между ориентализмом и ориентологией: Научные подходы к изучению Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 69–77.
24. *Шауки Абдулгани Ахмед Номан.* Исламская концепция международного экологического права: автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 15 с.
25. *Cottee S.* Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's «Bunch of Guys» // Terrorism and Political Violence. – 2011. – N 23. – P. 730–751.
26. *Toby E. Huff.* Reformation In Islam? // Society. September 2007. – Vol. 44, Iss. 5. – P. 62–69.

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2016 г., т. 7, № 4, с. 110–123.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

О. Цветкова,

кандидат политических наук,
доцент кафедры российской политики
факультета политологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБНАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье анализируется трансформация субнационального политического пространства Кавказского региона. Особое внимание уделяется геополитическим, географическим и историческим особенностям Северного Кавказа, а также предпринимается попытка рассмотрения межнациональных противоречий в отношении проведения субнациональных границ субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: Кавказский регион, субнациональные границы, территориальный конфликт, межнациональные противоречия.

Трансформация субнационального политического пространства в такой многонациональной стране, как Россия, может иметь необратимые последствия и угрожать стабильной политической обстановке. Учитывая национально-территориальный принцип административного деления при моделировании субнациональных границ в политическом пространстве Российской Федерации, необходимо обратить внимание в первую очередь на ликвидацию межнациональных противоречий. Следует четко понимать последствия моделирования субнациональных границ субъектов РФ. Изменения во внутривнутристрановом измерении могут привести к территориальным спорам и кровопролитным конфликтам, а в конечном итоге – к угрозе территориальной целостности Российской Феде-

рации. История показывает массу примеров территориальных размежеваний, которые привели к конфликтам на территории Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии, Северной Осетии и Ингушетии, Чечни и Ставропольского края. В настоящее время перед социумом, политическими элитами и экспертным сообществом стоит острая задача обеспечения безопасности и правомерности решения вопроса об изменении границ субъектов РФ.

Технологии изменения территориального устройства должны применяться только в рамках Конституции РФ и служить средством обеспечения стабильности, где в первую очередь учитываются интересы каждого гражданина РФ. В новой Стратегии государственной национальной политики РФ особое внимание уделено задачам по обеспечению межнационального мира и согласия, гармонизации межэтнических отношений в субъектах РФ¹.

По мнению российского исследователя В.Ю. Зорина, реализация государственной национальной политики по ряду направлений нуждается в модернизации, особенно в сфере мониторинга и прогнозирования состояния межэтнических отношений, а также оперативного реагирования на рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Одной из причин выступает отсутствие полномочий у органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики, как следствие, недостаточное внимание региональных и местных властей к межэтническим отношениям на подведомственной территории².

Геополитические особенности Северного Кавказа

Кавказский регион занимает особое место на постсоветском пространстве, обладая целым набором специфических географических и пространственно-территориальных особенностей. Север-

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>

² Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России на современном этапе / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2011. – С. 23.

ный Кавказ отличается как по разнообразию естественно-географических условий, так и по многонациональному и поликонфессиональному составу населения¹.

Особенностью Кавказского региона является то, что на его территории проживает многоэтничный состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность. Более того, отдельно взятые субъекты РФ (республики) столкнулись с территориальными спорами и конфликтами по вопросам изменения их субнациональных границ.

Северный Кавказ имеет особое геополитическое положение. На протяжении XX в. на Северном Кавказе отмечено более 40 территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождал другую. Изменения в этнотерриториальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований). Особенно с распадом СССР наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, когда этническая самоидентификация большинства народов России приобрела более или менее выраженный политический характер².

Особую актуальность приобретает поиск возможностей адекватного реагирования на все вызовы, для чего необходимо провести анализ географических, исторических и геополитических особенностей Северного Кавказа.

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню.

Территория Закавказья разделена на три самостоятельных национальных государства – Армения, Азербайджан, Грузия. При этом следует обозначить, что Кавказский регион насыщен не только государственными границами, но и субнациональными.

---

¹ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М.: Логос, 2010. – С. 105.

² Гаджиев К.С. Национализм в роли идеологии // Власть. – 2012. – № 11. – С. 7.

В соответствии с серьезными геополитическими изменениями на современном этапе остро стоит вопрос защищенности государственных границ между Россией и Закавказьем (особенно в российско-грузинских взаимоотношениях). Модель политического поведения России на Южном Кавказе до середины 1990-х годов выстраивалась таким образом, чтобы всеми возможными способами удержать доминирующее положение.

Именно в этот период были заложены основы отношений, которые являются препятствием на пути проведения сегодня эффективной и сбалансированной политики на Южном Кавказе.

К внешним геополитическим региональным факторам относятся: тенденции формирования региона Южного Кавказа и сложные взаимоотношения трех основных государств; субъекты международных отношений, прежде всего США, которые испытывают интерес к Северо-Кавказскому региону, а также к разным этническим группам, проживающим в СКФО; усиленный интерес к региону со стороны НАТО. Стратегический контроль над Кавказом обеспечил бы оперативный выход США в регионы Центральной Азии.

К внутренним геополитическим региональным факторам, которые влияют на политику России в двусторонних и многосторонних отношениях, относятся: различный уровень развития демократии во всех трех государствах зоны Южного Кавказа; разнонаправленные политические интересы и разная шкала угроз и рисков; конфликт между жизненными интересами основных действующих лиц, к которым нужно отнести три де-юре признанные и три де-юре непризнанные республики этого пространства (в частности, есть конфликт интересов Азербайджана, с одной стороны, и Нагорного Карабаха и Армении – с другой; Грузии и Абхазии, Грузии и Южной Осетии); диаметрально разные подходы государств Южного Кавказа к проблеме урегулирования трех этнополитических конфликтов региона.

Солидаризируясь с позицией К.С. Гаджиева, автор считает, что России необходимо сохранять свою территориальную целостность в Кавказском регионе, так как именно России принадлежит ключевая роль в обеспечении целостности, безопасности и стабильности на постсоветском пространстве. Геополитическое положение России на южном и восточном направлениях ухудшилось по причине социальной и политической нестабильности, появления вооруженных конфликтов из-за территориальных притязаний в Центральной Азии и Южном Кавказе.

Известный отечественный ученый, академик В.А. Тишков считает, что давнее наличие на Северном Кавказе этнотерриториальных автономий в форме республик-субъектов РФ во многом не только определяет административно-государственное устройство и систему управления регионом, но и влияет на политику, науку, культуру и морально-ценностные установки населения СКФО. С одной стороны, само существование республик как формы внутреннего самоопределения местных этнических сообществ обеспечивает условия для этнокультурного развития и сохранения идентичности проживающих в регионе народов, так же как Ставрополье обеспечивает сохранение и воспроизводство русской культуры и самосознания преобладающего в Ставропольском крае русского населения, а также сохранение местной казачьей социокультурной традиции. С другой стороны, восприятие республик как «национальных» ведет к ужесточению межгрупповых границ в рамках российского народа, к этнокультурной замкнутости и к попыткам выстраивания иерархии народов в зависимости от степени их «древности» и исторических заслуг.

Тема оптимального устройства Кавказского региона с точки зрения административно-территориального статуса и субнациональных границ стала одной из острых в последние два десятилетия. При этом среди экспертов зачастую преобладает увлечение давними историческими аргументами, жесткими привязками территории к этническим сообществам, стремление придать территориям «моноэтнический» характер, а также неприятие поликультурности как «фактора риска»¹.

Таким образом, создание национально-территориальных образований (союзных автономных республик и областей) в 1920–1930-е годы, постоянные их реорганизации на протяжении советского периода спровоцировали претензии одних этнических групп к другим, что впоследствии привело к этнотерриториальным конфликтам. Угроза и риски стабильности сохраняются во всем регионе до сих пор. Социально-политическая ситуация на Северном Кавказе демонстрирует признаки дестабилизации. Этноклановая система власти в национальных республиках порождает недоверие населения и ведет к этническому обособлению. Малочисленные народы создали с согласия официальной власти

---

¹ Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – С. 4–5.

свои органы управления, национальные муниципальные образования, что привело к дроблению населения Северного Кавказа по национально-территориальному признаку, культивируя очаги этнической напряженности. Многие национально-территориальные образования на Северном Кавказе становятся источником затяжного этнотерриториального конфликта.

В целом Северный Кавказ, вследствие своего геополитического положения, всегда будет вовлечен в масштабные и противоречивые межнациональные отношения (например, отношения между государствами Закавказья и Российской Федерации в 1990-е годы). На Южном Кавказе процесс дезинтеграции сопровождался, помимо общих для постсоветского пространства проблем, кровопролитными этнополитическими конфликтами, участниками которых стали все три республики. Негативную роль играет влияние ряда зарубежных стран (США, Саудовская Аравия и др.), которые преследуют свои геополитические интересы в данном регионе. В восточный культурный пласт вовлекается население Северного Кавказа, где прежде всего лоббируются интересы традиционных центров мусульманской культуры.

Географические особенности Северного Кавказа

На практике исследователи физической и экономической географии предлагают различные варианты районирования территории Северного Кавказа. Физико-географы выделяют две предгорных зональных области, относящиеся к Русской равнине (Западное и Среднее Предкавказье) и Среднеазиатской равнинной стране (Терско-Кумская низменность)¹.

В понимании экономико-географов Северный Кавказ представляет территорию Северокавказского экономического района в составе Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев и семи республиках (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня и Дагестан). Однако особо оговаривается неоднозначность такого состава и другие варианты проведения границ: проведение границы между Северным Кавказом и Закавказьем по Скалистому хребту Большого

---

¹ Гвоздецкий Н.А. Физико-географическое районирование Северного Кавказа // Природное районирование и вопросы охраны природы: Межвуз. сб. – Уфа: Башкир. ун-т, 1980. – С. 13–27.

Кавказа (в физической географии), включение в состав Северокавказского района Калмыкии или не включение Ростовской области¹.

Исторические особенности Северного Кавказа

Рассмотрим исторические этапы национально-территориального строительства на Северном Кавказе. Процесс административного освоения Северного Кавказа начался на рубеже XVIII–XIX вв., когда к империи была присоединена значительная часть территории региона. В его пределах проживали народы, чье этническое и конфессиональное разнообразие находило отражение в существовании множества политических образований самого различного характера. Поиск эффективных форм управления новоприобретенной окраиной изначально был тесно связан с военными мероприятиями, породившими такие формы управления регионом, как кордонные линии и приставства. По мере замирения края происходило обращение империи к местным управленческим практикам, результатом чего становится учреждение Кавказского наместничества и народно-военного управления. В административно-территориальном управлении намечались новые тенденции. Наряду с рассредоточением функций управления по отдельным министерствам начались территориальные изменения границ внутри наместничества. Максимальное дробление территории должно было обеспечить большую эффективность управления.

С упразднением наместничества Кавказа в отношении отдельных групп населения, в частности горского, были приняты репрессивные меры. В своих основных чертах новая административная система управления Кавказом просуществовала до 1905 г. Субнациональные границы региона в основном оставались прежними.

В советский период прослеживаются интеграционные процессы в регионе, при которых учитывалась специфика местного населения. Различия во времени и способах присоединения отдельных территорий Северного Кавказа к России предопределили и разные модели управления регионом, что в свою очередь сводилось к регионалистскому подходу.

---

¹ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – С. 7.

Новый этап в развитии административно-территориального строительства Северного Кавказа относится к февралю 1917 г., когда была упразднена старая структура управления краем, что привело к различным формам политической активности северокавказских народов. Национально-государственное строительство 1920-х годов не только реализовало право народов на самоопределение, но и обозначило проблему экономической состоятельности создаваемых национальных автономий. Административно-территориальные преобразования 1920–1930-х годов привели к частым изменениям статуса автономий.

Следующий этап преобразований относится к 1940–1950-м годам. В данный период произошли серьезные изменения в административно-территориальной системе Северного Кавказа. В основном осуществлялись процессы депортации (принудительное переселение ряда народов Северного Кавказа), что привело к упразднению национальных автономий. В результате с политико-административной карты исчезли учрежденные в 1920–1930-е годы национально-государственные образования, статус которых официально закрепляли действовавшие законодательные акты (прежде всего, Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г.). После 1953 г. упраздненные национальные автономии были восстановлены. В то же время новые субнациональные границы закрепили многочисленные этнополитические противоречия, ставшие поводом для размежевания и будущих конфликтов.

В 1950-х годах в системе административно-территориального деления Северного Кавказа не происходило кардинальных изменений. За исключением вхождения в состав Адыгейской АО территории Тульского района Краснодарского края. Это изменение субнациональных границ не вызывало серьезных разногласий, поскольку сама Адыгейская АО входила в состав Краснодарского края.

В 1960–1980-е годы не раз происходили интенсивные преобразования на муниципальном уровне в связи с укрупнением, разделением и ликвидацией отдельных административных образований. Однако все эти преобразования не меняли принципов и основных форм, сложившихся субнациональных границ.

Со второй половины 1950-х годов и до 1980-х годов административно-территориальная система и субнациональные границы не подвергались изменениям, корректировка присутствовала лишь на муниципальном уровне. Причиной административно-территориальных конфликтов послужило восстановление ликвидирован-

ных автономий депортированных народов. Исследователи прямо связывают негативные явления в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации последних десятилетий с национальной политикой, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента»¹.

Кризис в административно-территориальной системе на Северном Кавказе произошел на рубеже 1980–1990-х годов и был вызван резким ухудшением социально-экономической и этнополитической ситуации в стране и распадом СССР. Все это способствовало росту национального самосознания и повышению статуса ряда субъектов (выходу автономных областей из состава краев, преобразованию автономных областей и республик в республики в составе РФ). Принятые в них нормативно-правовые акты закрепляли суверенитет данных государственных образований. Однако рассматриваемые тенденции вызвали серьезные опасения у представителей ряда «нетитульных» народов, полагавших, что в новых условиях они могут подвергнуться дискриминации. Наиболее радикальные формы протеста выразились в требованиях их выхода из состава новых республик и создания собственных государственных образований (республик). Так, балкарцы и кабардинцы стали требовать раздела Кабардино-Балкарии на два субъекта².

О создании собственных автономных областей, а затем и республик в составе СССР и РСФСР заявляли карачаевцы и черкесы, абазины и ногайцы, а также терские казаки, провозгласившие Баталпашинскую и Зеленчукско-Урупскую казачью советскую социалистическую республику, а затем Верхне-Кубанскую казачью республику в 1991 г. Российское руководство уже было готово признать разделение Карачаево-Черкесии, о чем свидетельствует создание комиссии Верховного Совета РСФСР по образованию Карачаевской, Черкесской, Баталпашинской автономных областей и проведение референдума по данному вопросу в 1992 г. Однако, по официальным результатам, большинство населения республики высказались против разделения. Выдвигались также предложения о создании «национально-государственного образо-

---

¹ Хлынина Т.П. Российский Северный Кавказ: Исторический опыт управления и формирования границ региона / Юж. науч. центр РАН. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. – С. 271.

² Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М., 2009. – С. 64.

вания ногайцев и терского казачества» в статусе республики в составе РСФСР, Черкесско-Абазинской и Ногайско-Абазинской республик.

Проблема актуализировалась в 1990-е годы, когда в Чечне власть захватили незаконные вооруженные формирования, а федеральный Центр долгое время фактически не контролировал ситуацию в республике. Лишь в 2003 г. в ходе референдума была принята Конституция, провозгласившая Чеченскую Республику субъектом Российской Федерации. Кроме того, в других субъектах РФ на Северном Кавказе из конституционных актов республик исчезли положения об их суверенитете.

В условиях ослабления влияния федерального центра в 1990-е годы социально-экономическая ситуация во многих субъектах Северного Кавказа была крайне тяжелой. Усугубили ситуацию ряд межэтнических конфликтов, нередко сопровождавшихся территориальными спорами. При этом следует отметить, что возникновению территориальных конфликтов во многом способствовало принятие Закона «О реабилитации репрессированных народов»¹.

Итак, исторический анализ административно-территориального строительства на Северном Кавказе показывает, что на трансформацию субнационального политического пространства данного региона повлияла целая система внутренних особенностей.

Межнациональные противоречия на Северном Кавказе в отношении субнациональных границ субъектов РФ

Межнациональное напряжение на Северном Кавказе обнаруживает явную взаимосвязь с грузино-осетинским (1989–1992), грузино-абхазским (1992–1993) и армяно-азербайджанским («карабахским») (1988–1991) вооруженными конфликтами. Причина этой связи в том, что в Закавказье проживают малочисленные народы (лезгины, аварцы, осетины) – представители титульных наций Северного Кавказа. При притеснении в Азербайджане

---

¹ О реабилитации репрессированных народов. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10200365>

лезгин и аварцев, осетин в Южной Осетии всегда будет возникать недовольство у титульных наций Северо-Кавказского региона. В межнациональных отношениях развивается также проблема вытеснения русских и русскоязычных из республик Северного Кавказа. Проблемы, связанные с безработицей, кризисными явлениями в сфере экономики и деятельностью экстремистских групп и организаций, заставляют русскоязычное население покидать территорию северокавказских республик.

Одной из острых является проблема оптимального административно-территориального размежевания народов Кавказского региона. Основная трудность заключалась в определении субнациональных границ национальных автономий и нейтрализации сопряженных с этим территориальных конфликтов. Особо подчеркивается и то обстоятельство, что принцип национального самоопределения, принявший на практике форму размежевания региона на территории с более или менее однородным этническим составом населения, затруднял экономическое развитие самих автономий. Поэтому на территории региона в советский период были образованы Горская Республика и Северо-Кавказский край¹.

Неопределенность субнациональных границ субъектов РФ имеет особое значение во внутреннем геополитическом пространстве Северного Кавказа. Отметим, что границы Кавказского пограничного региона представляют собой специфический случай. Границы с бывшими республиками СССР, ныне независимыми государствами, не обладают естественным, историческим и этноареальным пределом. Особо значимо, что государственные границы Российской Федерации, совпадающие с субнациональными границами субъектов РФ в данном регионе, не демаркированы, что дает основания для новых территориальных конфликтов (например, события августа 2008 г. в Южной Осетии). Обратим внимание на то, что особенностью Кавказского региона является преобладание условных границ, в частности с Азербайджаном и Грузией. Основные проблемы по демаркации границ связаны с этносами данной территории, которые оказались разделенными государственной границей, что способствует росту этнотерриториальной напряженности.

В данном контексте особое внимание следует уделить осетино-ингушскому конфликту, по причине того, что это внутренний

---

¹ Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе. 1917–1941 гг. – Майкоп, 1995. – С. 203–204.

территориальный конфликт, возникший между субъектами РФ по вопросу восстановления территориальных прав депортированных народов и прохождения субнациональных границ субъектов РФ.

Осетино-ингушский конфликт осени 1992 г. стал самой острой фазой давно назревавшей и неразрешенной по сей день конфронтации между двумя соседними северокавказскими республиками – субъектами РФ – по поводу принадлежности Пригородного района и части Владикавказа. В целом он стал первым вооруженным внутренним территориальным конфликтом.

По мнению В.А. Тишкова, «по своим пространственно-временным параметрам, интенсивности и последствиям этот конфликт может быть отнесен к категории крупномасштабных, а его природа может быть охарактеризована как глубоко укоренившийся конфликт, к которым специалисты относят межэтнические или любые другие межгрупповые коллизии с трудноразрешимыми и далеко зашедшими претензиями и требованиями конфликтующих сторон»¹.

На разных этапах осетино-ингушского конфликта реализовывался определенный комплекс мер политического урегулирования со стороны федерального центра, принимались меры, способствовавшие стабилизации межэтнического взаимодействия.

Представители противоборствующих сторон имели противоположные интересы и интерпретацию конфликтной ситуации. Ингушское руководство и политическая элита охарактеризовали произошедшие в 1992 г. события как «этническую чистку ингушей»². Осетинские политические деятели посчитали данные события агрессивным нападением на территорию Пригородного района СОАССР незаконного ингушского воинского формирования, в результате которого была предпринята попытка незаконного отторжения спорных территорий³.

Противоположные оценки противоборствующих сторон поспособствовали вступлению федерального центра в роль основного актора политического регулирования данного внутреннего

---

¹ Тишков В.А. Осетино-ингушский конфликт / Часть первая [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vvay.net/publ/analitika/tishkov_v_a_osetino_ingujskij_konflikt_92_chast_pervaja/5-1-0-23

² Шнирельман В.А. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

³ Федосова Е.В. Республика Северная Осетия-Алания // Республики Северного Кавказа: Этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром. – М.: Макс Пресс, 2012.

территориального конфликта. Уже на начальной стадии поствооруженной фазы конфликта федеральным центром были сформулированы основные контуры политического управления осетино-ингушским конфликтом.

В период 1992–2000 гг. удалось провести структурные изменения, которые предполагали отход от асимметричности конфликта. Это прежде всего создание легитимных органов власти в Республике Ингушетия, что повлекло за собой смену лидеров внутри ингушского этнического сообщества и придало действиям вновь избранной политической власти конституционно-правовой статус. Помимо этого, структурные изменения, инициированные системой политического управления конфликтом, запустили механизм конструктивного компромисса между сторонами конфликта.

Отметим, что применяемые стратегии и технологии политического урегулирования конфликтной ситуации оказывают серьезное влияние на общий вектор развития всего внутреннего геополитического пространства Кавказского пограничного региона.

По сути, причина возникновения территориальных конфликтов на внутристрановом уровне Российской Федерации – это прекращение существования Советского Союза. Каждый конфликт, возникший на постсоветском пространстве, имеет свою особую специфику, но в тоже время и общую особенность – межнациональные отношения. В пограничных регионах эти отношения оказывают колоссальное влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

Безусловно, мы можем сделать вывод о том, что специфика территориальных конфликтов по вопросам субнациональных границ заключается в проблеме разделенных народов, что имеет большой конфликтогенный потенциал. Среди них можно выделить три группы. Первая группа – это народы, разделенные административными границами союзных республик, ставших после распада СССР государственными. Вторая группа включает народы, оказавшиеся разделенными административными границами в результате политики массовых депортаций, перестроек этнических территорий, массовых миграций, причем как в царский период, так и в советское время. Третья группа представлена разделенными народами, которые подверглись разделению не территориальными границами, а культурно-цивилизационными, так как Кавказ все в большей степени превращается в зону цивилизационных разломов, что усиливает этнополитическую напряженность в регионе.

В результате мы можем констатировать, что самым распространенным явлением в России являются территориальные конфликты по вопросам изменения внутренних субнациональных границ субъектов РФ, связанные с этнополитическими проблемами. Территориальные конфликты неизбежны, так как в нашей стране на достаточно высоком уровне развит институт национально-территориальной автономии, где сильно размыты этнические границы. Территориальные споры и конфликты в отношении субнациональных границ между субъектами РФ на Северном Кавказе можно классифицировать по двум основным признакам:

- 1) стремление населения территории спорного участка выйти из состава национально-территориальной автономии;
- 2) стремление населения территории спорного участка присоединить к своей территории районы, где проживает титульное население.

На Северном Кавказе особо актуальны вопросы межнациональных отношений и обеспечения национальной безопасности. Многоплановость поставленной проблемы предполагает охват в рамках данного исследования вопроса рассмотрения современных территориальных конфликтов и споров. События последних двух с половиной десятилетий наглядно демонстрируют некоторые требования об изменении субнациональных границ субъектов РФ на Северном Кавказе, а также о выходе того или иного административного образования или этнической группы из состава соответствующих субъектов. Например, протест против выхода Адыгеи из Краснодарского края в связи с провозглашением ее республикой выразился в возникновении требования о переходе Майкопского района с преимущественно русским населением «назад» в Краснодарский край. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности изменения субнациональных границ и присоединения Республики Адыгея к Краснодарскому краю, что вызвало резко негативную оценку республиканского руководства. Кроме того, поднимался вопрос и об образовании Абазинского административного района в составе Ставропольского края.

При этом важно заметить, что политика федерального центра направлена на консервацию субнациональных границ субъектов Кавказского региона, так как изменения повлекут за собой эскалацию насилия. В результате некоторые национальные движения нашли способ достичь своих требований в рамках действующей административно-территориальной системы. Так,

например, в составе Карачаево-Черкесской Республики в 2006 г. появился Абазинский, а в 2007 г. – Ногайский районы.

На сегодняшний день обострение межнациональных отношений связано с переделом субнационального пограничья между Чечней и Ингушетией. Исходя из ситуации в Кавказском регионе, определенные проблемы порождают отсутствие демаркационной линии субнациональной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия (разногласия по Сунженскому району). По нашему мнению, территориальный конфликт между Чечней и Ингушетией – это опасный и непредсказуемый территориальный спор по причине некорректного проведения субнациональной границы между субъектами РФ.

Итак, учитывая внутреннее и геополитическое положение Северного Кавказа, необходимо актуализировать ценности «стабильности» с преобладанием межкультурной коммуникации. Создать территориальную систему мониторинга, разработать индикаторы и показатели эффективности реализации стратегии государственной территориальной политики, оценивая по ним ситуацию в каждом субъекте Кавказского региона.

На современном этапе социально-политического обустройства перед руководством республик Кавказского региона стоит задача изменения сложной этнополитической ситуации, сложившейся за последние 25 лет. В современных условиях стала приемлемой апелляция к различного рода инструментам, таким как авторитет, право, воля и принуждение. Управленческая элита республик находится в поиске ресурсов и механизма реализации принимаемых решений, касающихся межнациональных отношений, а этнонациональные аспекты определяют конфликтогенную ситуацию в регионе.

В настоящее время в отношении трансформации субнационального политического пространства наблюдается желание федерального Центра установить межнациональное благополучие на Северном Кавказе¹.

Правительство РФ прилагает ряд мер для создания дружественного пояса государств в Закавказье, где не было бы общественно-политической напряженности и территориальных конфликтов, особенно на территории субнационального пограничья.

---

¹ См., например: Федякин А.В. Общенациональные приоритеты региональной политики государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию: 2000–2014 гг. // Вестник Российской нации. – 2015. – № 4. – С. 8–33.

Литература

1. *Белозеров В.С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000.
2. *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М.: Логос, 2010.
3. *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России на современном этапе / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо Маклая РАН. – М.: Наука, 2011.
4. *Казенин К.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М., 2009.
5. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный докл. / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013.
6. Республики Северного Кавказа: Этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром. – М.: Макс Пресс, 2012.
7. *Тютюнина Е.С.* Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе. 1917–1941 гг. – Майкоп, 1995.
8. *Федякин А.В.* Общенациональные приоритеты региональной политики государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию: 2000–2014 гг. // Вестник Российской нации. – 2015. – № 4. – С. 8–33.
9. *Хлынина Т.П.* Российский Северный Кавказ: Исторический опыт управления и формирования границ региона / Юж. науч. центр РАН. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012.
10. *Шнирельман В.А.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2016 г., № 5, с. 116–131.*

С. Галбацев,

Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(г. Ростов-на-Дону)

ВЫЗОВЫ И РИСКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН (ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Устойчивое развитие в Республике Дагестан подвержено многочисленным вызовам, рискам и угрозам. Одними из наиболее актуальных и специфичных проблем республики, в которой рядом

друг с другом проживает большое количество этносов со своими интересами и претензиями, являются этнические проблемы. В полиэтничном обществе с неравноценным численным составом этносов и с разной их представленностью во властной элите справедливости и равенства достичь не просто, и они часто остаются болезненным вопросом для этнических меньшинств. С подобной проблемой и сталкивается рассматриваемый в статье пример Республики Дагестан. Важным для республики является оптимальное сочетание общегражданской идентичности с сохранением этнической групповой идентичности, исторических и этнокультурных традиций, которые вытекают из менталитета и ценностей народной культуры, важных для поддержания стабильности и достижения устойчивого развития. В статье рассмотрены препятствия для устойчивого развития, предлагаются и пути его достижения. Анализируется этнический аспект проблемы устойчивого развития и дается его определение. Рассмотрены основные уровни этнической напряженности. Выделены наиболее общие факторы этнической напряженности, порождающей угрозы и вызовы для устойчивого развития Республики Дагестан.

Ключевые слова: устойчивое развитие, этничность, этническая конкуренция, конфликт, безопасность, интерес, территориальный спор, идентичность, этнические меньшинства, равенство.

Для изучения рисков и вызовов устойчивого развития Республика Дагестан наиболее показательна. Переплетение местной специфической полиэтничной составляющей и геополитического фактора усиливает угрозу для устойчивого развития.

В виду того, что в качестве геополитического инструмента используются конфликты, оказывается целенаправленное воздействие на уязвимые этнические и религиозные проблемы с целью их разрастания и эскалации, вопрос стабильного и устойчивого развития становится еще актуальнее. Так, для устойчивого развития Республики Дагестан и в целом для национальной безопасности государства важна выработка стратегии по стабилизации и разрешению конфликтности и устойчивому развитию региона.

Устойчивое развитие становится основной задачей развития мира, провозглашенного Европейским союзом в долгосрочной перспективе (цели устойчивого развития до 2030 г.) [14]. Так, 16-я из 17 целей устойчивого развития звучит как продвижение мира и инклюзивного общества для устойчивого развития, продвижение доступа к справедливости для всех и построение эффективных, ответственных и инклюзивных (всесторонних) институтов на всех

уровнях [15]. Сюда же входит и такая цель, как продвижение мирного сосуществования и обеспечение базовых прав меньшинств на достоинство и справедливость.

Устойчивое развитие – гарантии равенства для всех членов общества. Оно подразумевает устойчивость и сохранение.

Достижение устойчивого развития может произойти только в условиях равнодоступности к власти и социальным благам для всех членов общества, в рассматриваемом случае – для всех этнических групп и их представителей.

Для устойчивого развития республики необходимо сохранение способности всех многочисленных народов «функционировать с установкой на долгосрочное, жизнеспособное взаимодействие, общение и культурное развитие» [16, с. 140].

В то же время в полиэтничном обществе с неравноценным численным составом этносов и их представленностью в элите справедливости и равенства достичь не просто, и они часто остаются болезненным вопросом для этнических меньшинств. С подобной проблемой и сталкивается Республика Дагестан.

Ситуация в Республике Дагестан достаточно сложна и интересна для исследования. Современные, появившиеся на постсоветском пространстве, этнополитические конфликты являются одной из угроз для устойчивого развития государства и региона. Особенно сложные этнические конфликты сосредоточены на южных рубежах России. Сложный этнический состав населения Северного Кавказа, и особенно Республики Дагестан, изначально содержит в себе потенциальную угрозу для этнополитической напряженности.

«Этнический фактор способен представлять серьезную угрозу устойчивому развитию Северного Кавказа, где полиэтничность увеличивает численность акторов, участвующих в конкуренции интересов, что способно обострить ситуацию в конфликтогенном регионе, породить риски и угрозы нестабильности, вызовы этнополитической безопасности в геополитически важной стратегической Каспийской зоне, богатой противоречиями, и в то же время представляющей собой кладезь биоресурсов, перекресток важнейших путей и т.д.» [5, с. 102].

В то же время «этнополитические конфликты еще могут говорить и об устойчивости сложившейся политической системы. Согласно Л. Козеру, группы, строящиеся на основе свободного структурирования, а также открытые общества, допуская конфликты, тем самым создают защиту против угрожающих базовому консенсусу и минимизирующих опасность разногласий,

которые могли затронуть ценности, являющиеся коренными» [13, с. 189].

Федеральные и республиканские программы по устойчивому и стабильному развитию и эффективная национальная политика для региона имеют особую значимость.

В 2013 г. республику возглавил известный специалист (одновременно являющийся теоретиком и практическим опытным политическим деятелем) по национальным проблемам Рамазан Абдулатипов. Ранее он работал в комитете по национальностям, был министром национальной политики РФ, написал много трудов по этнополитике и национальным проблемам, проблемам малочисленных народов [3].

Но и этот шаг не помог полностью преодолеть сложные этнополитические проблемы в республике, борьбу и противостояние этнических кланов. К радикальным переменам республика и народ не готовы. При новом главе устоявшееся на протяжении долгих лет негласное этническое распределение должностей сохранилось.

В то же время Р. Абдулатипов в своих выступлениях подчеркивал, что «со временем важно отказаться от формирования правительства по национальному признаку» [2], которое для народа особой роли не играет, поэтому не стоит кадровым вопросам (а также экономическим и земельным) придавать национальный окрас. Он отказывается признавать существование национального вопроса, подчеркивая существование единого дагестанского народа, жителей сложного Бабаюртовского района он считает неотвеченными за политику государства и жертвами режима [1].

С этим невозможно не согласиться: с проблемами, связанными с переселением, пришлось столкнуться всем – и «выселяемым» из республики и «переселенным» внутри республики или в границах республик Северного Кавказа.

В то же время полиэтничность общества породила высокую степень гражданской идентичности, что является отличительной особенностью жителей Республики Дагестан.

Согласно данным опроса, проведенного недавно в республике, «98% дагестанцев не видят себя вне России (“без России мы ничто”, “мы едины”)» [12, с. 129]; «ответом, к кому себя Вы больше относите, 51% идентифицировали себя как “россиянина”, 43% как “дагестанца”, подчеркнув при этом – “проживающего в РФ”, и всего лишь 5% как представителя конкретной нации» [8, с. 183].

Данные результаты действительно свидетельствуют о том, что сложилась некая общая коллективная дагестанская идентичность, особенно в городах. Но при этом она не является устоявшейся, сложилась не так уж давно, и доминирует она преимущественно в условиях межэтнического спокойствия. Возникновение этнополитической напряженности, внешнее воздействие, информационная среда способны перевести этнический фактор в доминирующее положение, как это часто и случается на практике. Поэтому при всей способности дагестанского народа к объединению, он существует и часто воспринимает себя как некое многосоставное целое, и важно сохранить стабильное состояние его многих составляющих, не допустить кипения какого-либо из элементов, чтобы не обжечь другие.

В то же время кланы (этноклановые взаимоотношения, так как клановость для дагестанцев является одним из источников проблем [10, с. 195–201]) рассматриваются экспертами как одна из причин нестабильности в республике. По их мнению, этнический расклад как играл ранее, так и продолжает играть важную роль в политической жизни республики, а госорганы и госдолжности продолжают оставаться собственностью определенного клана [6].

Основные проблемы возникают как межклановые противоречия (политическая конкуренция влиятельных этнических элит).

Существует и другой, бытовой, уровень – это конфликт интересов этнических групп (территориальный, земельный, статусный и т.д.).

В последние годы из-за дефицита или земли или ее удаленности, разрушения экономики, сокращения производств, дефицита рабочих мест многие жители республики вынуждены были покинуть свой отдаленный родной горный район в поиске перспектив трудоустройства и жизни в лучших условиях в другом месте.

Многие этнические группы исторически живут в сельской местности. И не просто в сельской местности, а в высокогорье и отдаленных районах республики, в которых транспортное сообщение и перспективы экономического роста еще более затруднены. Следовательно, экономика в таких регионах всё еще слабая и медленно развивающаяся, ограниченная серьезными барьерами для роста. Это означает, что они отстают от экономики в остальной части республики. Сами условия жизни здесь до сих пор остались сложными и суровыми. Отсюда берут истоки советские программы по переселению горцев на равнину и последующие трудовые миграции жителей высокогорья. Так образовались пере-

селенческие села и переселенческие общины в равнинных ногойских, кумыкских и чеченских селах.

Последствия депортации, земельные конфликты, разница в воспитании, культуре и менталитете порождают споры и напряженность, недовольство коренных жителей равнины. Так, возникла латентная конфликтность, которая при усилении лидеров этнических движений и средств массовой информации способна к разрастанию и переходу в более острую фазу конфликта.

Противоречия, связанные конфликтом интересов, практически невозможно разрешить, не ущемив интересы одной из сторон. Это внутренние, и одни из наиболее важных проблем, которые необходимо учитывать и держать под контролем.

В республике этническую напряженность можно подразделить на разные уровни:

1. По территории:

- внутри села, города, района;
- с соседними республиками и народностями;
- с соседними государствами (лезгинский вопрос, дербентский вопрос).

2. По субъектам:

- между различными этносами (рассмотренный выше пример относится к данному уровню напряженности и косвенно ко всем нижеперечисленным);
- межклановые противоречия;
- обычные бытовые конфликты и споры, при разрастании приобретающие этнический окрас.

Осложнение геополитической ситуации в России, усиление геополитического фактора в этнических [4, с. 31] (в данном случае – особенно в современных внутрирелигиозных конфликтах [11, с. 94–99]) требует пристального внимания к этнополитическим процессам.

Чтобы противостоять воздействию геополитического влияния, важно проводить эффективную этническую политику, учитывать многообразный этнический интерес, предотвращать негативную консолидацию этнических групп, подстрекаемую преследующими свои интересы этническими лидерами, способствовать справедливому отношению к этническим меньшинствам и предоставление им гарантии и возможностей для этнического самосохранения, изучения языка и культуры. По возможности важно как можно больше способствовать снижению конфликто-

генных факторов, проводить своевременный мониторинг, выявлять проблемы, а не игнорировать их.

Важным остается оптимальное сочетание общегражданской идентичности с сохранением этнической групповой идентичности, исторических и этнокультурных традиций, которые вытекают из менталитета и ценностей народной культуры, важных для поддержания стабильности (утрата которых ведет к аномии и психологическим проблемам), с сохранением исторически сложившихся традиций взаимоуважения и дружественных отношений между этносами, здоровой этнической конкуренции и т.д.

Таким образом, анализ этнополитических проблем с точки зрения устойчивого развития республики имеет важную научную и особенно практическую значимость. Мы рассмотрели лишь общие факторы этнической напряженности, порождающей угрозы и вызовы для устойчивого развития Республики Дагестан. Полиэтничность республики, множественность и противоречивость интересов, территориальные споры [7, с. 475], активность этнических лидеров, ошибки советской национальной политики и неготовность к компромиссу затрудняют решение проблем и становятся препятствием для устойчивого развития.

Литература

1. Абдулатипов: В Дагестане люди никогда не делились по национальному признаку. 13.03.2013. Режим доступа: <http://www.nazaccent.ru>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
2. Абдулатипов Р.Г. Положение кумыков или аварцев не улучшатся при назначении их представителей на высокие должности. 08.04.1013. Режим доступа: nazaccent.ru/content/7412abdulatipov-polozhenie-kumykov-ili-avarcev-ne.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
3. Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами: Вопросы теории и практики. – М.: Славянский диалог, 2001.
4. Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: Базовые концепты и региональные модели. – М., 2009. – С. 31.
5. Галбацев С.М. Полиэтничность Республики Дагестан в контексте концепции устойчивого развития // Динамика развития культуры и искусства народов Северного Кавказа и профилактика ксенофобии, национализма и этносепаратизма. – Махачкала: Дагестанский гуманитарный ин-т, 2015. – С. 101–105.
6. Гереев Р. Этнические кланы Дагестана в свете прихода к власти «команды» Абдулатипова. Режим доступа: <http://flnka.ru/politika/1239-etnicheskie-klany-dagestana-v-svete-prihoda-k-vlastikomandyabdulatipova.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

7. Государство и гражданское общество в России: Новые практики взаимодействия. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2013. – С. 475.
8. Ожидания Дагестана: Социально-политические трансформации и элиты. – М.: Перо, 2014. – 196 с.
9. Опыт и проблемы реализации стратегии национальной политики РФ в Республике Дагестан // Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 254–259.
10. Сиражудинова С.В. Власть и ожидания в Республике Дагестан // Власть. – 2015. – № 2. – С. 195–201.
11. Сиражудинова С.В. Неофиты в структуре радикального ислама // Информационные войны. – 2015. – № 4. – С. 94–99.
12. Сиражудинова С.В. Современные социально-политические процессы в Республике Дагестан // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 128–133.
13. Усманов Р.Х., Тажиев Н.М. Конфликтогенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. – 2013. – № 3 (36). – С. 188–194.
14. Promoting Peaceful Co-existence and Ensuring Minority Rights Based on Dignity and Justice // Journal of Sustainable Development. – Vol. 2. – N 3. – P. 160.
15. Sustainable development. Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
16. Yiftachel O., Hedgcock D. Urban social sustainability: The planning of an Australian city. – 1993. – P. 140.

*«Каспийский регион:
Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2016 г., № 2 (47), с. 123–128.*

Д. Попов,
кандидат юридических наук,
руководитель Уральского регионального
информационно-аналитического центра
Российского института стратегических
исследований (г. Екатеринбург)

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОМУ
ИНТЕГРАЦИОННОМУ ПРОЕКТУ***

Ключевым вектором экономической стратегии США в ЦА стала борьба с российским интеграционным проектом. Белому дому не удалось предупредить создание в 2010 г. Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, но в декабре 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон публично раскритиковала планы по дальнейшей экономической интеграции трех стран, назвав это попыткой воссоздать Советский Союз и заявив о поиске эффективных способов их замедления или предотвращения [1]. Если отбросить политическую риторику о реконструкции СССР, то, как опасается известный в США специалист по постсоветскому пространству и аналитик вашингтонского *Heritage Foundation* Ариэль Коэн, создание Евразийского союза замкнет торговлю в Центральной Азии на Россию, способствуя ее доминированию, что для Вашингтона неприемлемо [2].

С этого времени интеграционные инициативы Москвы постоянно сталкиваются с энергичным противодействием Соединенных Штатов. В ущерб Евразийскому экономическому союзу развязана информационная и дипломатическая кампании. Выдвигаются альтернативные геоэкономические проекты. Противостояние переносится на поля Всемирной торговой организации.

Первые переговоры стран ЦА о присоединении к ВТО стартовали еще в середине 1990-х годов, т.е. на этапе становления объединения. Тогда они в целом были поддержаны Вашингтоном, и в 1998 г. в ВТО вошла Киргизия. Однако для остальных республик процесс затянулся более чем на десятилетие. Новый импульс со стороны Запада он неожиданно получил в период активной фазы строительства ТС и ЕЭП. Этому предшествовало широкое

---

* Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. – М.: РИСИ, 2016. – 247 с. (Раздел монографии, с. 146–157.)

обсуждение в экспертных кругах и Конгрессе США идеи о необходимости форсированного принятия в ВТО центральноазиатских республик на условиях, мешающих интеграционным устремлениям Москвы [3]. Вероятно, здесь учли, что хотя согласование условий ВТО не создает для ЕАЭС непреодолимых препятствий, оно способно замедлить ход региональной интеграции и потребовать дополнительного напряжения сил экспертов, политиков, законодателей.

В начале 2013 г. при посредничестве западных консультантов к Всемирной торговой организации присоединился Таджикистан. Переговоры, продолжавшиеся свыше 11 лет, были закончены быстро и за закрытыми дверями, а их результаты с наибольшим удовлетворением восприняли американские и европейские представители. Последующий анализ документов показал, что республика, будучи одной из беднейших в СНГ, в спешке вошла в организацию фактически на условиях развитой экономики, отказавшись от многих льгот, на которые она была вправе рассчитывать по своим социально-экономическим показателям. Душанбе принял избыточные обязательства, выходящие за рамки стандартных правил организации, допускающие дискриминацию его экспортных товаров на внешних рынках, лишаящие возможности в обычном порядке использовать инструменты, принятые в большинстве других государств (субсидии, техрегулирование, ветеринарный и фитосанитарный контроль, таможенное администрирование).

Но главное, достигнутые договоренности сделали проблематичным участие Таджикистана в региональных торговых соглашениях, к которым относятся ТС, ЕЭП и ЕАЭС. Они установили расширенный «контроль» членом ВТО над действиями республики в области интеграции и наложили ограничения в части адаптации ее законодательства под условия региональных таможенных союзов. В июне 2013 г. постпред РТ в ЕврАзЭС Файзулло Холбобоев первым из таджикских официальных лиц публично признал наличие правовых препятствий, связанных с ВТО, для вхождения республики в Таможенный союз и Единое экономическое пространство [4].

В том же 2013 г. на переговорах о вступлении в ВТО Казахстана, подавшего заявку в организацию еще в 1996 г., США и ЕС выдвинули дополнительные требования о снижении таможенно-тарифной защиты ряда товарных групп (самолеты, вертолеты, сельхозтехника, автомобили и др.), к тому времени согласованных Астаной в рамках Таможенного союза. Комментируя эту ситуа-

цию, первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов заявил, что Казахстан оказался в роли «заложника», с помощью которого Запад ведет переговоры с Россией, пытаясь через члена «таможенной тройки» войти на российский рынок на условиях, ранее отвергнутых Москвой [5]. То, что американцы не пускали Казахстан в ВТО по причине поддержки им уровня защиты России в рамках Таможенного союза, подтвердил на заседании Евразийского экономического совета в октябре 2013 г. и сам президент Н. Назарбаев, предложивший Москве вести дальнейшие переговоры с Вашингтоном и Брюсселем совместно [6]. Правда, в США к данной инициативе главы Казахстана отнеслись, мягко говоря, прохладно и в марте 2014 г. запретили въезд в американскую столицу группе специалистов Россельхознадзора, направлявшихся вместе с казахстанской делегацией для консультаций по ветеринарным и фитосанитарным аспектам участия РК в ВТО.

В конечном счете переговоры были завершены в июле 2015 г. подписанием протокола о вступлении Республики Казахстан во Всемирную торговую организацию. Согласно документу, казахстанские импортные пошлины на 3,5 тыс. товарных позиций будут ниже, чем установленные в Евразийском экономическом союзе [7]. Это в свою очередь повысит риски ввоза товаров, растаможенных по более низким ставкам, на территорию других государств ЕАЭС и осложнит функционирование объединения.

К концу 2015 г. среди республик региона только Туркмения и Узбекистан не присоединились к глобальной торговой системе. Правила ВТО противоречат их жестким ограничительным мерам в торговой сфере. Официальный Ташкент рассматривает процесс вхождения в объединение как долгосрочный, опасаясь подрыва национальной автомобильной и текстильной промышленности [8]. Ашхабад традиционно придерживается политики изоляционизма, хотя и здесь в январе 2013 г. была создана правительственная комиссия для изучения вопросов членства в организации. Американские внешнеполитические институты следят за эволюцией подходов двух стран к ВТО и, не исключено, как и в других случаях, будут готовы сопровождать переговорный процесс, направляя его в нужное для себя русло.

Обращает на себя внимание, что принципиальность, которую проявляет американская сторона к интеграционной повестке в Центральной Азии, резко контрастирует с уровнем реальных торговых отношений, достигнутых с регионом. По информации Управления торгового представителя Соединенных Штатов за

2013 г., Казахстан находился в списке торговых партнеров США лишь на 76-м месте [9], а Узбекистан – на 135-м [10]. Остальные среднеазиатские страны – и того ниже. Со своей стороны, по данным Агентства РК по статистике за 2008–2012 гг., США не входили даже в десятку торговых партнеров Казахстана [11].

Основная часть товарооборота приходится на сырье. Американцы импортируют из региона нефть и металлы, включая уран, а экспортируют продукцию машиностроения. Наиболее крупные несырьевые контракты подписаны на поставку самолетов для гражданской авиации Узбекистана (покупка в конце 2008 г. четырех широкофюзеляжных самолетов Boeing-767) [12] и Казахстана (сделка 2012 г. по приобретению «Эйр Астана» четырех Boeing 767-300ER и трех Boeing 787-8 Dreamliner стоимостью 1,3 млрд долл.) [13].

При ограниченном уровне торговых связей такое навязчивое стремление Вашингтона вмешиваться в процессы региональной экономической интеграции в ЦА может объясняться только одним – интересами геополитического сдерживания России. Называя учреждение ТС и ЕЭП попыткой «ресоветизации», под сомнение ставится само право РФ и ее партнеров на создание региональных торговых соглашений, которое закреплено в том числе в правилах ВТО и которым сами американцы пользуются повсеместно. Руководствуясь, по всей видимости, этой же логикой, экспертные и внешнеполитические структуры США сгенерировали и выдвинули ряд альтернативных интеграционных проектов, рассчитанных на среднеазиатские элиты, государства-доноры и международные финансовые институты.

Если рассматривать тему в хронологическом порядке, то в рамках своей стратегической линии 1990-х и первой половины 2000-х годов Госдепартамент не возражал и в определенной мере приветствовал попытки среднеазиатских республик наладить работу внутрирегиональных политико-экономических объединений без участия внешних игроков – в первую очередь без участия России. Белый дом сотрудничал с Центрально-Азиатским экономическим сообществом (ЦАЭС), просуществовавшим с 1994 по 2002 г. и впоследствии преобразованным в Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС) в составе Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Идея «закрытой» интеграции, впрочем, провалилась, натолкнувшись на острые противоречия стран Центральной Азии, в частности Астаны и Ташкента. В 2005 г. ЦАС было ликвидировано в связи с учреждением Евразийского

экономического сообщества (ЕврАзЭС), куда в качестве главной движущей силы вошла Российская Федерация.

Другая поддержанная американской дипломатией структура – Организация за демократию и экономическое развитие ГУАМ, учрежденная в 1997 г. в ходе саммита Совета Европы в г. Страсбурге делегатами Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии. ГУАМ позиционировалась как многопрофильная организация, охватывающая широкий спектр вопросов, начиная от экономики и заканчивая безопасностью, но по факту сформировалась как блок антироссийского толка, объединивший ориентированных на Запад лидеров постсоветских республик. На практике она оказалась недееспособной, хотя формально продолжает работу. С 1999 по 2005 г. в ГУ(У)АМ входил Узбекистан – единственный из числа среднеазиатских государств. Ташкент покинул ее после волны «цветных революций» в бывших республиках СССР и незадолго до андижанских событий в Ферганской долине. Формально президента И. Каримова не устроили акценты партнеров на «формировании совместных вооруженных блоков и пересмотре существующих систем безопасности» [14]. Рассматривать ГУАМ как интеграционную альтернативу, особенно применительно к сегодняшней Центральной Азии, бесперспективно.

В середине 2000-х годов основателем американского Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Хопкинса Фредериком Старром была сформулирована концепция Большой Центральной Азии (Greater Central Asia) [15]. Основываясь на том факте, что в период своего средневекового культурно-исторического расцвета цивилизационные границы Средней Азии простирались далеко за пределы нынешних рубежей пяти постсоветских республик, Ф. Старр предложил рассматривать регион шире, включив в него также Афганистан, северо-западные области Индии, часть Пакистана, Ирана и китайский Синьцзян. По мысли автора, реализации американских интересов здесь будут способствовать совершенствование инфраструктуры и минимизация торговых барьеров, а также поощрение многосторонних форумов, например идеи Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (Greater Central Asia Partnership for Cooperation and Development, GCAP) [16].

Хотя сам ученый этого не подтверждает, тезисы Ф. Старра, по распространенному мнению, оказали влияние на внешнеполитическую линию США на среднеазиатском направлении [17]. За его публикациями последовали изменения в структуре Госдепар-

тамента, где было образовано единое Бюро по делам Южной и Центральной Азии, к компетенции которого одновременно с центральноазиатской пятеркой отнесены Афганистан, Пакистан, Индия и ряд других стран. В аналитических бумагах Всемирного банка получил хождение термин «расширенная Центральная Азия» (Wider Central Asia) [18]. Выказанная экспертами историческая аргументация была подведена под текущее геополитическое конструирование, предварив появление официальной внешнеполитической доктрины США под названием Новый Шёлковый путь (НШП).

Стратегия Нового Шёлкового пути изложена госсекретарем США Хиллари Клинтон в ее речи 20 июля 2011 г. в индийском Ченнаи. В ключевых аспектах она представляет собой план интеграции Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион, в сердце которого находится Афганистан. Стратегия подразумевает, во-первых, формирование инфраструктуры от бывших советских республик Центральной Азии через Афганистан в южноазиатские страны – Индию и Пакистан [19]. Во-вторых, торговую интеграцию стран ЦА, Афганистана и Южной Азии путем совершенствования таможенных и пограничных процедур, снижения нетарифных барьеров, а впоследствии и раскрытия рынков [20]. По этим направлениям западная дипломатия вела конкретную работу и раньше, но в 2011 г. они были представлены как целостный геоэкономический концепт, американская альтернатива российским и китайским предложениям.

Инициатива НШП нашла положительный отклик у среднеазиатских руководителей, усмотревших в ней возможность за счет средств иностранных доноров расширить торговлю и рынки сбыта своей продукции в Афганистане, а также провести модернизацию своей транспортной системы.

В докладах Государственного департамента США по экономической ситуации в Афганистане 2011 г. обозначен ряд приоритетных инфраструктурных проектов, которые вписываются в НШП. Среди них: реконструкция автомобильной сети между северными и центральными областями ИРА (тоннель Саланг, участки Мазари-Шариф–Дара-и-Суф, Якавланг–Бамиан); прокладка волоконно-оптических кабелей между крупными городами Афганистана и соседних стран; расширение портовых сооружений на пограничной Амударье.

Отдельные объекты сданы в эксплуатацию. При финансовой поддержке США возведено несколько мостов через р. Пяндж,

соединивших автотранспортные системы Афганистана и Таджикистана. Часть средств на эти цели перечислена через Фонд Ага Хана, активно работающий в районах проживания памирских исмаилитов по обе стороны границы.

В ноябре 2011 г. была завершена железная дорога Хайратон–Мазари-Шариф из Узбекистана, которая впервые открыла для южного соседа регулярный железнодорожный выход в ЦА. Ветка потенциально рассматривается как первый шаг в амбициозной программе создания железнодорожного полукольца, пронизывающего Северный Афганистан с Востока на Запад. Транспортная дуга, как это обсуждается в международных финансовых институтах, участвующих в восстановлении ИРА, в нескольких местах сможет стыковаться с магистралями государств ЦА (с Таджикистаном – в районе Кундуза, Узбекистаном – Мазари-Шарифа, Туркменией – Герата).

Принципы НШП перенесены и на сферу региональной энергетики. Американская сторона приветствует прокладку ЛЭП между центральноазиатскими республиками и Афганистаном. Первым поставкой электроэнергии сюда по новой линии Хайратон–Пули-Хумри–Кабул в начале 2009 г. наладил Узбекистан, что позволило Ташкенту занять доминирующие позиции на рынке соседнего государства. В 2011 г. введена в строй ветка Сангтуда–Пули-Хумри, по которой избыток энергии, вырабатываемой ГЭС в Таджикистане в летний период, частично направляется в афганские провинции.

Между тем самым крупным проектом, дискуссии по которому ведутся с середины 2000-х годов, должно стать строительство высоковольтной линии «CASA-1000» (Central Asia – South Asia). Трассу планируется проложить от таджикских и киргизских гидроэлектростанций к афганским и пакистанским потребителям энергии. Протяженность маршрута превышает 1200 км [21], прогнозируемые затраты – 1 млрд долл. [22]. Программу лоббирует американская администрация в сотрудничестве с ВБ, ИБР, Великобританией, Австралией и др. В Бишкеке и Душанбе она воспринимается как стратегическая. Практическое осуществление проекта тем не менее неоднократно откладывалось в связи с нехваткой финансирования и высокими инвестиционными рисками.

В рамках НШП Белый дом содействует инициативам по развитию торговли в Большой Центральной Азии, прилагая усилия как в двустороннем, так и многостороннем формате. Представители Афганистана приглашаются на встречи участников Рамочного соглашения по торговле и инвестициям между США и центрально-

азиатскими республиками, при которых Кабулу предоставлен статус наблюдателя [23]. В августе 2011 г. при западном посредничестве Афганистан присоединился к Трансграничному соглашению о транзите (ТСТ) между Таджикистаном и Киргизией, упрощающему контрольные процедуры при пересечении границ. ТСТ разработано и подписано как часть обширной программы ЦАРЭС (Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества), инициированной АБР в 2001 г. В программе участвуют десять стран (ИРА, Азербайджан, КНР, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Пакистан, Монголия) и шесть многосторонних финансовых институтов (АБР, ЕБРР, ВБ, МВФ, ИБР, ПРООН). Гранты, техническая помощь и кредиты выделяются на три приоритетных сферы – торговлю, транспорт и энергетику [24].

Возникает вопрос: какие цели преследуют доктрина Нового Шёлкового пути и почему она принята в качестве базового ориентира для внешнеполитического ведомства США? Первое, из чего могут прагматично исходить в Вашингтоне – это необходимость обеспечения долгосрочного присутствия в Афганистане. Стимулирование афганской экономики путем расширения ее связей с близлежащими государствами Центральной и Южной Азии повысит устойчивость светского правительства в Кабуле, а значит, и перспективы сохранения здесь западных контингентов. Это также поможет снизить потребность ИРА в постоянных внешних дотациях, что весьма актуально в условиях, когда европейские союзники по НАТО сворачивают свои программы поддержки ИРА, а госдолг США растет рекордными темпами.

С другой стороны, на Западе могут исходить из того, что дополнение экономических приоритетов Центральной Азии южным направлением понизит значение российского фактора в хозяйственной жизни региона, в частности роль Москвы как лидирующего интеграционного центра. Реализация крупных инфраструктурных проектов действительно будет диверсифицировать экспорт сырья из Центральной Азии в обход России, ослабляя зависимость от северных трубопроводов и железных дорог. Появление же в Туркменистане, Узбекистане и Казахстане новых потенциальных покупателей, претендующих на вывоз минеральных ресурсов в Южную Азию, усилит для российских добывающих компаний конкуренцию за доступ к их запасам.

Сказанное справедливо и по отношению к китайским корпорациям. Вероятно, не случайно стратегия получила имя Шёлкового пути, с той только разницей, что проходит он в американском

понимании не с востока на запад, как древний караванный маршрут, а с севера на юг, минуя Поднебесную и игнорируя в данном случае исторические контакты Большой Центральной Азии с Китаем. После того как в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал ответ в виде собственной концепции Экономического пояса Шёлкового пути, в прессе нередко стала возникать путаница между двумя стратегиями – Пекина и Вашингтона.

Мнение, что НШП противопоставлен российской и китайской экономической политике, таким образом, имеет под собой основание. Но к нему необходимо сделать уточнение. Расширение торгово-экономических и транспортных связей среднеазиатских республик с лежащими к югу соседними странами не угрожает российским интересам само по себе. Напротив, при нормальном развитии экономических взаимоотношений такое расширение, хотя и усилит конкуренцию, должно благоприятно отразиться на Центральной Азии и Афганистане, способствуя их стабильности и процветанию. Россия более других заинтересована в подобном развитии событий как держава, расположенная в непосредственной близости от региона, а не разделенная с ним океанами. В разные годы она даже заявляла о готовности участвовать во многих инициативах, лежащих в плоскости НШП, например CASA-1000 и TAPI.

Риски же для Москвы порождает совсем другое обстоятельство, а именно возможное требование о разрыве устоявшихся кооперационных связей стран ЦА с Российским государством. В будущем нельзя исключать появление подобного призыва в ЦА как условия для присоединения к предлагаемому США южному интеграционному проекту. По крайней мере, в 2013–2014 гг. другая бывшая советская республика – Украина – была поставлена перед ложным выбором «ЕАЭС или ассоциация с Евросоюзом». Впоследствии Киев отказался от сотрудничества с РФ по широкому кругу вопросов, начиная от ВТС и заканчивая авиасообщением, и пережил тяжелейший коллапс госуправления, падение экономики, разрушение социальной сферы. Разница, однако, состоит в том, что ЕС – разветвленное экономическое объединение и самостоятельный интеграционный полюс, на практике конкурирующий с Евразийским экономическим союзом, тогда как Новый Шёлковый путь – скорее вектор американской внешней политики, к тому же не самый успешный.

Пока среди начинаний НШП претворены в жизнь в большинстве локальные, не требующие сверхзатрат проекты (мосты, участки дорог), а также инфраструктура, задействованная в снаб-

жении войск НАТО в Афганистане (железнодорожная ветка Хайратон–Мазари-Шариф). По-настоящему крупные стратегические коммуникации, наподобие ТАПИ и ЛЭП CASA-1000, остаются на бумаге. Многолетние усилия дипломатов из США упираются в объективные трудности, продиктованные спецификой региона.

Сметы транспортных объектов в сложных условиях местного климата и рельефа вырастают до сумм, покрывать которые внешние доноры зачастую не готовы.

К тому же сам Вашингтон продемонстрировал, что не намерен нести большие финансовые издержки на НШП, рассчитывая в основном на возможности союзных государств (Германии, Японии) и международных финансовых институтов. Яркий пример – афганско-узбекская железная дорога, построенная практически полностью за средства АБР (165 млн долл.) [25]. На миллиардный CASA-1000 Государственный департамент в декабре 2013 г. анонсировал выделение всего 15 млн долл. [26].

Кроме того, инвесторов отпугивает нерешенность вопросов с обеспечением безопасности на территории Афганистана. В частности, такие опасения послужили одной из причин выхода из программы CASA-1000 Азиатского банка развития и ее последующей пробуксовки.

Принятию взвешенных инвестиционных решений нередко мешает высокая политизация проектов НШП. Если продолжить мысль о создании объединенного рынка электроэнергетики Южной и Центральной Азии, вызывает сомнение сама экономическая обоснованность этой идеи, ведь в Таджикистане и Киргизии невозможна круглогодичная выработка экспортных объемов электричества из-за особенностей гидроэнергетики этих стран, привязанной к фазам таяния ледников.

Свою лепту вносят глубокие противоречия между отдельными государствами Южной и Центральной Азии: Узбекистаном и Таджикистаном, Афганистаном и Пакистаном, Индией и Пакистаном и др. Так, в Ташкенте подчеркнуто негативно реагируют на западные предложения расширить поставки электроэнергии в Афганистан из Таджикистана и Туркмении (проект ЛЭП-500 Туркмения–Джаузджан), заявляя о готовности в упреждающем порядке нарастить собственную экспортную генерацию [27].

На этом фоне интеграционные структуры с участием России в настоящее время выглядят более осязаемыми и привлекательными, чем НШП. Северное экономическое направление безопасно и обеспечено уже существующей развитой инфраструктурой,

глубоко детализированной юридической базой, обширными кооперационными связями.

* * *

Центральная Азия находится на периферии экономических интересов США. С регионом поддерживаются ограниченные торгово-инвестиционные отношения, сконцентрированные в основном вокруг добычи нефти в Казахстане. Каспийская нефть играет роль привлекательного сырьевого бонуса для американских корпораций, но ее запасы не являются для США стратегически важными в глобальном масштабе, а доля американских компаний в местной нефтедобыче постепенно падает.

Тем не менее Вашингтон проводит в регионе энергичную экономическую политику, непропорциональную уровню достигнутых в этой сфере отношений, активно вмешивается в ход хозяйственных преобразований в странах ЦА и воздействует на выбор ими интеграционных предпочтений. Главными инструментами американской экономической политики выступают инфраструктурное (прежде всего, трубопроводное) планирование, программы МФИ, гранты для осуществления либеральных реформ, санкции.

Стратегия Соединенных Штатов при этом сосредоточена не столько на расширении собственных экономических связей, сколько на задачах геополитического сдерживания России и Китая. Белый дом продвигает транзитные коридоры и интеграционные планы, альтернативные предложениям Москвы и Пекина и призванные снизить их влияние на экономику ЦА.

Правда, большая часть американских усилий в данном направлении не реализована: транскаспийские трубопроводные проекты, против которых выступала РФ, заморожены; создание коммуникаций с Южной Азией в русле Нового Шёлкового пути тормозится нежеланием самих Соединенных Штатов нести высокие затраты и нестабильной ситуацией в Афганистане; евразийская экономическая интеграция, несмотря на раскручиваемый в западной прессе фантом «ресоветизации», углубляется качественно и расширяется географически.

В целом в последние годы Соединенные Штаты Америки шаг за шагом теряют позиции в региональной интеграционной «гонке». Резко изменить эту неприятную для них тенденцию способно, по-видимому, только приведение к власти в нефтегазодобывающих и транзитных странах ЦА лояльных правительств,

которые по типу «бакиевской Киргизии» станут проводниками враждебной России экономической политики.

Литература

1. Призрак союза. США пообещали не допустить интеграции с Россией бывших советских стран // Взгляд: Интернет-сайт. 2012. 7 декабря. URL: <http://vz.ru/politics/2012/12/7/610709.html> (Дата обращения: 06.11.2015.)
2. Cohen A. US Interests and Policy in Post-Soviet Eurasia / Ariel Cohen // Testimony before Europe and Eurasia Subcommittee, House International Relations Committee, U.S. Congress. Hearing on U.S. Engagement in Central Asia. 2012. July 24. P. 6. URL: <http://foreignaffairs.house.gov/112/HHRG-112FA14-WState-CohenA-20120724.pdf> (Дата обращения: 18.08.2012.)
3. Ibid.
4. Постпред РФ в СНГ: Обязательства перед ВТО ограничивают вхождение в ТС // Россия для всех: Интернет-сайт. 2013. 21 июня. URL: http://jk.rus4all.ru/city_msk/20130621/724188669_3.html (Дата обращения: 09.11.2015.)
5. ЕС и США на переговорах с Казахстаном по ВТО пытаются «переиграть» Россию (Шувалов) // ТАСС: Интернет-сайт. 2013. 25 октября. URL: <http://tass.ru/arhiv/710905> (Дата обращения: 10.11.2015.)
6. Назарбаев предложил России провести совместные переговоры с ЕС и США по присоединению Казахстана к ВТО // ТАСС: Интернет-сайт. 240 Центральная Азия во внешней политике США. 2013. 24 октября. URL: <http://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/695338> (Дата обращения: 10.11.2015.)
7. Ж. Айтжанова: Переговоры по вступлению Казахстана в ВТО были самыми сложными // Zakon.kz: Интернет-сайт. 2015. 1 июля. URL: <http://www.zakon.kz/4725000-zh.-ajtzhanova-peregovory-po.html> (Дата обращения: 10.11.2015.)
8. Узбекистан тщательно взвешивает последствия вступления в ВТО для узбекской экономики // Авеста: Интернет-сайт. 2013. 15 февраля. URL: <http://www.avesta.tj/business/16868-uzbekistan-tschatelno-vzveshivaetposledstviyavstupleniya-v-vto-dlya-uzbekskoy-ekonomiki.html> (Дата обращения: 15.10.2014.)
9. U.S. – Kazakhstan Trade Facts // Office of The United States Trade Representative: website. 2014. March 18. URL: <https://ustr.gov/countriesregions/south-central-asia/kazakhstan> (Дата обращения: 10.11.2015.)
10. U.S. – Uzbekistan Trade Facts // Office of The United States Trade Representative: website. 2014. April 1. URL: <https://ustr.gov/Uzbekistan> (Дата обращения: 10.11.2015.)
11. Краткий аналитический обзор внешней торговли Республики Казахстан товарами и услугами за предшествующие пять лет. С. 69 // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ: Интернет-сайт. 2013. 10 ноября. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kz/about_kz/ved_kz/ (Дата обращения: 10.11.2015.)
12. ИБР профинансировал приобретение самолетов «Boeing» для Узбекистана // Kommersant.uz. 09.07.2013. <http://kommersant.uz/news/novosti-uzbekistana/ibr-profinansiroval-priobretenie-samoletov-boeing-dlyauzbek>; Узбекистан получит

- еще двух крылатых американских «бандитов» // ИА Росбалт. 08.07.2013. <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/07/08/1150091.html>
13. «Эйр Астана» подписала контракт с «Boeing» на 1,3 млрд долл. // Total.kz: Интернет-сайт. 2012. 4 февраля. URL: http://total.kz/economics/2012/02/04/eur_astana_podpisala_kontrakt_s (Дата обращения: 10.11.2015.)
  14. Шестаков Е. ГУУАМ потеряло букву / Евгений Шестаков // Российская газета: Интернет-сайт. 2005. 6 мая. URL: <http://www.rg.ru/2005/05/06/uzbekistan-guuum.html> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  15. Starr F. A Partnership for Central Asia / Frederick Starr // Foreign Affairs: Website. 2005. July/August. Vol. 84. N 4. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  16. Ibid.
  17. Патриот Центральной Азии // Эксперт–Казахстан: Интернет-сайт. 2008. 1 сентября. URL: <http://expertonline.kz/a4927/> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  18. Byrd W., Raiser M. Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region / William Byrd, Martin Raiser // World Bank Working Paper. 2006. April. N 75. P. 1.
  19. Blake R. Remarks at the Jamestown Foundation / Robert O. Blake // U.S. State Department: Website. 2011. November 14. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177181.htm> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  20. Pyatt G. Next Steps on the Silk Road / Geoffrey Pyatt // U.S. State Department: website. 2011. November 15. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2011/177179.htm> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  21. О проекте CASA-1000 // CASA-1000: Интернет-сайт. 2015. 11 ноября. URL: <http://www.casa-1000.org/MainPages/CASAAboutr.php> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  22. Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) // World Bank: website. 2015. November 11. URL: <http://www.worldbank.org/projects/P145054?lang=en> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  23. South & Central Asia // Office of the United States Trade Representative: Website. 2015. November 11. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-centralasia/central-asia> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  24. См.: Стратегические рамки для Программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества на 2011–2020 гг. ЦАРЭС-2020 // Азиатский банк развития. Филиппины. Мадалуйонг: АБР, 2012. 39 с.
  25. Mashrab F. Afghan Rail Link Marks a Break-out Moment.
  26. U.S. Announces \$15 Million in Funding for CASA-1000 Electricity Project // U.S. State Department: website. 2013. December 11. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/218629.htm> (Дата обращения: 11.11.2015.)
  27. Узбекистан планирует увеличить поставки электроэнергии в Афганистан и Пакистан // Афганистан.ru: Интернет-сайт. 2011. 18 ноября. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/21388.html> (Дата обращения: 11.11.2015.)

«Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг.», М.: РИСИ, 2016 г., с. 146–157.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Витол,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института восточных рукописей РАН
(Санкт-Петербург)

ВХОЖДЕНИЕ ТУРЦИИ В «ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТ»: ЕВРОПЕЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ И КОНФЛИКТ С ИСЛАМОМ

Аннотация. При заключении Парижского мира 1856 г. Турция официально вошла в число стран-победительниц, которых именовали «европейским концертом». Эту привилегию она заслужила, в частности, тем, что султан Абдулмеджид опубликовал указ «хатт-и хумаюн» о равенстве всех турецких подданных (т.е. как мусульман, так и христиан). Султан обещал продолжить реформы (танзимат), которые должны были еще больше сблизить Турцию с Европой. Вхождение Турции в «концерт», кроме выгод, таило и огромные опасности, трудности «психологической ломки» для турецкого народа, имевшего сложившийся и устойчивый менталитет. На пути сближения с Западом и в поиске места ислама в новом обществе предстояло сделать еще очень много.

Ключевые слова: Турция, Крымская война, хатт-и хумаюн 1856 г., ислам, Парижский мир 1856 г.

Крымская война (она же – Восточная, Русско-турецкая, Севастопольская и т.д.)¹ завершилась переговорами в Париже в 1856 г., которые внесли значительные изменения в международный статус Турции и России. О целях войны очень откровенно выразился французский император Наполеон III. В беседе с одним из русских дипломатов он сказал: «Я намерен приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать распространению вашего влияния

и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли... Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда. Это станет грандиозным падением России, но вы сами его вызвали»². Нелишне прислушаться к мнению крупнейшего швейцарского историка Я. Буркхардта, что «главным в Крымской войне было упрочение Луи Наполеона на его троне (императорском. – А. В.), и основанием для него могли быть соображения либерального, клерикального и военного порядка»³.

Известный французский историк А. Мале (один из авторов «Истории XIX века») писал о Парижском мире 1856 г., что Турция добилась того, в чем ей было отказано в 1815 г. – имелось в виду, что по окончании Наполеоновских войн ее не допустили на заседания Венского конгресса (1814–1815). Ожидания Турции, как пострадавшей от наполеоновского вторжения в Египет и от других военных кампаний, что она войдет в число стран – участников Священного союза, не оправдались. Этого не произошло по той причине, в частности, что возникли проблемы с принятием в Священный союз даже Англии, так как она была протестантской (в основном) страной. С другой стороны, Англия, Франция и Австрия «косо» смотрели на православную (т.е. «схизматическую», «неевропейскую») Россию.

Что же касается мусульманской Турции, то «Европа» не могла представить себе, что государство с такой религией может быть на равных представлено в общеевропейском «согласии». Нападение Наполеона на Египет, т.е. на Османскую империю, было для последней неожиданностью. Для Наполеона, возможно, это было отдаленным воплощением мотивов и идей «Египетского проекта» Лейбница⁴; возможно, сказалось его разочарование отказом принять его на службу в Турецкую армию (Наполеон пытался найти себе место не только на русской службе).

С вторжением в Египет был согласован и союз с Павлом I, планы совместного похода в Индию от Оренбурга, через Хиву и Бухару и далее. По известным причинам поход не состоялся, но, даже заняв Москву, Наполеон продолжал мечтать об Индии.

Отношения Турции с Францией быстро восстановились, однако нельзя сказать, что вторжение в Египет прошло бесследно. Турции пришлось подвергнуться тяжелым испытаниям в сфере, где, казалось бы, всё было спокойно. На Аравийском полуострове постепенно укрепилось новое течение ислама – ваххабизм, что-то вроде «пуританского» ислама. Ваххабизм (название получил по имени своего основателя) в значительной степени был направлен

против мусульман Турции, Кавказа и Ирана. В результате боевых действий ваххабитов дважды (1803, 1806)⁵ был захвачен священный город всех мусульман – Мекка; в марте-апреле 1802 г. был razорен священный город шиитов Кербела, включая мечеть Хусейна, где был захоронен внук Мухаммеда. Смелости ваххабитам придали сообщения как о вторжении Наполеона и бессилии Порты перед ним, так и сообщения о военных действиях англичан против турок⁶.

Экспедиция Наполеона в Египет ознаменовалась его попытками разыграть «религиозную» карту. Наполеон серьезно готовился к походу в Египет. В своей книге «Египетский поход» он цитирует французского просветителя и ориенталиста Франсуа Вольнея о том, что утвердиться в Египте можно, лишь выдержав три войны: против Англии, против Порты и наиболее трудную – против мусульман⁷. Наполеон предпринимал много попыток «доказать» египетским мусульманам, что французы – тоже мусульмане, а сам он – Махди (Мессия) – тоже мусульманин и Султан Кебир (Великий Султан). Устраивались всякие трюки: «фестивали Пророка», демонстрация полетов воздушного шара (неудачно) и др. Наполеон заставлял египетских шейхов отправлять письма шерифу Мекки, в которых утверждалось, что французы – мусульмане. Заигрывание с исламом доходило до того, что сторонники легковесной революционной «религии разума» в количестве 500 человек во главе с генералом Мену действительно приняли ислам и остались в Египте после эвакуации французской армии в 1801 г.⁸

Нельзя, конечно, преувеличивать значение «промусульманских» маневров Наполеона, но можно вспомнить подмеченное опытным востоковедом-практиком Б. Льюисом обстоятельство: Великая французская революция 1789 г. была первым европейским движением, которое не казалось христианским и даже представлялось, по крайней мере, мусульманам, «антихристианским». По этой причине в поисках своего пути мусульмане обращались к секулярным и революционным идеям, зародившимся во Франции. Это прослеживалось во многих модернизаторских реформистских течениях исламского мира XIX–XX вв.⁹ В принципе вопрос о том, что могла почерпнуть из «раннего» наполеоновского опыта Османская империя, остается открытым. Но вряд ли этот опыт мог пройти бесследно мимо внимания мыслящих людей в Османской империи.

Османские султаны прикладывали отчаянные усилия для сохранения своей державы. Однако Порта несла тяжелые поражения

от собственных вассалов (Египет), от России; произошло отделение Греции, фактическое отторжение Алжира: по законам 1840–1846 гг. часть его земель была конфискована у местных племен и передана колонистам из Франции, Италии и Испании.

Конфликт Порты с Мухаммедом Али привел ее к союзу с постоянным противником – Россией (1833), т.е. к вынужденному сближению с христианской державой. Культурные и революционные традиции России взаимодействовали на турецкой почве с западными, т.е. в Греции на Ионических островах, на Балканах, в Дунайских княжествах и других территориях. После 1848 г. (события в Венгрии и Австрии) Россию объявили в Европе «душительницей свободы», в то время как Турция, в описаниях европейской прессы, превратилась в прибежище «прогрессивных» эмигрантов из Венгрии, Польши, Италии и других стран. Престиж Турции как прогрессивной державы сильно повысился со времени уничтожения «кошмара Средневековья» – янычарского корпуса. Был ликвидирован также орден бекташи – идеологическая поддержка янычар. По европейским стандартам этот орден считался рассадником фанатизма. Для султана Абдулмеджида, обязанного Европе своим правлением, было жизненно важно поддерживать впечатление от своего правления как либерального, понятного и удобного для Запада. Большое впечатление на западную публику произвел отказ выдать Австрии и России польских и венгерских эмигрантов, участников событий 1848–1849 гг. Стойкость Турции была поддержана флотами Англии и Франции, что напоминало события недалекого будущего – начало Восточной (Крымской) войны¹⁰.

Настоящим триумфом для Турции стала Первая Всемирная выставка в Лондоне в 1851 г. Успех турецкой экспозиции и нарядного парохода-фрегата «Фейза-Бахри» превзошел все ожидания. В одном из отзывов о выставке было сказано: «Если Турция хотела показать миру, что она еще не такая опустившаяся и бессильная, чтобы подать надежду своему русскому соседу на получение наследства, то она этого добилась»¹¹. Популярная лондонская газета «Иллюстрированные лондонские новости» восторженно писала, что прошли те времена, когда Европа дрожала от ужаса при упоминании имени Великого Турка, который был более могуществен, чем Карл V, а теперь помнят только о героях и героинях «1000 и 1 ночи». Одним словом, времена противостояния закончились, остался лишь восточный колорит, фольклор и т.д.¹²

Как известно, Абдулмеджид был удостоен за участие во Всемирной выставке высшей медали. Через несколько лет он стал первым мусульманином – рыцарем британского ордена Подвязки и французского ордена Почётного Легиона. Политическая подоплека этих награждений особых сомнений не вызывает.

Вхождение Турции в европейский «концерт», как правило, считают высшим и уникальным достижением дипломатии Османской империи и европейских антироссийски настроенных политиков Запада. Под статьями Парижского мира 1856 г. стоят подписи не только западных, но и российских представителей, т.е. исполнение хатт-и хумаюна 1856 г. было гарантировано как бы всеми сторонами – участниками военного конфликта. Западные державы тоже не без основания опасались, что Турция, как и в прошлом, может потерять интерес к выполнению своих обязательств перед христианскими подданными.

Нелишне напомнить, что мысль о политическом объединении европейских держав с Турцией теоретически не была совершенно новой. У многих историков в памяти сохранялось так называемое «Письмо к Магомету» («Epistola ad Mahometem»), в котором папа Пий II предлагал Мехмеду II принять крещение и стать всеобщим правителем мира.

«Скандалное» предложение Пия II отличалось жесткостью выражений и несомненной парадоксальностью: в нем явно обличались ничтожество и трусость христианских правителей. Напомним, что в числе дарований Пия II были и литературные, которыми он пользовался, чтобы любым путем призвать христианский мир к сопротивлению. Это «письмо» – даже если оно попало к султану – осталось курьезом того времени, хотя дискуссии вокруг него продолжают до настоящего времени¹³.

После этого «письма» можно упомянуть о «Новом Кинее» Эмери де ла Крюсе (1590–1648), который проектировал «Всемирную ассамблею» – универсальную международную организацию, которая действовала бы на основе договора между государствами, причем все они должны были быть равны, независимо от могущества. В этой «Всемирной ассамблее» почетное второе место отводилось «турецкому императору» из тех соображений, что тот является преемником Восточной Римской империи.

Уже после поражения турок под Веной в 1683 г. английский и американский политический деятель (квакер) Уильям Пенн выдвинул идею создания «Всеобщего союза государств», в который входила бы Турция. В гипотетическом «Европейском парла-

менте» для нее было зарезервировано десять мест – больше, чем для Англии (шесть мест). Однако этот «Союз государств» предполагал все-таки антимусульманскую направленность. Если вспомнить также о «Проекте вечного мира в Европе» аббата Де Сен Пьера (опубликован в 1713 и 1724 гг.), то он предлагал усилить проповедническую деятельность в отношении сторонников ислама с той целью, чтобы его приверженцы сами смогли оценить «красоту и совершенство» христианства¹⁴.

В отличие от проектов прошлого, в 1856 г. Турция была принята в «концерт» (статья 7-я Парижского мира) без абсурдных условий отказа от ислама. Обстановка в Европе изменилась настолько, что идея навязать отказ от религии показалась бы оскорбительной и «анахронистической». Правда, требования при вступлении были, но не в религиозных рамках, а в цивилизационных. Как выразился Б. Льюис, «турки должны были овладеть новыми инструментами (если говорить о “концерте”) и выучить новые европейские мелодии, разительно отличавшиеся от их собственной музыки»¹⁵. Конечно, это относилось не только собственно к музыке, но и ко всей цивилизации в целом.

Вхождение в «концерт» означало продолжение политики энергичного государственного покровительства преобразованиям в Турции. 1856 год – это оформление курса на усовершенствование своей цивилизации и приспособление к ней элементов западных достижений. Абдулмеджид в оставшиеся ему годы жизни (умер в июле 1861 г.) действительно продолжал политику, которую обещал подписавшим мир в Париже государственным деятелям. Последствия хатт-и хумаюна 1856 г. были, конечно, неоднозначными. После объявления «равенства» мусульман и христиан в османской армии обострились взаимоотношения между ними. Приподнятая атмосфера «Эпохи перемен» не позволила смягчить дружско-маронитские противоречия, и в 1860 г. Франция вынуждена была ввести значительный воинский контингент в Сирию. Напряженными регионами оставались места проживания христиан на Балканах.

События, о которых идет речь, иногда называют вестернизацией Турции. Этот процесс, естественно, связан с ее отношениями с Францией, Великобританией, Россией и другими государствами. Среди этих «других» далеко не последнее место занимала Польша. События XVIII–XIX вв. способствовали сближению Турции и Польши, тем более что влиятельные круги в обеих странах считали своим главным врагом Россию. Такие настроения послужили

их сближению, хотя в прошлом они были серьезными противниками.

Полякам всегда импонировало, что Порта – по разным соображениям – никогда не признавала исчезновения Польши из-за ее разделов между Пруссией, Австрией и Россией. Как известно, по дипломатическому церемониалу во дворце Топкапы, когда султан задавал вопрос о причине отсутствия польского посланника, то получал заранее подготовленный ответ: «Он задержался по не зависящим от него обстоятельствам»¹⁶.

В августе 1841 г. в Стамбуле открылось политическое представительство польских переселенцев (Главное агентство, или Восточное агентство), которое просуществовало почти до конца XIX столетия. Одну из ведущих ролей в польско-турецком альянсе играл граф Мам (Ежи) Чарторыйский, который еще в 1842 г. основал на азиатском берегу Босфора военный лагерь, названный «Адамполем». Во время Крымской войны Чарторыйский пытался создать польско-казацкие легионы для войны против России. Имелись также планы по созданию польского (или польско-черкесского) государства на Кавказе. Как известно, поляки служили вместе с другими иностранцами в армии Шамиля: в артиллерии и мастерских по изготовлению оружия. «Почти западная» польская диаспора тоже внесла свой вклад в сближение Турции с Западом.

Завершая статью, обобщим написанное:

– предпосылки революции 1856 г. (название, конечно, условное) можно выводить из массированного вторжения Европы в Османскую империю (Египетский поход Наполеона);

– имидж Турции в Европе с 1840-х годов XIX в. был настолько благоприятен, что Наполеон III и его британские коллеги воспользовались им для мотивации ее защиты и нападения на Россию;

– османские реформаторы того времени, безусловно, выигрывали от общего «настроения на реформы», т.е. от поддержки как со стороны собственных властей, так и иностранных дипломатов, отдельных групп эмигрантов («революционеров», польской диаспоры и т.д.);

– заметного улучшения для христиан в Турции не произошло и после 1856 г. Однако дыхание «мощной оптимистически окрашенной воли», которое сопровождает революционные изменения, ощущалось;

– изменения в Османской империи были еще мало заметны, но постепенно начинают сказываться новые принципы и невозможность нового «погружения в сон».

Примечания

- ¹ [www.bibliofond.ru /view.aspx?id=562363](http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=562363)
- ² Трубецкой А. Крымская война: Неизвестная мировая война. – СПб., 2014. – С. 185.
- ³ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. – М., СПб., 2013. – С. 172.
- ⁴ «Египет – это то, что могло бы помочь нанести [по Англии] сокрушительный удар – здесь вы найдете настоящий торговый путь в Индию... Здесь вы обеспечите вечное господство Франции в Леванте» (цит. по: Роллин А. Христианство и ислам: Непростая история. – М., 2004. – С. 208.)
- ⁵ Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. – М., 1965. – С. 72.
- ⁶ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745–1973). – М., 1982. – С. 101.
- ⁷ Наполеон Бонапарт. Египетский поход. – СПб., 2000. – С. 114.
- ⁸ Светлов Р. То, что осталось за полями рукописи (приложение к книге Наполеона «Египетский поход»). – М., 2000. – С. 355.
- ⁹ Бернард Л. Ислам и Запад. – М., 2003. – С. 288.
- ¹⁰ Витол А.В. Советская медаль для султана (имидж Турции на Западе в середине XIX века) // Османская империя. События и люди. – М., 2000. – С. 85.
- ¹¹ Scheres H. Londoner briefe uber die Welt ausstellung. – Leipzig, 1857. – S. 174.
- ¹² Витол А.В. Советская медаль для султана. – С. 88.
- ¹³ Кардини Ф. Европа и Ислам. История непонимания. – СПб., 2007. – С. 183–184.
- ¹⁴ Витол А.В. Османская империя в проектах «вечного мира» (XVII–XVIII вв.) // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР за 1989 год. Часть I. – М., 1991. – С. 134–135. Об этих и других проектах «вечного мира» вспомнили в XX веке, когда создавалась Лига Наций, а потом – ООН.
- ¹⁵ Бернард Л. Ислам и Запад. – С. 60.
- ¹⁶ Августин, архимандрит (Никитин). Ислам в Европе. – СПб., 2009. – С. 620.
*«Нации и национализм на мусульманском Востоке»,
М., ИВ РАН, 2015 г., с. 164–170.*

К. Труевцев,

кандидат философских наук
(Институт востоковедения РАН)

РАСПАД ЛИВИИ КАК ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ В АФРИКЕ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ*

Аннотация. На фоне войны, бушующей сегодня на обширных пространствах Ближнего Востока, события, происходящие на африканском континенте, оказываются в тени внимания мировой общественности. Между тем сообщения, поступающие из Северной Африки, государств Сахеля и стран южнее Сахары, свидетельствуют о том, что весь этот обширный регион превращается в зону растущей террористической опасности и политической нестабильности, рискующей стать зоной перманентного регионального конфликта.

Ключевые слова: Ливия, террористическая опасность, политическая нестабильность, радикальные исламисты, этноплеменной сепаратизм, джихадизм, нелегальная миграция.

Отголоски этих событий непосредственно ощущаются и в районе Средиземноморья, прежде всего в виде растущей нелегальной миграции в Европу из Африки, которая уже является вторым по значению источником массового переселения людей в страны Евросоюза. Эпицентром всех этих угроз является Ливия. Предотвратить их дальнейшее распространение невозможно без устранения или, по крайней мере, купирования ливийского очага.

Вместе с тем, задача применения международных усилий для решения ливийской проблемы представляется далеко не простой, а в определенном смысле даже более сложной по сравнению с задачей противоборства с джихадистскими силами в Сирии и Ираке. Дело, прежде всего, в том, что, в отличие от этих двух ближневосточных государств, в Ливии практически нет внутренних акторов, у которых бы просматривалась отчетливая перспектива стать консолидирующей национальной силой.

---

* Данная статья подготовлена на основе публикации К. Труевцева и О. Булаева «Ливия: Распадшееся государство и очаг региональной напряженности» // Оценки и идеи. Бюллетень ИВ РАН. Т. 1, № 9, май 2016.

Внутренняя ситуация

Ливия сегодня представляет собой в полном смысле распавшееся государство, внутренняя фрагментация которого чрезвычайна и многомерна даже по современным ближневосточным и африканским меркам. Мало того, что распались связи между ее историческими областями Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, но и эти территории оказались расчлененными на более мелкие фрагменты, многие из которых не имеют ни устойчивой власти, ни определенного политического устройства.

В качестве политических полюсов долгое время выступали, с одной стороны, располагающийся в столице, сформированный на основе выборов во Всеобщий Национальный Конгресс (ВНК) и созданное им правительство, а с другой – находящееся в г. Тобруке на северо-востоке страны правительство, сформированное на базе переехавшего сюда в 2014 г. из Триполи парламента. После появления в Триполи в начале 2016 г. созданного под эгидой ООН Правительства национального согласия (ПНС) и формального ухода в отставку руководства ВНК и руководства сформированного им правительства обстановка, в целом, мало изменилась. Поскольку власть ПНС в Триполи остается призрачной, а правительство в Тобруке продолжает действовать автономно от него, территориально-политическая двухполюсность власти по-прежнему сохраняется.

Глубокие противоречия между двумя центрами власти связаны характером доминирующих в них политических сил. Политические течения, представленные в ВНК в Триполи, включали в себя и представителей бывшего офицерства джамахирийской армии, принявших участие в направленной против М. Каддафи операции «Ливийский рассвет», и представителей различных ополчений, и разномастных племенных сил. Однако решающую роль в нем играли исламисты, прежде всего Партия справедливости и развития, являющаяся политическим филиалом движения «Братьев-мусульман». Законодательная деятельность ВНК основывалась на попытках сочетания законов шариата с элементами формальной и во многом условной демократии. Реальная же система управления строилась на основе неформальных договоренностей с командирами местных ополчений, ряд которых имеет радикально исламистскую направленность, а другие представляют собой сообщества криминального характера, причем разница между теми и другими часто оказывается размытой.

При этом если до 2013 г. не только ряд зарубежных аналитиков, но и представители местных политических сил были склонны рассматривать ливийских «Братьев-мусульман» по аналогии с египетскими в качестве представителей умеренных исламистских сил, то после массового восстания их противников, поддержанного армией, в Египте картина стала быстро меняться. После появления в Триполи ПНС и в этом отношении мало что изменилось, кроме разве что большей внешнеполитической легитимности нынешней власти, опирающейся на международное признание. Однако фактически ПНС вынуждено опираться на те же политические силы, что и ВНК, который фактически продолжает сохранять здесь позиции теневой власти.

Что касается влияния исламистского фактора в политической власти в Триполи, то дело здесь не просто в произошедшей уже в первые годы посткаддафиевской Ливии радикализации ливийских «Братьев-мусульман», но и в том, что в это время начала резко набирать силу организация «Ансар аш-Шариа», представляющая собой ливийский филиал «Аль-Каиды». Это при том, что границы между ней и «Братьями-мусульманами» стали стираться: где-то шла речь просто о смене вывески, где-то о сотрудничестве, а где-то о перетекании одного в другое.

В силу этого не случайно, что в 2014 г., после возобладания происламистских сил в Триполи, светские силы, представленные на политическом уровне, приняли решение создать отдельный центр власти в г. Тобруке, переведя туда законно избранный и имеющий международное признание парламент. Правительство в Тобруке опирается на этот избранный парламент, выражающий интересы модернизированного населения городов, крупного и среднего бизнеса, светской части армии, племенных элит. Сильным человеком тобрукского режима стал генерал Халифа Хафтар. Будучи участником ливийской революции 1969 г., а затем назначенный М. Каддафи начальником генштаба, он командовал ливийскими войсками в ходе войны в Чаде в 1987 г. Ливийский лидер возложил на него ответственность за поражение. После освобождения от ареста Х. Хафтар покинул страну и жил в эмиграции в США, а в 2011 г. примкнул к восстанию в Бенгази.

Однако одна из центральных проблем заключается в том, что оба правительства контролируют лишь незначительные части территории страны, в основном в ее прибрежной зоне. Тобрукское правительство, овладев в 2014 г. большей частью Киренаики, осуществляет относительный контроль над столицей этой восточной

провинции г. Бенгази, и его власть простирается на западе вплоть до крупнейшего нефтеналивного порта Рас Лануф.

До сих пор и на этой территории его армии приходится вступать в постоянные столкновения с отрядами исламистов. А реальная власть правительства в Триполи в основном ограничивается столицей и ее ближайшими пригородами, поскольку и на западе от нее – в районе Собраты и далее вдоль границы с Тунисом, и на востоке, начиная с Мисураты, начинается зона влияния неподконтрольных ему радикальных исламистов и местных ополчений. До 2014 г. доминирующее положение в этих районах (так же, как и в ряде районов Киренаики, включая Бенгази) принадлежало «Ансар аш-Шариа» и связанным с ней группировкам, но с конца 2014 г., и особенно в 2015 г., растущее влияние в Ливии стало приобретать «Исламское государство» (ИГ). Между двумя группировками развернулось ожесточенное вооруженное противостояние, которое спорадически продолжается до сих пор.

В этом противостоянии ИГ удалось одержать важную промежуточную победу, которая выразилась в том, что под его контролем оказалась часть прибрежной полосы протяженностью примерно в 120 км к западу и востоку от г. Сирта, причем с восточной стороны эта полоса вплотную подходит к г. Рас Лануф. ИГ удалось даже на короткое время овладеть этим важнейшим нефтяным портом. Однако здесь уже развернулись бои с армией Х. Хафтара, которая смогла отбить порт у исламистов. Отряды ИГ продолжают также действовать и сегодня в пригородах Бенгази, а время от времени терроризировать и саму эту историческую столицу Киренаики.

Следует отметить, что если отряды «Ансар аш-Шариа» состоят в основном из ливийцев, хотя здесь присутствуют также исламисты из стран Магриба (в первую очередь из Туниса), а также из Египта, то состав ИГ существенно отличается в национально-этническом отношении. Военный руководитель организации – иракец, верховный председатель шариатского суда – йеменец, ряд полевых командиров – граждане Саудовской Аравии и Туниса, значительное число рекрутов – тунисцы, а также выходцы из Центральных районов Африки, которых вербуют из числа мигрантов, направляющихся в Европу, предлагая им внушительное, по африканским меркам, жалование в 1 тыс. долл. Количество бойцов ИГ оценивалось экспертами в 23 тыс. человек, однако некоторые оценки дают гораздо большую цифру – вплоть до 6 тыс.¹ Причем это расхождение в цифрах, судя по всему, связано с тем, что число

боевиков существенно возросло в период с конца 2015 по февраль-март 2016 г.

Укрепление позиций ИГ в Ливии привело к тому, что его центральное ближневосточное руководство стало рассматривать эту страну в качестве второго по значению геополитического плацдарма после сирийско-иракского ареала. Появлялись сообщения о том, что руководитель ИГ Абу Омар аль-Багдади, которому присвоен титул «халифа», рассматривает возможность своего переезда в Ливию в случае поражения в Сирии и Ираке.

Дополнительную сложность во внутривосточную ситуацию в Ливии вносят процессы, связанные с ее этноплеменным компонентом. Значительную роль в развитии ситуации сыграли и продолжают играть арабские кочевые и полукочевые племена, а также этнические группы, наиболее важными из которых являются берберы, туареги и негроидные племена *тубу*. Арабские кочевые племена в центре, на востоке и на юге страны в ходе гражданской войны выступили разнонаправленно – часть из них поддерживала М. Каддафи, другие выступили на стороне вооруженной оппозиции.

Берберы, которые составляют до 10% населения страны, в основной своей части, компактно проживающей к западу от Триполи, вдоль границы с Тунисом и Алжиром, стали одной из ударных сил оппозиции. Более того, область аль-Джебель аль-Гарби с преимущественно берберским населением стала одним из главных направлений наступления повстанцев на Триполи в 2011 г. Однако и сегодняшние исламистские власти в Триполи не пользуются их поддержкой. Другая часть берберов, дисперсно проживающая в центре и на востоке страны и часто перемешанная с арабским населением, так же, как и арабские племена, выступала в ходе событий разнонаправленно. Часто здесь имели место точечные выступления, связанные, главным образом, с племенными и клановыми интересами².

Что касается туарегов, общая численность которых достигает 1,5 млн человек, которые проживают трансгранично на территории Мали, Нигера, Алжира и Буркина Фасо, и лишь незначительная часть – в Ливии, представители этого преимущественно кочевого этноса изначально выступили на стороне М. Каддафи, причем на его поддержку стекались туареги из соседних стран. После свержения ливийского лидера позиции туарегских племен переживают заметную трансформацию. Отмечен целый ряд важных эпизодов их позиционных союзов с наиболее радикальными ислами-

стами из «Аль-Каиды в Арабском Магрибе», а также ИГ, в результате чего стали возможными их совместные рейды на территории Мали, Алжира, Нигера и Буркина Фасо.

Племена *тубу*, ареал которых также носит трансграничный характер, охватывая большую часть Чада, восток Нигера, запад Судана и юг Ливии, поддержали восстание против М. Каддафи и присягнули на верность правительству в Триполи. Возникший в ходе гражданской войны в Ливии, Национальный фронт спасения *тубу* (НФСТ) в конце 2011 г. объявил о самороспуске. Однако в 2012 г. произошли столкновения между милицией в г. Себхе, подконтрольной властям в Триполи, и арабским племенем *зувайя* с контролирующими этот район вооруженными племенами *тубу*, в результате чего началась конфронтация *тубу* с ВНК, а затем и с ИГ. Поэтому в 2012 г. произошло воссоздание НФСТ, выступившего с проектом национальной автономии *тубу*, а в последнее время он все больше склоняется, подобно туарегам, к созданию сепаратного государства, охватывающего их трансграничный ареал.

В 2015 г. произошло также резкое обострение отношений *тубу* с туарегами, приведшее к вооруженным столкновениям между ними³.

Поскольку все три неарабские этнические группы (включая и берберов, также проживающих трансгранично) имеют проекты создания своих национальных государств, причем, как это видно на примере туарегов, эти проекты имеют ту или иную перспективу реализации, их позиции и в ряде случаев конкретные действия лишь усугубляют состояние распада ливийского государства. А поскольку их интересы часто пересекаются территориально, то возникающие на этой почве межэтнические конфликты усиливают эффект войны всех против всех. И уж во всяком случае совершенно иллюзорным выглядело бы представление, будто кто-либо из противоборствующих сторон в Тобруке и Триполи способен контролировать эти этническо-племенные группы.

Одной из последних попыток достижения примирения в Ливии со стороны международного сообщества и соседних арабских государств стало подписание в г. Схирате в Марокко 17 декабря 2015 г. документа о создании правительства национального согласия. Этот шаг получил поддержку со стороны ООН. Такое правительство во главе с Файезом Фараджем было создано, однако на сегодня представляется, что это пока лишь не больше, чем чистая формальность. Во всяком случае, неоднократные попытки

Ф. Фараджа, постоянно пребывающего в Тунисе, обосноваться на ливийской территории заканчивались неудачей.

Когда он прибыл в Ливию в последнюю декаду марта 2016 г., глава правительства в Триполи потребовал, чтобы он немедленно покинул страну, грозя ему в противном случае задержанием и арестом.

И только позже, в самом конце марта – начале апреля 2016 г., под сильным давлением международного сообщества, ряда западных стран и арабских государств руководство ВНК и сформированного им правительства было вынуждено заявить о своей отставке, после чего стало возможным начало формального функционирования ПНС. Лишь формального, поскольку никакой общественно-политической опоры у него нет и оно по-прежнему вынуждено ограничиваться той поддержкой, которую ему оказывают ушедшие в тень структуры ВНК и стоящие за ними силы. Не видно было до самого последнего времени и поддержки правительства национального согласия и со стороны тобрукских властей.

Таким образом, проект примирения привел к тому, что вместо двоевластия образовалось троевластие, причем третья власть вместо инструмента национального объединения превратилась в инструмент, всякое влияние которого в стране носит не более чем фантомный характер.

Вместе с тем ситуация с отставкой правительства национального спасения продолжает оставаться двусмысленной. Так, 1 апреля 2016 г., т.е. на следующий день после его объявления о сложении полномочий, Министерство финансов США объявило о введении санкций против его главы Халифы аль-Гвейля за блокирование либо подрыв деятельности правительства национального согласия⁴.

Правда, в начале лета появились некоторые обнадеживающие сообщения, свидетельствующие о том, что ПНС, возможно, все же удастся укрепить свое влияние в стране. Правда, эти сообщения носили довольно противоречивый характер. Так, в начале июня говорилось о том, что войска, подчиненные ПНС, под командованием полковника Мухаммеда аль-Гарси вошли в Сирт и ведут бои на улицах города⁵, а в конце июня сообщалось о наступлении вооруженных сил под эгидой ПНС на позиции ИГ даже не в самом городе, а лишь в районе Сирта⁶.

Это может свидетельствовать о том, что тенденция укрепления позиций ПНС все же просматривается, однако говорить о существенном переломе ситуации в его пользу, а тем более о победе

над ИГ, по крайней мере, преждевременно. Причем одновременно с наступлением сил ПНС на Сирт на востоке страны от боевиков ИГ был освобожден город Эн-Науфалия, но освободили его вовсе не вооруженные силы, действующие под эгидой ПНС, а подразделения, подчиненные правительству в Тобруке.

Одним из важнейших аспектов внутривосточного противостояния стал ресурсный фактор. Следует выделить его три основные составляющие: 1. Финансы. 2. Нефть и другие углеводороды. 3. Оружие.

Разграбление государственных финансов и богатств, принадлежавших семьям М. Каддафи и его ближайшего окружения, были одной из основ существования многочисленных исламистских, криминальных и племенных структур. Какая-то часть государственных авуаров оказалась в распоряжении триполитанского и тобрукского правительств и до сих пор остается важным фактором поддержания их функционирования. Однако этого явно недостаточно для расширения зоны их территориального контроля, необходимых в целом ряде случаев договоренностей с местными вооруженными политическими и племенными формированиями. Поэтому особое, если не первостепенное, значение приобретает нефтяной фактор.

Борьба за контроль над нефтяными месторождениями, транспортировкой и экспортом нефти имеет в этой связи не менее, а в большинстве случаев и более важное значение, чем просто контроль над территориями. Поэтому когда ИГ удалось на короткое время овладеть портом Рас Лануф, возникла реальная опасность того, что доминирование над экспортом нефти создаст для него в Ливии в перспективе даже более прочную и устойчивую базу, чем в Ираке и Сирии.

Отвоевание Рас Лануфа войсками Х. Хафтара превратило тобрукское правительство в более прочный очаг политической власти с ресурсной базой, обеспечивающей определенную перспективу не только сохранения, но и дальнейшего расширения своей зоны влияния не только на востоке, но и, по крайней мере, в некоторых районах Триполитании. В то же время появляются сообщения о том, что ИГ удастся осуществлять контрабанду нефти в Европу с использованием мелких нефтеналивных судов из тех населенных пунктов, которые остаются под его контролем на побережье⁸.

Что касается правительства в Триполи, его позиции в нефтяной отрасли выглядят скромнее по сравнению с тобрукскими

властями, поскольку основные нефтеналивные порты располагаются на востоке страны, вне зоны его контроля.

Применительно к Ливии известное высказывание Мао Цзэ-дуна «Винтовка рождает власть» приобретает особый буквальный и в то же время плюралистический смысл, поскольку от количества оружия и умения его использовать зависят уровень и масштаб власти тех или иных групп.

Распространение терроризма с территории Ливии на другие африканские страны

Разграбление одного и крупнейших в Африке арсеналов вооружений оказало и продолжает оказывать воздействие не только на весь ход внутреннего противостояния. Современные «тачанки» с крупнокалиберными пулеметами и РПГ, бронированная техника и даже системы залпового огня расползлись отсюда чуть ли не на половину африканского континента – вплоть до Нигерии, Камеруна и Центрально-Африканской Республики. Этот фактор сыграл далеко не последнюю роль в усилении межэтнических и межплеменных конфликтов в целом ряде стран Африки, распространении и усилении сепаратистских тенденций, нередко переплетающихся с исламистскими движениями.

Самым ярким проявлением этих последствий распада ливийского государства стали события в Мали весной 2012 г., приведшие к расколу страны. Начиная с конца марта 2012 г. большая часть страны была захвачена сепаратистским туарегским Движением за освобождение Азавада (ДОО), в котором, наряду с малийскими, приняли участие ливийские туареги.

В апреле 2012 г. ДОО провозгласило независимость Азавада на севере страны. Наряду с ДОО там же изначально стала действовать также состоящая из туарегов организация «Ансар ад-Дин», тесно связанная с «Аль-Каидой Исламского Магриба» (АКИМ), в которую входят алжирские, тунисские и ливийские исламисты и которая преследует цель создания шариатского государства. Примечательно, что в ходе малийских событий АКИМ была переименована в «Аль-Каиду в Западной Африке» (АКЗА), что означало ее переориентацию на деятельность, в первую очередь, в неарабских странах континента.

Распад малийского государства, в свою очередь, породил питательную почву для распространения терроризма и на другие страны южнее Сахары, о чем свидетельствуют последовавшие за

нападением на отель в Бомако в 2015 г. террористические акты в Буркина Фасо и Кот д'Ивуаре. Распространение оружия через страны Сахеля подпитывает террористов «Боко Харам» в Нигерии и другие террористические группы в соседних странах – от Камеруна до ЦАР. Тем самым в регионе создается широкий пояс террористической активности, уже охвативший целый ряд стран и угрожающий соседним с ними государствам.

Таким образом, Ливия превратилась в эпицентр распространения исламистского терроризма на обширные пространства африканского континента. Помимо уже описанного, наиболее опасного ввиду открытости и полной неконтролируемости границ южного направления, эта опасность распространяется и на другие направления периметра ливийских границ.

Но если на востоке эта террористическая угроза оказалась купированной в результате усиления действий египетской армии после событий 2013 г., а затем и контроля армии Х. Хафтара над восточной частью страны, то по поводу западного направления этого сказать нельзя.

В ходе малийских событий 2012 г. террористы осуществили рейд на территорию Алжира, где захватили заложников в районе газовых месторождений на юго-востоке страны. ВС Алжира отразили террористическую атаку, однако в ходе нее было убито большое количество заложников, в том числе граждан других стран. Внутренняя опасность терроризма в Алжире сегодня сведена к минимуму, однако террористические вылазки со стороны ливийской и тунисской границ в последние годы имели место неоднократно. После нападения на Бен-Гардан ВС страны в очередной раз были приведены в полную боеготовность в связи с опасностью террористического нападения со стороны Ливии в марте 2016 г.⁹

Однако если Алжир достаточно хорошо защищен от массированных террористических атак, и они, как правило, носят локальный характер, применительно к Тунису – рассматриваются как угроза общенационального масштаба. Ряд террористических рейдов, совершавшихся в последние годы в Тунисе, происходил с территории Ливии. И это не только индивидуальные нападения террориста на приморский пляж, но и гораздо более масштабная атака в районе города Бен-Гардан в начале марта 2016 г. Тунисские исламисты, которые находятся на территории Ливии и численность которых достигает 3 тыс. человек, вынашивают и более широкие планы нападения на Тунис, которые могут угрожать его государственному строю.

Самая непосредственная угроза исходит с территории Ливии и для европейского континента. Ливия является вторым после Турции источником нелегальной миграции в Европу. И хотя масштабы миграции отсюда на сегодняшний день на порядок меньше, чем из Турции, поток неконтролируемых переселенцев из Африки имеет явную тенденцию к нарастанию¹⁰. А поскольку этот поток со стороны Ливии находится под непосредственным контролем исламистов, прежде всего ИГ, направленная засылка террористов в рядах мигрантов – более чем реальная перспектива, если в ряде случаев не уже свершившийся факт.

Из этого следует, что ливийская ситуация, которая и так находится в центре внимания стран Евросоюза, очевидно, должна повлечь за собой и соответствующие решения со стороны ЕС, прежде всего с учетом потенциально нарастающей исламистской угрозы.

Реакция арабских государств

Ситуация в Ливии вызывает постоянную озабоченность соседних арабских стран. Однако их позиции не совсем идентичны.

Формально все арабские страны Северной Африки выступают с единых позиций, заключающихся в необходимости прекращения внутреннего противоборства, мирного решения внутренних проблем путем диалога между противоборствующими сторонами, создания на этой основе правительства национального единства. Вместе с тем детализация их реальных позиций в отношении ливийской ситуации позволяет выявить различные, порой достаточно существенные расхождения.

Египет, подчеркивая, что прямое военное вмешательство из-за рубежа во внутрививийское противоборство контрпродуктивно и приведет лишь к усугублению конфликта, фактически оказывает поддержку тобрукскому правительству и армии Х. Хафтара. Однажды ему пришлось вмешаться в ливийские события и напрямую: после жестокой расправы террористов ИГ над египетскими коптами египетская авиация по решению президента А. ас-Сиси осуществила авиаудары по позициям исламистов.

Алжир также выступает против прямого вмешательства в ливийскую ситуацию, ограничиваясь лишь операциями на границе с Ливией с целью предотвращения проникновения исламистов на территорию своей страны. В 2015 г. Алжир выступил с инициативой совместных действий группы стран – соседей Ливии

с целью помочь сторонам внутреннего конфликта в установлении диалога. Говоря об алжирской позиции, нельзя не упомянуть об информации о поставках оружия армии Х. Хафтар Алжиром, Египтом, ОАЭ и Саудовской Аравией в 2015 г.¹¹

Находящийся в наиболее уязвимом положении, Тунис объявил в начале февраля 2016 г. об окончании строительства 200-километровой стены на границе с Ливией для предотвращения проникновения с ее территории террористических групп. В то же время министерство обороны Туниса резко выступает против военной операции западных стран в Ливии, опасаясь, в первую очередь, того, что ее результатом станет дальнейший наплыв ливийских беженцев в Тунис.

Марокко, в отличие от Египта и Алжира, в основном подерживало контакты с властями в Триполи. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что именно Марокко сыграло решающую посредническую роль в поддержке усилий ООН по проведению диалога между представителями Триполи и Тобрука в 2015 г., результатом чего стало достижение соглашения о создании Правительства национального согласия 17 декабря 2015 г.

Если говорить о позициях других значимых арабских и ближневосточных стран, то здесь заметна их очевидная поляризация. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты вместе с Египтом однозначно поддерживают правительство в Тобруке, причем в августе 2015 г. базирующаяся в Египте авиационная группа из ОАЭ провела военную операцию, осуществив бомбардировку позиций исламистов в Ливии.

Тогда же Х. Хафтар обвинил Катар, Турцию и Судан в поддержке ливийских исламистов. При этом очевидно, что ведущая роль в такой поддержке принадлежит именно Катару, поскольку Турция целиком поглощена действиями на сирийском фронте и противоборством с курдами. В то же время Анкара способствует транзиту исламистов в Ливию и отчасти поставкам оружия, то же примерно в еще меньших пропорциях относится и к Судану.

Политическая линия западных государств

Политика стран Запада в отношении Ливии после периода относительной пассивности, следовавшей за воцарением в стране политического хаоса, засильем исламистских и криминальных

формирований и зверским убийством посла США в Бенгази, стала меняться в направлении активизации в 2014–2015 гг.

В 2015 г. по линии НАТО и ЕС стали вынашиваться планы непосредственного вооруженного участия этих структур, а также ряда ведущих стран Запада, прежде всего США, Великобритании, Франции и Италии в ливийских событиях – от контактов с ливийскими силовиками до прямого вооруженного вторжения на ливийскую территорию.

Уже в мае 2015 г. WikiLeaks¹ предал гласности ряд деталей секретного плана ЕС вооруженных действий (по согласованию с НАТО) как в акватории Средиземного моря, так и на суше против гражданских инфраструктур Ливии с целью прекращения притока иммигрантов в страны Евросоюза.

В конце февраля 2016 г. WikiLeaks обнародовал уже гораздо более детализированный план под кодовым названием «София». Он предусматривал три фазы осуществления операции на море и в прибрежных районах Ливии. Первые две: 1) обучение ВМС и береговой охраны Ливии и 2) операция на море. Обе фазы были фактически осуществлены в 2015 г., причем в ходе второй фазы было уничтожено 67 судов для перевозки мигрантов и арестованы 46 контрабандистов. Вторая фаза, реализацию которой осуществляла прежде всего Италия, сыграла всего лишь незначительную роль в общем ограничении потока мигрантов, но смогла перенаправить этот поток от Италии в сторону Греции.

Третья фаза операции планировалась на 2016 г. на случай провала формирования правительства национального согласия и предусматривала прямое вторжение вооруженных сил европейских стран на ливийскую территорию. Она должна была стать дублирующей по отношению к аналогичной операции НАТО в случае срыва вторжения под эгидой военного альянса.

Наряду с этими планами в Ливии, начиная с 2015 г., уже действовали вооруженные формирования ряда стран НАТО. Так, на территорию страны прибыли бойцы спецназа США «для контактов» с местными силовыми структурами, однако в декабре под давлением местных вооруженных формирований они вынуждены были покинуть ливийскую территорию. Вместе с тем, по информации катарского телевизионного канала «Аль Джазира» в феврале

---

¹ WikiLeaks – международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации. – *Прим. ред.*

2016 г., в Ливии в настоящее время располагаются вооруженные подразделения США, Великобритании и Франции. Американские военнослужащие расквартированы на базе ВВС Эль-Ватыя на юго-западе Триполи, британские – на авиабазе Наср близ Тобрука, французские – на военной базе близ Тобрука, где они действуют в координации с подразделениями армии Х. Хафтара.

19 февраля 2016 г. авиация США нанесла авиаудар по лагерю подготовки боевиков ИГ в предместьях г. Собраты к западу от Триполи. В результате этого были уничтожены 30 боевиков, прибывших из Туниса.

Однако жертвами бомбардировки стали и мирные жители, а также иностранцы – двое граждан Сербии.

В начале марта ТАСС со ссылкой на The New York Times сообщил, что Пентагоном подготовлен план военной операции в Ливии, предусматривающий нанесение ударов по командным центрам, складам вооружений и лагерям подготовки боевиков¹². Этот план был представлен Б. Обаме, однако он до сих пор не утвержден американским президентом.

Наличие вооруженных подразделений западных стран в Ливии свидетельствует о том, что политические власти как в Тобруке, так и в Триполи, не отказываются от координации действий, в том числе вооруженных, с представителями мировых центров силы. Вместе с тем, они решительно выступают против вооруженного вторжения этих сил на территорию страны. Эта позиция разделяется и соседними арабскими странами, включая Египет, Алжир и Тунис.

Говоря о планах вторжения в Ливию, нельзя не упомянуть о ряде публикаций в последние месяцы в западной печати, в которых говорится о стремлении ряда европейских лидеров вовлечь Россию в участие в вооруженной операции в Ливии. Хотя никаких официальных подтверждений на этот счет не было, эти публикации утверждают о прецедентах зондажа по поводу возможного российского участия на высоком политическом уровне.

В конце марта 2016 г. ЕС принял решение о введении санкций против Председателя палаты депутатов, т.е. законно избранного парламента в Тобруке, главы правительства национального спасения и Председателя ВНК в Триполи за попытки воспрепятствования реализации соглашения о формировании правительства национального согласия. Хотя это соглашение (от 17 декабря 2015 г.) было принято под эгидой и одобрено решениями ООН, никаких санкций эти решения не предусматривали. Поэтому дан-

ное решение ЕС вызвало протест со стороны МИД РФ как односторонняя мера, принятая в обход Совета Безопасности ООН.

Основные выводы

1. Результатом свержения диктатуры М. Каддафи и гражданской войны в Ливии стал распад ливийского государства.

Этот распад имеет многосторонний и многослойный характер и вряд ли будет преодолен в обозримый период времени, несмотря на все усилия, предпринимаемые в этом направлении на международном уровне.

2. Одним из главных фактов нынешней ситуации является географически локализованное двоевластие. Одна из властей международно-признанная Палата депутатов и сформированное на ее основе правительство располагается на востоке страны в г. Тобруке, другая – в лице ВНК и правительства национального спасения – в Триполи.

3. Правительство в Тобруке, сохраняющее разносторонние международные контакты и опирающееся на поддержку ряда наиболее значимых арабских стран, прежде всего Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ и частично Алжира, контролирует большинство территорий Киренаики, включая столицу этой исторической провинции Бенгази, а также восточную часть побережья Триполитании вплоть до нефтеналивного порта Рас Лануфа. Однако основная часть Триполитании не находится под его контролем и вряд ли подчинится ему в обозримом будущем, о чем свидетельствует хотя бы поражение, нанесенное армии Х. Хафтара в Триполи в 2014 г. отрядами исламистов и части офицеров бывшей ливийской армии в ходе их совместной операции «Рассвет Ливии».

4. Правительство национального спасения в Триполи как раз и является продуктом возникшей коалиции. Оно лишено формального международного признания, что связано, в первую очередь, с опасениями по поводу засилья в нем радикальных исламистских элементов.

Тем не менее оно имеет связи с рядом ближневосточных стран, прежде всего с Катаром, Турцией и Суданом. Неформальные контакты с ним осуществлялись как на международном уровне, так и рядом ведущих стран мира в связи с поисками путей урегулирования ливийской ситуации. Что касается влияния этого правительства внутри страны, то оно не полностью контролирует

даже отдельные районы столицы, не говоря о ее ближайших окрестностях.

5. Однако наибольшую опасность в нынешней ливийской ситуации представляют действующие в стране организации радикальных исламистов, не подчиняющиеся ни одной из властей. Прежде всего, речь идет об «Исламском государстве», захватившем территорию прибрежной зоны к западу и востоку от г. Сирта. Другие части побережья внутренних районов Триполитании находятся под контролем ливийского филиала «Аль-Каиды» «Ансар аш-Шариа» и аффилированных с нею мелких групп. Кроме того, часть территорий и населенных пунктов находится под контролем местных ополчений и криминальных групп, нередко вступающих в позиционные союзы с исламистами.

6. Нельзя недооценивать и опасность, порождаемую сепаратизмом этноплеменного характера, исходящим от трех этнических групп – берберов, туарегов и *тубу*. Первые компактно проживают, в основном, на западе Триполитании, на границе с Тунисом и Алжиром, вторые и третьи, в основном, в южной исторической области страны – Феццане. Все они претендуют на создание собственной государственности, носящей во всех случаях трансграничный характер, и пользуются фактической самостоятельностью в условиях безвластия. Главная же опасность от такой ситуации заключается сегодня в том, что через территории этих этноплеменных групп происходит распространение терроризма на сопредельные страны посредством позиционных соглашений с исламистами, позволяющих их инфильтрацию в соседние с Ливией государства, а также осуществление транзита оружия за пределы страны.

7. Ливия превратилась не только в поле деятельности воинствующего джихадизма на своей территории, но и в источник распространения террористической опасности на обширные пространства африканского континента.

8. Ливия является вторым после Турции источником нелегальной миграции на территорию Европы, причем, в отличие от последней, никакие перспективы контроля над этим процессом здесь не просматриваются, поскольку на ливийской территории нет легальной стороны, способной взять на себя такой контроль. Зато нелегальная сторона есть, и это «Исламское государство», которое фактически монополизировало контрабанду мигрантов в Европу. Данное обстоятельство усугубляет проблему, поскольку

позволяет джихадистскому анклаву производить инфильтрацию боевиков в Европу в общем потоке мигрантов.

9. Все это дает основание констатировать, что ситуация в Ливии является совершенно нетерпимой не только для соседних с ней арабских, африканских и европейских государств, но и для международного сообщества в целом. Данная ситуация требует разработки, к сожалению, пока отсутствует комплексный, системный план ее разрешения.

10. Такой план мог бы предполагать параллельное решение двудеиной задачи – ликвидации террористического очага и воссоздания ливийской государственности. Именно воссоздания, а не укрепления и даже не восстановления, поскольку условий для прямого восстановления государственной власти нет. При этом не факт, что это удастся сделать в рамках ранее существовавших, а сегодня более чем наполовину отсутствующих границ.

11. Усилия, предпринимаемые как по линии ООН, так и по линии НАТО, ЕС, соседних арабских стран, грешат, к сожалению, отсутствием скоординированности, ряд шагов, планируемых и предпринимаемых западными странами носит, скорее, реактивный, а не стратегический характер и вряд ли учитывает все возможные последствия.

12. Достижение соглашения под эгидой ООН о создании Правительства национального согласия – несомненно, позитивный шаг. Однако направление такого правительства в Триполи явно без прохождения всех необходимых процедур, обеспечивающих гарантию его поддержки со стороны существующих властей в Триполи и Тобруке, нахождения и постепенного расширения поля согласия с местными властными группами, представляется преждевременным шагом. Тем более, когда этот шаг сопровождается актом санкционного давления ЕС на триполийские и тобрукские власти. Это порождает серьезные сомнения по поводу дееспособности такого правительства. Кроме того, совершенно неясны пока и механизмы функционирования этого правительства.

13. Тем не менее, начиная с апреля 2016 г., стали появляться некоторые признаки позитивного развития событий вокруг Правительства национального согласия. Прежде всего, это сообщения о сложении с себя полномочий триполийского правительства и руководства ВНК, а также о возвращении ряда посольств в Триполи.

14. Планы нанесения ударов по инфраструктуре террористов сами по себе вряд ли вызовут возражения, однако, как показывает

многочисленный опыт последних десятилетий, они малоэффективны, если не сопровождаются наземной операцией. В то же время наземная операция будет успешной только в том случае, если она осуществляется поддерживаемыми населением местными силами, а зарубежная поддержка носит лишь вспомогательный характер.

15. Попытки же иностранного вторжения, как уже показал ливийский опыт 2011–2012 гг., неминуемо будут вызывать отторжение местного населения и, в конечном итоге, приведут к расширению социальной базы террористов.

16. Необходимо, наряду с попытками содействия деятельности Правительства национального согласия, и даже в случае его провала, продолжать контакты с триполийскими и тобрукскими сторонами с целью расширения поля национального согласия, а также искать возможности расширения этого поля с никому не подчиняющимися местными вооруженными группами, используя, к примеру, положительный опыт подписания соглашений с подобными группами на базе Хмеймим в Сирии.

17. Отдельные переговоры должны проводиться с этноплеменными группами берберов, туарегов и *тубу*, причем предметом этих переговоров должны стать, прежде всего, гарантии воспрепятствования террористической деятельности, отказ от позиционных соглашений с террористами, оружейного и миграционного транзита в обмен на финансово-экономическую помощь. Здесь как раз ведущую роль мог бы сыграть именно Евросоюз: вместо того чтобы представлять значительную безадресную помощь африканским странам, в сотрудничестве с ливийскими этноплеменными группами можно достичь гораздо большего эффекта путем меньших затрат, одновременно связывая свободу рук террористов с юга Ливии и закрывая пути транзита мигрантов еще на дальних подступах к Европе.

18. Позитивную роль в развитии событий в Ливии могло бы сыграть пресечение транзита террористов с территории Турции. Учитывая шаги, предпринятые и предпринимаемые Турцией по нормализации отношений с Россией и Египтом, эта тема могла бы стать предметом соответствующих переговоров.

19. Необходимы мероприятия по вовлечению бывших офицеров ливийской армии в полосу национального согласия и борьбу с террористами, особенно с ИГ, представляя их как инородную для Ливии силу. Причем это особенно актуально не столько для Киренаики, где они и так под контролем Х. Хафтара, сколько для

Триполитании, где офицерство находится в состоянии идейного разброда.

20. В Ливии, особенно в Триполитании, в отличие от Сирии, возможно, был бы продуктивен поиск умеренных исламистских элементов и групп и вовлечение их в процесс национального согласия. Здесь, не исключено, мог бы пригодиться опыт Чечни.

21. С инициативами деятельности в этом направлении могла бы выступить Россия. Опыт ее контртеррористических действий на Кавказе, прежде всего в Чечне, где продуктивным оказался именно комплексный подход к устранению террористического очага и восстановлению государственной власти. Стоит упомянуть и о том, что структуры, подчиненные Р. Кадырову, имеют опыт взаимодействия с властями Триполи, что выразилось в вызволении российских моряков.

22. Совершенно исключено участие России в каких-либо вооруженных операциях в Ливии. В отличие от Сирии, ливийская ситуация, при всей ее опасности, не несет непосредственно угрозы России, и любая военная вовлеченность в нее лишь отвлекла бы силы РФ от других, гораздо более актуальных потенциальных угроз.

Примечания

- ¹ Ряд экспертов, ссылаясь на данные ООН от ноября 2015 г., указывает на цифры боевиков ИГ в Ливии в количестве 2-3 тыс. человек (См., например: Егоров Олег. «Халифат» в Африке: почему «Исламское государство» в Ливии – это надолго // Meduza Project, 7 апреля 2016 – <http://medusa.io/feature/2016/04/07/halifat-africa>. Там же со ссылкой на материал CNN, основанный на данных американской разведки, но уже за февраль 2016 г., приводится цифра в 6,5 тыс. человек. Аналогичные сведения лишь с небольшим расхождением в последней цифре «около 6 тыс. человек» приводятся в статье газеты «Коммерсантъ» от 17.04.2016 «ООН заметила активизацию “Исламского государства” в Ливии».
- ² Эдвин Лэйн. ВВС, Триполи. Ливийские берберы (амазиги) требуют признания независимости. 21.06.2012 // Сайт сообщества «За Каддафи и его народ» – zakaddafi.org/node/11958
- ³ Фактор тубу. Последствия ливийской войны в сахарской политике // Военное обозрение. 5 августа 2015. – topwar.ru/80013-factor-tubu-posledstviya-liviyskoy-voynuvсахarskoy-politike.html
- ⁴ США ввели санкции против главы самопровозглашенного правительства Ливии // ТАСС, Международная панорама, 19 апреля 2016. – tass.ru/mezhdunarod-naya-panorama/3221285

- ⁵ СМИ: Правительственные войска Ливии вошли в Сирт – главный оплот ИГ в Ливии // ТАСС, Международная панорама, 3 июня, 16:11 – tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3338007
- ⁶ Силы ПНС Ливии ведут наступление в южных районах занятого ИГ Сирта // RT на русском, 28 июня 2016. – <https://Russian.rt.com/article/310000-sily-pns-livii-vedutnastupleniev-yuzhnyh>
- ⁷ ТАСС, 3 июня 2016.
- ⁸ Топалов А. ИГ идет за ливийской нефтью. Газета.ру, 14.12.2015. – www.gazeta.ru/business/2015/12/14/7966985.shtml; Эль-Мюрид. Ливия, нефть и ИГИЛ 30 ноября 2015. – el-murid.livejournal.com/2597260.html
- ⁹ В Алжире подняли уровень тревоги в войсках до военного положения // ПРОНЕДРА, 09.03.2016. 01.13. – pronedra.ru/weapon/2016/03/alzhir-terroristy-urovennitrevogi
- ¹⁰ В статье И.О. Бабыниной и В.А. Кузнецова «ЕС и страны Магриба» в книге «Европейский Союз в поиске глобальной роли» (М., Весь мир, 2015, с. 535–536), со ссылкой на официальные данные ЕС, отмечалось, что в 2014 г. было зарегистрировано 170 тыс. мигрантов в государствах Евросоюза из стран Магриба, а за первые три месяца 2015 г. их число составило 100 тыс., причем 80% контрабанды людей из этих стран осуществлялось с территории Ливии.
- ¹¹ Станет ли Халифа Хафтар диктатором Ливии // Геополитика. 05.03.2015. – geo-politika.info/stanet-li-khalifakhafatardictatorom-livii.html / Перепечатка статьи Джона Ли Андерсена из The New Yorker.
- ¹² NYT: Пентагон представил Обаме план военной операции против ИГ в Ливии // ТАСС. 8 марта 2016. – tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2723369

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2016 г., № 10, с. 12–20.*

Л. Ефимова,

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры востоковедения,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Аннотация. Статья посвящена специфике мусульманского образования в современной Индонезии. Хотя большинство общеобразовательных учебных заведений по всей стране с помощью Министерства религии организует преподавание ислама, главную роль в деле исламского просвещения играет самостоятельная специализированная система мусульманского образования, которое представляет собой особую подсистему национального образования. Мусульманское образование находится

в фокусе внимания центрального правительства, которое осуществляет руководство им через каналы Министерства религии. В статье освещается структура исламского образования и воспитания, институты, идейные основы и особенности. Сегодня в стране имеется более 50 тыс. исламских учебных заведений. Исламское образование представляет собой многоступенчатую систему и включает несколько типов учебных заведений, которые оказывают серьезное влияние на процессы формирования мировоззрения и образа жизни индонезийских мусульман.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Индонезия, мусульманское образование, песантрен, медресе, исламский университет.

Республика Индонезия является многоконфессиональным государством. Однако подавляющее большинство индонезийцев причисляют себя к приверженцам ислама. Мусульмане составляют около 87% из 251-миллионного населения страны (более 200 млн человек). Это выводит Индонезию на 1-е место в мире, в том числе и исламском, по численности мусульман. В стране имеются представители других конфессий, но они составляют незначительное меньшинство. Так, христиан-протестантов насчитывается 5,7%, католиков – 3,1, приверженцев прочих христианских учений – только 0,8%. Имеются также индуисты – 1,8%, буддисты – 1,3, конфуцианцы – 0,8, носители традиционных племенных верований – 1,4% населения.

Индонезия является также полиэтническим государством. Здесь насчитывается более 400 разных народов и этнических групп. При этом конфессиональная принадлежность в основном коррелирует с этнической. Мусульманами являются представители крупных этносов – яванцы, сунданцы, минангкабау, малайцы, ачехцы. Христианство исповедуют более малочисленные народности – амбонцы, тоба-батаки, тораджи, а также часть местных китайцев. Индуизм распространен главным образом среди балийцев, буддизм и конфуцианство – среди китайцев.

Родоплеменных анимистических верований придерживаются даяки, папуасы. Приверженцы ислама проживают компактно. Мусульмане составляют большинство населения крупнейших островов Индонезийского архипелага – Явы, Суматры, прибрежных районов Калимантана, западной части Малых Зондских островов, Сулавеси, северной части Молуккских островов. Но в провинциях Папуа, Бали, в восточной части Малых Зондских островов, а также в некоторых районах Северной Суматры и Северного Сулавеси

мусульманское население находится в незначительном меньшинстве¹.

С учетом полиэтничного и многоконфессионального состава населения страны одной из важнейших государственно-политических задач Республики Индонезия неизменно остается сохранение национального единства и религиозной гармонии с целью формирования единой индонезийской нации. Политика в религиозном вопросе является одним из эффективных инструментов ее решения. Гарантия свободы вероисповедания, религиозного плюрализма, межконфессиональной терпимости, недопущение этнорелигиозных конфликтов в значительной степени обеспечиваются конституцией страны и ее базовыми принципами.

Преамбула ныне действующей Конституции 1945 г. декларирует Панчасилу (санскр. – пять принципов) в качестве «философской основы» индонезийской государственности. Первый принцип – монотеизм (вера в единого бога) утверждает религиозную основу национальной государственности и провозглашает равенство всех существующих в стране религий, свободу вероисповедания. Индонезийская специфика состоит в том, что религиозная основа не связывается ни с одной из имеющихся в стране религий, в том числе и с исламом.

Такая формулировка первого принципа направлена против стремления части мусульман страны исламизировать индонезийское государство, сделать ислам государственной, привилегированной религией.

В стране нет государственной, или официальной религии. Статья 29 Конституции, определяющая, что индонезийская государственность базируется на религиозной основе, одновременно гарантирует свободу вероисповедания и отправления культов. Официально признаются в качестве равноправных шесть конфессий – ислам, католицизм, протестантство, буддизм, индуизм и конфуцианство².

Тем не менее в соответствии с традиционными для индонезийской политической культуры представлениями о государстве как центре, регулирующем религиозную сферу и межконфессиональные отношения, 3 января 1946 г., вскоре после провозглаше-

---

¹ Ефимова Л.М. Ислам в Юго-Восточной Азии: XXI век. – М.: Изд-во ГИМО, 2014. – С. 18–19.

² Ефимова Л.М. Республика Индонезия // Политические системы стран Юго-Восточной Азии. – М., 2014. – С. 133.

ния независимости республики, было образовано Министерство религии. Создание такого министерства отвечало желанию представителей исламских кругов, которые рассматривали эту структуру как реальное воплощение в жизнь мусульманского принципа нераздельности религии и политики, который вытекал из Панчасилы и ст. 29 Конституции 1945 г., гласящей, что индонезийская государственность базируется на религии. Цели Министерства религии были определены как реализация в индонезийском обществе идеалов религиозности, добрососедства, процветания, самостоятельности, а также физического и духовного развития. В соответствии с этими целями деятельность министерства направлена на совершенствование религиозной жизни, воспитание конфессиональной толерантности, повышение качества религиозного образования, отправления культа, а также обеспечение высокой морали и нравственности индонезийского общества.

В структуре министерства имеются подразделения, занимающиеся вопросами признанных конфессий – ислама, протестантизма, католичества, индуизма, конфуцианства, буддизма. Поскольку основная масса верующих исповедует ислам, вопросам жизни и деятельности исламской уммы уделяется наибольшее внимание. Специальные отделы министерства ведают организацией паломничества к святым местам в Саудовской Аравии, сбором и распределением религиозного налога – закята, управлением вакуфным (принадлежащим мусульманской общине) имуществом. Министерство занимается также вопросами, связанными с шариатской системой судопроизводства, которая действует в стране наряду с общегражданской судебной системой. Министерство религии имеет представительства в 17 провинциях, а также в районах и городах.

Мусульманское образование в общегосударственной системе национального образования

В рамках Министерства религии имеется несколько подразделений, занимающихся вопросами мусульманского образования. В современной Индонезии Министерство религии сотрудничает в этой сфере с Министерством образования и культуры, которое занимается проблемами общенационального образования.

Принятый в 1989 г. Закон о системе национального образования № 2/1989 гласит, что в соответствии с Конституцией 1945 г.

преподавание религии является обязательным в системе народного образования на всех ступенях – от начальной школы до высших учебных заведений.

В 2007 г. президент Индонезии подписал закон о национальном образовании, на основании которого учащийся может потребовать осуществления религиозного обучения по одной из шести официально признанных религий. В деле организации религиозного просвещения в общеобразовательных школах Министерство религии принимает активное участие. Подавляющее большинство национальных общеобразовательных учебных заведений по всей стране с помощью Министерства религии организует в своих стенах преподавание ислама. Однако в современной Индонезии главную роль в деле исламского просвещения играет самостоятельная специализированная система мусульманского образования.

Мусульманское образование в Республике Индонезия представляет собой особую подсистему национального образования. Мусульманское образование находится в фокусе постоянного внимания центрального правительства, которое осуществляет руководство им через каналы Министерства религии, в частности через специальный директорат по исламскому воспитанию и образованию¹.

Мусульманское образование в Индонезии существует со времен проникновения ислама на Индонезийские острова – с XIII в. В раннеисламские времена оно имело форму традиционно-религиозного наставничества и было представлено школами, действовавшими при мечетях и молельнях либо существовавшими отдельно. В старые времена главное внимание уделялось заучиванию Корана и других священных текстов и знакомству с основными исламскими нормами и установлениями. В настоящее время основной целью исламского образования является всестороннее воспитание молодого поколения, привитие целостного исламского мировоззрения на основе гуманистических коранических традиций, а также пробуждение у молодых людей энергии и развитие разнообразных талантов. Религиозное образование организуется правительством, а также общественными группами и организациями. Мусульманская система образования дает знания по различным отраслям современной науки и техники, но одновременно

---

¹ Yaidar Putra Daulay. *Dinamika Rendidikan Islam di Indonesia dan Kedudukannya dalam Sistem Pendidikan Nasional*. URL: <http://sumut.kemenag.go.id/> 10/12/2013

готовит специалистов по религиозному воспитанию, преподавателей религии, богословов, специалистов по шариатскому судопроизводству и служителей культа.

Индонезийские мусульманские деятели считают, что мусульманская система образования должна быть нацелена на воспитание веры и богобоязненности, высоких нравственных качеств. Исламские учебные заведения призваны готовить умных, толковых и знающих воспитателей и преподавателей. Мусульманские уроки должны отвечать требованиям регионального и национального развития, формирования адекватной рабочей силы, овладения научными знаниями, технологиями и искусством. Важной задачей считается постоянное совершенствование в области религии. В основу исламского образования должна быть положена благородная идея воспитания высокой гражданственности. Оно должно быть направлено на благо и процветание всего человечества, быть демократичным, эгалитаристским и гуманистическим. Процесс совершенствования системы исламского образования в современной Индонезии продолжается с тем, чтобы в конечном итоге вырастить идеального мусульманина.

Исламские учебные заведения

Мусульманское образование в Индонезии составляет неотъемлемую органическую часть национальной системы образования. Сегодня в стране имеются более 50 тыс. исламских учебных заведений. Они оказывают серьезное влияние на процессы формирования мировоззрения и образа жизни индонезийских мусульман.

Исламское образование представляет собой многоступенчатую систему и включает ряд типов учебных заведений¹. В современной системе исламского воспитания и образования еще велик сектор унаследованного от раннеисламских времен традиционно-религиозного наставничества. Он представлен школами, действующими при мечетях и молельнях либо существующими отдельно. За годы независимости процесс модернизации исламского образования приблизил традиционно-религиозное наставничество к современному светскому образованию и по внешнему облику (наличие классных комнат) и по методике преподавания (наличие общеобразовательных предметов в объеме, приближающемся

---

¹ Sejarah Pendidikan Islam dan Organisasi DITJEN Pendidikan Islam. URL: <http://pendis.kemenag.go.id/index.php?a=artikel&id2=sejarahpendis#.ViPB2H7NxMw>

к тому, который зафиксирован в программах нерелигиозных учебных заведений соответствующих ступеней).

Традиционная религиозная школа – песантрен и сегодня остается одним из основных институтов, дающих исламское образование¹. Из 50 тыс. исламских учебных заведений 16 015 составляют песантрены². Термин «песантрен» происходит от термина «сантри», который обозначает ученика, изучающего ислам, и имеет коннотацию истинно правоверного мусульманина. Как правило, это частные школы, основанные и руководимые авторитетными и уважаемыми исламскими религиозными наставниками – кьяи. Такие школы располагаются обычно в домах наставника. Сантри там не только учатся, но и проживают и питаются. Раньше для своего содержания ученики трудились в хозяйстве кьяи. В настоящее время родители учащихся вносят небольшую плату, чтобы больше времени тратилось на обучение.

Песантрены располагаются главным образом в сельской местности, но в последнее время все больше песантренов создаются в городах. Песантрены и в наши дни считаются оплотами исламского вероучения. Именно отсюда выходит большинство мусульманских богословов, духовных наставников и учителей.

В песантренах ученики в возрасте от 8 до 11 лет постигают религиозные науки. Учащиеся читают и заучивают наизусть Коран, познают Сунну, знакомятся с традиционными средневековыми работами исламских мыслителей, овладевают мусульманской коранической этикой. Но главное – в традиционной школе прививается исламский образ жизни.

Активная деятельность ученика длится до 20 часов в сутки. День начинается с утренней молитвы в 4 часа утра, затем после завтрака следуют уроки с перерывом на обед и отдых. Вечером после очередной молитвы продолжается индивидуальное и групповое изучение религии.

Основной задачей наставника является воспитание молодых людей в духе исламской высокой морали и нравственности, приверженности религиозным ценностям, благочестия, примером чему служит он сам и члены его семьи. Хотя каждый песантрен

---

¹ Federspiel Howard M. Pesantren. Oxford Islamic Studies Online. URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t236/e0632><http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t236/e0632>

² Tan Charlele. Educative Tradition and Islamic Schools in Indonesia // Journal of Arabic and Islamic Studies. 2014. No 14. P. 50.

имеет свои отличия и характерные черты, тем не менее в настоящее время можно выделить шесть типов песантренов.

Для первого типа характерно преподавание на базе классических и неклассических книг. В зависимости от этого оценивается профессионализм религиозного наставника – кьяи, который владеет и руководит этим песантреном. Для работы в песантрене не требуется никаких подтверждающих квалификацию наставника документов. Второй тип похож на первый, но здесь наряду с классическими и неклассическими текстами изучаются также некоторые общеобразовательные предметы. В песантренах третьего типа общеобразовательных предметов больше, поскольку здесь ученики обязаны сдавать государственные экзамены. Набор изучаемых дисциплин определяется Министерством религии, а песантрен приспособливает их к своему распорядку. Четвертый тип песантренов наряду с изучением религиозных дисциплин обучает учеников ремесленным профессиям. В песантренах пятого типа обучение построено по принципу восходящих ступеней, включая изучение классических религиозных книг на первой ступени, далее идет программа медресе (более продвинутый уровень обучения), за ней следует программа государственной общеобразовательной школы и, наконец, программа высшего учебного заведения. Шестой тип песантрена – это государственная общеобразовательная школа на базе религиозного училища. Здесь преподаются все светские дисциплины в соединении с религиозной программой¹.

Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие разных типов песантренов, главное их достоинство и вклад в воспитание молодого поколения состоят в духовном развитии на основе коранических установлений и гуманистических ценностей.

Песантрены в современной Индонезии очень популярны среди приверженцев ислама, особенно среди наименее зажиточных слоев населения в сельской местности, поскольку эти традиционные школы обеспечивают не только начальное светское образование, но и воспитывают истинных мусульман, знающих основы религии и придерживающихся исламского образа жизни, морали и этики. Духовные узы, неизменно возникающие между наставником и учащимся, сохраняются, как правило, на всю жизнь.

---

¹ Yaidar Putra Daulay. *Dinamika Rendidikan Islam...* URL: <http://sumut.kemenag.go.id/10/12/2013>

Мусульманское неформальное образование наряду с песантренами включает воспитание в семье и самообразование, а также детские сады и другие дошкольные учреждения.

Другой тип мусульманского учебного заведения в современной Индонезии – это медресе. Медресе появились в стране с начала XX в. В независимой Индонезии медресе сначала занимались обучением по религиозным предметам и немного – по общеобразовательным дисциплинам. Тогда эти учебные заведения находились исключительно в ведении Министерства религии. С 1975 г. принимаются меры для повышения уровня образования в медресе. К руководству ими подключилось также Министерство образования и культуры.

Если песантрены можно назвать сетью неформального исламского образования, то медресе причисляются к системе формального исламского образования¹. Формальное образование в современной Индонезии осуществляется следующим образом: начальное образование дают светские начальные школы и медресе 1-й ступени; далее следуют светские средние школы и медресе 2-й ступени, затем – светская старшая школа и медресе 3-й ступени. Медресе позиционируются как школы, специализирующиеся на мусульманском образовании. Они проводят обучение по общеобразовательной программе, но с упором на исламское религиозное обучение. Во всех медресе сегодня введена одобренная правительством программа обучения, состоящая на 70% из общеобразовательных предметов. 30% учебного времени отводится религиозным дисциплинам. Если в национальных общеобразовательных школах обучение мусульманской религии занимает 2 часа в неделю, то в медресе религиозными дисциплинами занимаются 5–6 часов в неделю. К тому же медресе предлагают специальные курсы по изучению Корана, хадисов, фикха (исламской юриспруденции), теологии, мусульманской этики и истории ислама².

Существуют также учебные заведения, дающие профессионально-техническое образование. К ним относятся светские профессионально-технические училища и такие же медресе. Медресе часто выступают как педагогические училища и училища по подготовке шариатских судей.

---

¹ Pendidikan Islam di Indonesia (makalah). URL: <http://ulashoim.blogspot.ru/2012/06/pendidikanislamdi-indonesia-makalah.html>

² Tan Charlele. Educative Tradition and Islamic Schools... – P. 52.

Свидетельства об окончании медресе приравниваются к свидетельствам об окончании общеобразовательной школы соответствующей ступени. Выпускники медресе могут продолжить образование в светской школе следующей ступени.

Высшие мусульманские учебные заведения в Индонезии входят в систему государственного высшего образования и находятся в ведении Министерства религии. Начало высшему исламскому государственному образованию было положено сразу же после провозглашения независимости. С академической технической точки зрения ими руководит также Министерство образования и культуры.

Высшие учебные заведения, дающие исламское образование, ранее подразделялись на три категории:

Первая – государственный исламский университет. Это государственное высшее учебное заведение предназначалось для получения академического высшего образования наряду с высшим исламским образованием.

Вторая – государственный институт мусульманской религии. Это высшее исламское учебное заведение специализировалось исключительно на исламских дисциплинах, преподававшихся на академическом уровне.

Третья – государственная высшая школа мусульманской религии, которая была создана правительством в 1960 г. путем слияния Государственной высшей школы мусульманской религии в Джокьякарте и Джакартской академии служащих мусульманской религии.

С 1963 г. по всей стране создаются самостоятельные филиалы Государственной высшей школы мусульманской религии. В XXI в. Государственная высшая школа мусульманской религии и все филиалы были переименованы в государственные исламские университеты.

К 2000 г. в Индонезии насчитывалось 14 государственных высших школ мусульманской религии, из которых к настоящему времени 11 переименованы в государственные исламские университеты, поскольку в них наряду с высшим исламским дается и академическое образование светского характера.

Мусульманские университеты выполняют важную функцию в индонезийском обществе – воспитание кадров современной мусульманской интеллигенции, хорошо ориентирующейся в вопросах ислама и современных знаний. Именно они готовят

специалистов высшей категории по вопросам богословия, шариата, педагогики, миссионерства.

В настоящее время в стране наиболее крупными и авторитетными считаются два государственных исламских университета – Государственный исламский университет им. Шарифа Хидаятуллаха (один из девяти первых проповедников ислама в Индонезии на Западной Яве), который расположен в столице страны Джакарте, и Государственный исламский университет им. Сунана Калиджага (один из первых проповедников ислама на Центральной Яве), который базируется в Джокьякарте.

Высокий уровень образования дает также и Исламский университет в Маланге (Восточная Ява). При нем есть песантрен высшего образования. Каждый новый студент (а всего их 1500–2000 человек) независимо от получаемой профессии должен в течение года жить в этом песантрене, изучать арабский язык и углублять свои знания по другим исламским дисциплинам. Проживая вместе, как положено в песантрене, учащиеся должны общаться на арабском или английском языках, что способствует их лучшему усвоению. Студенты привыкают к совместной духовной деятельности – молитвам, чтению Корана, ночным молениям и т.п. Это рассматривается как составной элемент воспитания и укрепления характера. Многие в результате выучивают Коран наизусть, причем не только те, кто специализируется на исламских дисциплинах, но и другие студенты. Кто хорошо знает Коран, в дальнейшем освобождается от платы за обучение в этом вузе.

Руководство вуза стремится также привлечь к преподаванию в нем высококвалифицированных специалистов со степенью доктора наук.

Руководство прилагает усилия к тому, чтобы развивать все стороны личности студента – его духовную сферу, профессионализм, мораль и знания. Большое внимание уделяется созданию лабораторий, хорошей библиотеки, аудиторий, спортивных и культурных центров, а также наличию мечети. Университет возглавляет доктор социально-политических наук, выпускник крупнейшего на Восточной Яве государственного общеобразовательного университета Аирлангга¹.

Исламский университет в Маланге имеет шесть факультетов: 1. Факультет воспитания (тарбия) с программами исламского

---

¹ Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim. Program Studi. URL: <https://www.uin-malang.ac.id/s/uin/prodi>

образования и подготовки преподавателей ислама для начальных классов медресе. 2. Факультет шариата. 3. Факультет психологии. 4. Факультет экономики и управления. 5. Факультет гуманитарных наук и культуры с изучением арабского и английского языков и литературы. 6. Факультет точных наук и технологий с программами по математике, биологии, физике, химии, информатики и строительства; и аспирантуру по специальностям: «управление», «исламское образование» и «арабский язык».

Идейные основы исламского образования

Согласно индонезийской концепции, исламское воспитание и образование – это руководство по формированию физической и духовной сторон человека в соответствии с исламскими установлениями и ценностями. Именно такое образование призвано создать подлинно правоверного мусульманина, который во всех сферах своей жизни и деятельности будет руководствоваться мусульманскими нормами и станет ответственным гражданином общества, как этого требует религия. Исламское воспитание и образование направлены на складывание личности с твердым характером и высокими моральными нормами в соответствии с указаниями Аллаха. Содержанием исламского образования должна стать реализация задач, поставленных перед человеком учением Аллаха.

У мусульманского воспитания и образования четыре функции¹:

1. Подготовка молодого поколения к выполнению его роли в обществе будущего. Эта функция проистекает из задачи обеспечить продолжение существования самого общества.

2. Передача знаний и опыта от старшего поколения молодежи.

3. Передача традиций и ценностей, которые сохраняют целостность и единство общества, как неперемнное условие сохранения общества и цивилизации.

4. Воспитание у молодых людей благочестия в этом мире ради достижения блаженства в мире потустороннем.

Таким образом, подчеркивают индонезийские исламские руководители, ислам и воспитание в мусульманской умме неотделимы.

---

¹ Pendidikan Islam Indonesia. Berita Islam Masa Kini. URL: [http:// beritaislamimamasakini.com/pendidikan-islam-indonesia.htm](http://beritaislamimamasakini.com/pendidikan-islam-indonesia.htm)

Исламское воспитание и образование – это продуманный процесс, построенный на четко разработанном и выверенном плане с целью максимального развития потенциальных возможностей и способностей учащихся, с тем чтобы они в будущем смогли воплощать в жизнь мусульманскую доктрину с полной уверенностью в своей правоте, а также для формирования их мировоззрения и главных целей жизни и деятельности ради счастья в этом мире и блаженства – в потустороннем.

Это также систематическая и прагматическая деятельность, направленная на создание цельной и сильной духом личности, как того требует мусульманское учение.

Мусульманское воспитание и образование дает человеку возможность правильно выбрать свое место в этой жизни, вести праведную жизнь, достойную высокого звания человека. Оно должно даваться постепенно, от простого к сложному, со ступеньки на ступеньку, поскольку воспитание и образование представляют собой непрерывный процесс постепенного созревания, трансформации и совершенствования.

Исламское воспитание и образование строятся на собственных принципах, которые отличают их от других образовательных систем.

Это: таухид; целостность; соответствие; равенство; непрерывность образования; достоинство.

Цели образования можно сформулировать следующим образом:

1. Воспитать благородный характер.
2. Помочь учащимся в овладении психологическими навыками, с тем чтобы применять исламские принципы в собственном поведении, мышлении и мировоззрении.
3. Способствовать тому, чтобы учащиеся могли достигнуть материального и морального благополучия, воспитать их в благочестии и покорности Аллаху, имеющими благородную душу.
4. Создать условия для овладения знаниями и профессиями, для превращения в цельную личность, полностью осознающую свою роль и ответственность в этом мире.

Таким образом, мусульманское воспитание и образование – это не только обучение ума, но и обучение сердца.

Согласно мусульманской традиции, эти две задачи должны решаться параллельно и не должны отрываться одна от другой. Рационализм должен разумно сочетаться с эмоциями, иначе человек не будет в состоянии жить сбалансированно и комфортно

существовать. В его жизни обязательно должны присутствовать этические нормы.

Исламское образование и воспитание должны воспринимать человека в единстве его сторон – физической и духовной, интеллектуальной и эмоциональной, индивидуальной и социальной, для того чтобы он смог жить полноценной и счастливой жизнью.

Мусульманское образование концептуально и в практическом аспекте должно базироваться на крепкой основе. И такой основой служат главные религиозные источники – Коран и Сунна¹.

Аллах стремится облегчить человеку понимание окружающей действительности, чтобы тот осознал величие вселенной. Об этом говорится в аяте 3 суры 13 Корана: «Он тот, кто распростер землю и устроил на ней прочно стоящие горы и реки и из всяких плодов устроил там пары по двое. Он закрывает ночью день. Поистине, в этом – знамение для людей, которые думают!» Исходя из этих слов, каждый мыслящий человек должен признать величие Аллаха. И это является прекрасной основой для исламского образования².

Цели исламского образования, как указывают индонезийские деятели, следует искать в суре 3, аяте 102 Корана: «О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха должным страхом к нему и не умирайте иначе, как будучи мусульманами». То есть главной целью исламского воспитания должно быть формирование истинно правоверного приверженца религии.

Исламское образование призвано воспитать всесторонне развитую личность, пробудить внутренние силы, моральные и физические, и энергию, чтобы человек был в состоянии установить прочные и гармоничные отношения с Аллахом, людьми и всем окружающим миром.

Мусульманское образование направлено на всестороннее совершенствование индивидуума. Для этого необходимо в системе образования исходить из концепции человека, заложенной в мусульманской религии.

Правоверные должны руководствоваться Кораном (сура 2, аят 30), в котором указывается, что Аллах сделал человека хозяином на земле при условии, что он будет поступать в полном соответствии с божественными установлениями и не нарушать их.

---

¹ Pendidikan Islam Indonesia. Berita Islam Masa Kini. URL: <http://beritaislamimamasakini.com/pendidikan-islam-indonesia.htm>

² Там же.

Человек – не только хозяин на земле, но в то же время – представитель Аллаха, поэтому должен осознавать свою высокую ответственность за все, что на земле происходит. Суть такого представительства заключается в том, что Аллах поручил человеку руководить природой. Таким образом, человек должен заботиться о земле и использовать ее во благо человечества.

А чтобы человек мог выполнить эти предназначения в максимальной степени, нужно, чтобы он обладал необходимыми для выполнения этой священной миссии способностями. Эти способности охватывают как физическую, так и духовную сферу. Физические способности касаются его телесных возможностей. Они у всех на виду. А духовные потенции находятся внутри человека. Они включают дух, чувства, свободную волю, рассудок. Таким образом, потенции человека заключаются в силе его тела, духа и разума.

В Коране говорится и о других духовных потенциях – это сердце, ум, страсть. Все эти потенции человек использует для выполнения своей миссии на земле – заботе о ее процветании.

Однако кроме выполнения миссии быть представителем Аллаха на земле, у человека есть также обязанность служить Аллаху. Таким образом, у человека два предназначения – быть представителем Аллаха на земле и служить Аллаху. Выполняя первую функцию, человек является хозяином на земле – он ею владеет, использует ее, а также оберегает и охраняет, обеспечивая процветание. Во второй ипостаси человек должен изъяслять покорность Аллаху.

Для того чтобы добиться хорошего и гармоничного сочетания этих двух функций в одной личности, необходимо всестороннее воспитание, дающее высокую мотивацию для обучающегося. Чтобы воспитатели могли достигнуть поставленной цели, нужно тщательно и продуманно разрабатывать программы обучения. Это касается воспитания и обучения как в стенах учебного заведения, так и за его пределами.

Таким образом, исламское образование должно руководствоваться следующими тремя задачами: установлением связи с Аллахом; установлением связи с людьми; установлением связи с природой.

Реализация установок исламского образования на практике

Исламские учебные заведения не только дают знания и навыки, но и вовлекают учащихся в общественно полезную деятельность, прививая им на практике ответственность перед Аллахом за все, что происходит на земле. Ярким примером этому в современной Индонезии служит участие мусульманской молодежи в массовом движении по защите окружающей среды.

Взаимосвязь исламского образования и экологии приобретает в современной Индонезии особую важность. Как уже говорилось, эта страна обладает самым большим в мире мусульманским населением.

Здесь действуют многомиллионные и влиятельные в сфере религии, идеологии и политики религиозно-просветительские организации и политические партии. В то же время Индонезия занимает 3-е место в мире по площади влажных тропических лесов, являющихся «легкими планеты», и одновременно – по величине выбросов в атмосферу парниковых газов. Все это делает Индонезию, ее мусульманское население, ее исламских богословов, идеологов и политиков ключевыми факторами в деле активизации роли ислама по защите окружающей среды.

Выступая на конференции по поводу Дня Земли, проходившей в апреле 2008 г. в г. Депоке на Восточной Яве, современный индонезийский мусульманский мыслитель и общественный деятель Ф.М. Мангунджайя подчеркнул, что Аллах призвал свой народ хранить в целостности и сохранности все, что есть на земле, которую Он создал. Этот призыв содержится в Коране и, следовательно, является священной обязанностью для правоверного. Поэтому на религиозные школы – песантрены, медресе и на исламских наставников и богословов – улемов ложится большая и главная ответственность за выполнение этих указаний Аллаха¹.

Исламские политические лидеры предложили, чтобы осуществление практических мероприятий в сфере экологии взяли на себя песантрены. В Индонезии функционирует более 16 тыс. песантренов, разбросанных по всей территории страны. Они обладают значительными людскими кадрами – в них проживают и обу-

---

¹ Mangunjaya Fahrudin M. KONSERWASI ALAM DAN LINGKUNGAN DALAM PERSPEKTIF ISLAM // Journal Islamia. Maret 2007. Vol. III (2). P. 90–96. URL: www.agamadaneкологи.blogspot.com/2007/03/konservasi-al...

чаются примерно 3 млн человек. Почти 80% песантронов располагаются в сельской местности, около 2/3 – в сельскохозяйственных районах и 1/3 – в горах. Такое расположение делает песантроны стратегическим компонентом в деле защиты окружающей среды и восстановления нарушенного экологического равновесия. Они могут стать центрами распространения экологических знаний и воспитания экологического сознания среди широких крестьянских масс, а учащиеся будут проводниками идей защиты окружающей среды в местные общины правоверных мусульман.

Для того чтобы экологические задачи легче распространялись в крестьянской среде, при разъяснении необходимости защиты природы учащиеся песантронов смогут использовать свои знания Корана, Сунны и других священных мусульманских документов. Исламские партии и религиозно-просветительские организации Индонезии намерены оказывать песантронам активную помощь и поддержку в этой благородной и священной миссии, тем более что у них имеются давние тесные связи.

Министерство экологии наладило тесное сотрудничество с песантронами, внедряя программу «Эко-песантрон». В Индонезии стали проводиться конкурсы среди песантронов на лучшие проекты по вовлечению местных жителей в дело охраны и восстановления окружающей среды¹.

Исламские высшие учебные заведения также начинают включать в свои учебные и научно-исследовательские планы предметы и темы, связанные с выработкой новой роли ислама в мировом и национальном экологическом движении. Среди подобных учебных заведений можно назвать Государственный исламский университет им. Шарифа Хидаятуллаха в Джакарте, Государственный исламский институт им. Валисонго в Семаранге, Джакартский университет Мухаммадийя, исламские колледжи – медресе.

Несмотря на то что официально исламское образование представляет собой неотъемлемую интегральную составляющую национального образования в современной Индонезии, сама система исламского образования является целостной системой, имеющей собственные, присущие только ей черты. Специфика исламского образования строится на убеждении, что образование

---

¹ Ефимова Л.М. Ислам и проблемы экологии в современной Индонезии // Экологические проблемы стран Азии и Африки. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – С. 214.

призвано формировать настоящего члена мусульманской уммы, интегральную личность, характеризующуюся твердостью в вере и преданностью ценностям этой религии.

Особенно это важно в наш материалистический век, где доминируют тенденции дегуманизации человека, охваченного алчностью и стремлением к приобретательству. Именно религиозное воспитание должно вернуть миру и человечеству гуманистические идеалы и внедрять культурные ценности в общество.

В такой ситуации мусульманское воспитание и образование, считают индонезийские исламские деятели, обладает огромным потенциалом, способностью восполнить культурные и ценностные пробелы в обществе в эру глобализации, стать маяком в деле упрочения духовных идеалов и праведного образа жизни. С развитием современных форм и методов светского и профессионального образования особенно необходимо укреплять среди приверженцев ислама высокие ценности морали, пропагандируемые религией¹.

Литература

1. Ефимова Л.М. Ислам в Юго-Восточной Азии: XXI век. – М.: Изд-во МГИМО, 2014.
2. Ефимова Л.М. Ислам и проблемы экологии в современной Индонезии // Экологические проблемы стран Азии и Африки. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – С. 199–214.
3. Ефимова Л.М. Республика Индонезия // Политические системы стран Юго-Восточной Азии. – М., 2014. – С. 123–156.
4. Federspiel Howard M. Pesantren. Oxford Islamic Studies Online. URL:<http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t236/e0632><http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t236/e0632>
5. Mangunjaya Fahrudin M. Konserwasi Alam dan Lingkungan dalam Perspektif Islam // Journal Islamia. Maret 2007. Vol. III(2). P. 90–96. URL:www.agamadane-cologi.blogspot.com/2007/03/konservasi-al...
6. Tan Charlele. Educative Tradition and Islamic Schools in Indonesia // Journal of Arabic and Islamic Studies. 2014. No 14. P. 47–62.
7. Yaidar Putra Daulay. Dinamika Rendidikan Islam di Indonesia dan Kedudukannya dalam Sistem Pendidikan Nasional. URL: <http://sumut.kemenag.go.id/10/12/2013>

*«Ислам в современном мире»,
М., 2016 г., № 1(12), с. 221–236.*

---

¹ Pendidikan Islam dan Pembangunan Masyarakat Relijius. URL: www.pendis.kemenag.go.id/index.php?a=artikel&id2=pendisdandanpembangunan

Б. Долгов,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований (Институт востоковедения РАН).

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются причины миграционного кризиса, обусловленные недальновидной политикой Евросоюза, следовавшего в русле геополитических интересов США в отношении стран арабо-мусульманского мира. Анализируются возможные последствия миграционного кризиса, его влияние на внутреннюю ситуацию в Евросоюзе, а также опасность распространения радикального исламизма.

Ключевые слова: миграционный кризис, политика Евросоюза, геополитические интересы США, страны арабо-мусульманского мира, правые партии, неоосманизм, радикальный исламизм.

Западная Европа переживает самый тяжелый за последние десятилетия миграционный кризис. Причем, если предыдущие волны мигрантов не несли Европе какой-либо потенциальной угрозы, поскольку мигранты достаточно легко адаптировались, то беженцы, прибывающие в последние годы из арабо-мусульманских стран, где активно действуют радикальные исламистские группировки, несут с собой опасность перенесения исламистского терроризма на землю Европы.

Первый массовый приезд мигрантов в Европу из стран Азии, Африки и Ближнего Востока имел место во второй половине XX в. Основной поток мигрантов шел из бывших колоний, переживавших социально-экономический кризис. Население этих стран было вынуждено искать заработок в бывших метрополиях – в Англии, Франции, Нидерландах, Италии. В 1980-е годы возросла внутриконтинентальная миграция в страны Западной Европы с высоким уровнем жизни, куда переселялись жители юга Европы, а в 1990-е годы, в связи с распадом СССР и социалистического лагеря – граждане восточноевропейских государств. В странах Европейского союза (ЕС), нуждавшихся в рабочей силе, прежде действовало либеральное законодательство в отношении приема мигрантов, а также проводились так называемые «амнистии» для уже въехавших в страну нелегальных иммигрантов. Но в этот период многие страны ЕС ужесточили миграционный режим, в результате чего

в 1997 г. численность лиц, ищущих убежище в Европе, сократилась. Однако в 1999 г. военные действия НАТО в Югославии, продолжающиеся гражданские войны и вооруженные конфликты в ряде стран Азии и Африки привели к резкому росту числа беженцев. В 2000-е годы источниками новой волны миграции стали страны африканской суб-Сахары (Гана, Нигерия, Сенегал, Сомали, Чад).

Поток иммигрантов в страны ЕС значительно увеличился в 2011–2015 гг. Это было связано прежде всего с начавшейся «арабской весной» и как следствие – с обострением социально-экономических проблем, снижением уровня жизни, внешним вмешательством, вооруженными конфликтами и активизацией террористических группировок в ряде стран арабо-мусульманского мира. Особенно резкое увеличение миграционного потока имело место в 2013–2015 гг. Такие страны, как Сирия, Афганистан, Ирак и Ливия, поставляют основные контингенты беженцев (легальных и нелегальных) в ЕС. Значительную долю составляют выходцы из африканских стран (Судан, Южный Судан, Конго, Сомали, Мавритания, Тунис, Мали, Нигерия, Камерун, Габон). По данным ЮНИСЕФ (United Nations International Children’s Emergency Fund), только из Сирии, где уже пять лет продолжается вооруженный внутренний конфликт, выехали более 4 млн человек и более 2,6 млн покинули Афганистан, который находится на втором месте по числу беженцев [Количество детей-беженцев., 2015]. От конфликтов и голода из Сомали выехало около 1 млн жителей. Большой поток беженцев идет также из Судана и Южного Судана, где внутренний конфликт продолжается с декабря 2013 г.

В 2015 г., по сообщениям агентства Евростат, более 1,2 млн беженцев обратились с просьбой о предоставлении убежища в ЕС. Число беженцев из Сирии по сравнению с 2014 г. увеличилось вдвое и достигло 360 тыс. человек. Численность беженцев из Афганистана возросла в 4 раза и составила 178 тыс., а из Ирака – в 7 раз (в 2015 г. их насчитывалась уже 121 тыс. человек) [Более 1,2 млн беженцев., 2016]. При этом число беженцев, которые будут вынуждены покинуть страны Ближнего Востока и Северной Африки в ближайшем будущем, может возрасти. По данным ООН, за январь 2016 г. в ЕС прибыли более 55 тыс. беженцев. Причем число прибывших в Европу через Грецию в январе 2016 г. по сравнению с показателями за январь 2015 г. увеличилось в 35 раз [2016 год уже бьет рекорды., 2016].

Наибольшее число беженцев сосредоточено в Германии, Франции, Италии и Испании (в каждой из них – по 1–1,5 млн человек). В период с января по июнь 2015 г. по числу принятых мигрантов лидировали Германия, Франция и Швеция. Основную нагрузку несет Германия. По данным МВД ФРГ, по состоянию на конец 2015 г. в Германию прибыло более 800 тыс. соискателей статуса беженца [Беженцы в Европе..., 2015].

В условиях наплыва беженцев ЕС испытывает серьезные сложности с их интеграцией в общество. Причем неготовность европейской пограничной системы контроля к приему такого большого числа беженцев, отсутствие у части из них документов, удостоверяющих их личность, а также невозможность удостоверить подлинность таких документов¹, привели к тому, что, по информации МВД ФРГ, десятки тысяч беженцев въехали в Германию, не пройдя надлежащую регистрацию и контроль. Наряду с этим, часть зарегистрированных беженцев не прибыла в те места, куда они направлялись властями, и их местонахождение неизвестно.

В этих условиях в странах ЕС растут опасения, что приток большого числа беженцев приведет к росту преступности и к угрозе терроризма, тем более что лидеры «Исламского государства» (ИГ) на своих сайтах объявили, что послали в страны ЕС под видом беженцев тысячи джихадистов², готовых совершить террористические акты. Эти угрозы, к сожалению, имеют под собой реальную основу, что подтвердили террористические акты, совершенные во Франции (в Париже в 2015 г. в результате нескольких терактов погибло около 150 человек), в Бельгии (в Брюсселе у Еврейского музея были расстреляны четыре человека; в марте 2016 – в результате двух терактов погибло 32 человека), в Германии (в Берлине в 2015 г. была предотвращена попытка взрыва в центре

---

¹ Муфтий Сирии Ахмед Хассун на пресс-конференции «Россия сегодня», состоявшейся в Москве в Международном информационном агентстве (МИА) 24 декабря 2014 г., приводил факты, свидетельствующие о том, что радикальные исламистские группировки изготавливали поддельные сирийские паспорта для того, чтобы их боевики могли въезжать в Европу под видом беженцев.

² Джихад – борьба за веру. В разработанных мусульманскими факихами (правоведами) концепциях джихада проводится различие между «джихадом сердца» (борьба с собственными дурными наклонностями), «джихадом языка» (повеление одобряемого и запрещение порицаемого), «джихадом руки» (принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности) и «джихадом меча» (вооруженная борьба с неверными, павшему в которой уготовано вечное блаженство в раю). См.: [Ислам..., 1991, с. 66].

города), в Турции (в 2015 г. террорист-смертник совершил теракт в Стамбуле, приведший к гибели девяти туристов из Германии). Причем все исполнители данных террористических актов были либо связаны с радикальными исламистскими группировками, действующими в Сирии, либо с ИГ. В то же время, рассматривая причины возникновения миграционного кризиса и, соответственно, его негативные последствия для ЕС, прежде всего необходимо отметить, что наибольший поток беженцев в государства ЕС идет, как указывалось выше, из Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии. Это те страны, где наиболее активно действуют террористические исламистские группировки и продолжаются вооруженные конфликты, спровоцированные внешним вмешательством. Причем инициаторами данного вмешательства являлись ведущие страны НАТО, прежде всего США.

Вторжение в Афганистан Вооруженных сил США и их союзников началось после масштабных террористических атак 11 сентября 2001 г., осуществленных террористами-смертниками, захватившими несколько американских гражданских самолетов и направивших их на Международный торговый центр в Нью-Йорке и административные здания. Власти США обвинили в этом «Аль-Каиду», руководство которой во главе с Усамой бен Ладеном, по американской версии, находилось в Афганистане. В то же время, несмотря на длительное расследование, опубликованные материалы о данном теракте так и не подтвердили безусловную ответственность за него «Аль-Каиды». Более того, в СМИ, в том числе американских, появился ряд публикаций, допускавших возможность причастности к теракту 11 сентября американских спецслужб, что, впрочем, также не было подтверждено какими-либо достоверными фактами. Тем не менее в ходе объявленной войны с «международным терроризмом» США и их союзники по НАТО свергли исламистский режим движения Талибан в Афганистане, обвиненный Западом в поддержке «Аль-Каиды». В связи с этим необходимо подчеркнуть, что этот режим пришел к власти во многом в результате его поддержки Западом, когда исламистские группировки, в том числе «Аль-Каида», во время гражданской войны в Афганистане в 1979–1989 гг. воевали против афганского правительства, которое поддерживал СССР. В то же время США и их союзники на протяжении своего многолетнего военного присутствия в Афганистане так и не смогли подавить движение Талибан, где его вооруженная борьба и террористические акции против поддерживаемых Западом афганских властей и сил международ-

ной коалиции, возглавляемой США, продолжают до настоящего времени. Более того, с 2014 г. в Афганистане активно действуют боевики «Исламского государства» (ИГ). В результате террористических атак Талибана погибли тысячи мирных афганских граждан. В то же время не меньшее, если не большее число мирных афганцев погибли в ходе бомбардировок «по ошибке» ВВС США и их союзников. Так, только за девять месяцев с начала вооруженного вторжения США в Афганистан погибло 10 тыс. гражданских лиц [Наумкин, 2015, с. 31] и была разрушена значительная часть инфраструктуры. Такая ситуация, как уже говорилось выше, спровоцировала исход сотен тысяч беженцев из Афганистана, многие из которых направились в ЕС.

Следующей страной мусульманского мира, подвергшейся вторжению США и их союзников, в 2003 г. стал Ирак. Американская интервенция началась под предлогом наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения. Затем, когда оно так и не было обнаружено, предлогом стала необходимость свержения «диктатора и тирана Саддама Хусейна» и продвижения демократии. В связи с этим необходимо отметить, что политика США и Запада в целом в отношении мусульманского мира (так же как и в отношении других регионов) мотивируется конкретными, прагматичными целями и интересами, в которых «демократическая» риторика играет роль пропагандистского прикрытия. Так, например, диктаторский характер режима Саддама Хусейна не помешал США поддерживать его, в том числе поставками вооружений, во время ирано-иракской войны (1980–1988). Поэтому можно констатировать, что подлинными целями американской агрессии против Ирака в 2003 г. являлись, во-первых, разгром Ирака как наиболее мощного в военном отношении арабского государства, активно противостоявшего Израилю – стратегическому союзнику США. Наряду с этим Ирак поддерживал как в финансовом, так и в военном плане палестинские организации, боровшиеся за создание независимого палестинского государства (в Ираке проходили лечение, а также военную подготовку бойцы палестинских группировок, действовавших против Израиля). Во-вторых, целью США был доступ к иракским нефтяным месторождениям, входящим в число наиболее перспективных в мире. В итоге военной операции данные цели были достигнуты: Ирак разгромлен и оккупирован. При поддержке США были ликвидированы все государственно-политические структуры режима Саддама Хусейна и созданы новые институты власти, формально отвечающие требованиям

демократического государственного устройства. В них в основном вошли представители шиитской общины Ирака, на которую опирались в тот период США. В то же время произошла частичная дезинтеграция Ирака: район Иракского Курдистана де-факто стал независимым.

Вторжение США привело к дестабилизации страны, подрыву внутренней безопасности. К тому же оно спровоцировало эскалацию политического насилия и поставило иракское общество на грань конфессионального и этнического раскола. Обострились суннитско-шиитские противоречия, в стране резко возросла террористическая активность радикальных исламистских группировок. Причем Америка не оказала никакой поддержки иракским властям в отпоре вооруженной экспансии ИГ в иракскую провинцию Аль Анбар, граничащую с Сирией, поскольку она рассматривала боевиков ИГ как свой геополитический инструмент для свержения сирийского режима Башара Асада, против которого ИГ проводило террористические акции с этой иракской территории. По данным арабских и западных СМИ, в результате агрессии США, а также продолжающихся террористических актов погибло более 100 тыс. иракских граждан и, как указывалось выше, из страны выехало более 2 млн человек. Причем наблюдался такой феномен, как исход христианского населения Ирака, почти полностью покинувшего страну.

В 2011 г. произошло вмешательство ведущих стран НАТО в Ливии. Предлогом для военного вмешательства стала, так же как и в случае с Ираком, провозглашенная Западом необходимость свержения «кровавого диктаторского режима» и «защита мирного населения». Конкретным поводом явилось выступление противников режима Муаммара Каддафи, поднявших мятеж в г. Бенгази, который руководство Каддафи пыталось жестко подавить. Причины возникновения протестного движения в Ливии в значительной степени отличаются от таковых в Тунисе и Египте. Ливия – богатая нефтедобывающая страна с небольшим населением (по состоянию на 2015 г. – около 6 млн человек) и достаточно высоким уровнем жизни. В Ливии в период правления Каддафи были введены бесплатное образование и медицинское обслуживание, к тому же здесь были относительно низкие цены на продукты питания и бензин. Поэтому социально-экономический фактор не мог играть значительную роль в возникновении протестного движения. В нем преобладали радикальные исламисты. А именно – «Ливийская исламская боевая группа» (ЛИБГ), которая действовала

в Ливии с 1990-х годов (наряду с проникавшими сюда боевиками из алжирской группировки «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ)).

Протестные манифестации против руководства Каддафи, начавшиеся в феврале 2011 г., вскоре переросли в вооруженное восстание, которое было активно поддержано НАТО и монархиями Персидского залива. Подлинными целями вмешательства Запада являлись, во-первых, стремление использовать начавшуюся «арабскую весну», чтобы свергнуть режим «непредсказуемого» Каддафи и получить доступ к ливийским нефтегазовым ресурсам, которые Каддафи национализировал после прихода к власти в результате возглавленной им в 1969 г. антимонархической революции (тогда же были ликвидированы английские и американские военные базы в Ливии) [Егорин, Миронова, 2006, с. 352, 354], и, во-вторых, расчет США и их союзников на то, что им удастся изменить путь развития ливийского общества – джамахирийи, – соединявший в себе ливийский национализм, ислам и элементы социализма и провозглашавшийся Каддафи как некий третий путь общественного развития, альтернативный капиталистическому и социалистическому. С ликвидацией режима Каддафи, соответственно, прекращалось осуществлявшееся им финансирование радикальных антизападных группировок, а также (как и в случае с режимом Саддама Хусейна) поддержка палестинских организаций, борющихся за создание независимого палестинского государства.

Главной вооруженной силой оппозиционных «повстанцев» стали радикальные исламистские группировки, ранее преследовавшиеся режимом Каддафи. В их рядах находились также наемники-исламисты, которые начали прибывать в Ливию из арабомусульманских стран и мусульманской диаспоры Европы. Данную вооруженную оппозицию активно поддерживали ВВС НАТО, нанося ракетно-бомбовые удары по войсковым подразделениям, верным Каддафи, а также по инфраструктуре страны, в том числе гражданской. Семимесячные военные действия (с марта по октябрь 2011 г.) привели к падению режима Каддафи. Причем на последних этапах «битвы за Ливию» (взятие «повстанцами» ливийской столицы г. Триполи) в августе 2011 г. на стороне «повстанцев» непосредственно участвовали спецподразделения НАТО и монархий Персидского залива. В ходе операций в Ливии ВВС НАТО совершили более 20 тыс. самолетовылетов. В результате военных действий в Ливии в общей сложности погибли более 50 тыс. граждан этой страны [Егорин, 2012, с. 258].

Военные действия в Ливии привели к разрушению государственности и фактическому распаду страны. Власть на местах перешла к местным кланово-племенным структурам, имеющим собственные вооруженные формирования. Причем в состав многих из них входили воевавшие против Каддафи «повстанцы», в том числе приверженцы радикального исламизма. Так, в районе г. Дерна (на востоке Ливии) создан эмират, функционирующий по законам шариата, лидеры которого в 2014 г. объявили о поддержке так называемого «Исламского государства», провозглашенного радикальными исламистами на части территории Ирака и Сирии. В Ливии радикальные исламисты действуют достаточно открыто, вербуя новых боевиков и используя оружие, как захваченное со складов бывшей ливийской армии, так и поставленное НАТО во время борьбы с режимом Каддафи. По данным египетских СМИ, в Ливии в 2014–2015 гг. функционировали 19 тренировочных лагерей по подготовке исламистских боевиков. Таким образом, на территории Ливии возник очаг радикального исламизма, который распространился и на соседние с Ливией регионы.

Речь идет, в первую очередь, о Мали, государстве, северные районы которого весной 2012 г. были захвачены вооруженными отрядами туарегов, ранее воевавшими в Ливии на стороне Каддафи, а также Национальным движением за освобождение Азавада (НДОВА). Их поддержали некоторые исламистские группировки, такие как «Исламское движение Азавад», «Ансар ад-дин» («Борцы за религию»), «Группа таухида¹ и джихада на западе Африки» и «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ). На захваченной территории Мали было провозглашено независимое государство Азавад, законодательной базой которого стал шариат. Главную роль в нем стали играть радикальные исламисты. Причем многие из них являлись выходцами из Ливии. В тюрьмах Ливии при режиме Каддафи отбывали наказание около 800 исламистов, которые после его крушения оказались на свободе, и часть из них присоединилась к различным исламистским группировкам. Дальнейшее продвижение исламистов было остановлено в 2013 г. военным вмешательством в ситуацию в Мали Франции, а также стран – членов Экономической организации государств Западной Африки

---

¹ Таухид (араб.) – догмат в исламе о единстве и единственности Аллаха, отрицание политеизма. Радикальные исламисты интерпретируют данный догмат как право и необходимость разрушения культовых сооружений и символов, посвященных другим божествам.

(ЭКОВАС) и Африканского союза (АС). Тем не менее террористические акции в регионе продолжали иметь место. Так, радикальные исламисты АКИМ, пополнив свои ряды новыми боевиками и вооружением из арсеналов Ливии, пытались «экспортировать» джихад в страны африканского Сахеля. В марте 2013 г. в Центрально-Африканской Республике (ЦАР) произошел государственный переворот, осуществленный исламистскими группировками «Боко Харам» и «Селека», и лидер группировки «Селека» объявил себя президентом, после чего в стране начались столкновения между мусульманами и христианами, приведшие к многочисленным жертвам. В декабре 2013 г. в конфликт вмешалась Франция, которая направила в ЦАР свой воинский контингент (так же как в Мали, французские компании разрабатывают здесь месторождения золота, алмазов и урана).

Таким образом, тенденция к распространению радикального исламизма в соседние с Ливией регионы и их дестабилизации сохраняется. Наряду с этим в Ливии в 2014–2016 гг. имели место как межклановая борьба за власть на местах, так и противостояние между двумя центрами власти – радикальными исламистскими группировками, захватившими власть в парламенте (Всенародном национальном конгрессе) и действовавшими в столице Ливии г. Триполи, и правительством, сформированным в г. Тобруке и представленным умеренными исламистскими и светскими силами, признанным ООН. В свою очередь, ряд армейских руководителей, таких как генерал Хафтар, вступили в борьбу с радикальными исламистами. На протяжении 2015–2016 гг. группа посредников во главе со спецпредставителем ООН неоднократно пыталась склонить противоборствующие стороны к компромиссу. Однако, несмотря на ряд договоренностей о создании коалиционного правительства, реальных позитивных результатов достигнуто не было.

Нестабильная внутривосточная обстановка, ухудшение ситуации с общественной безопасностью, а также репрессии, проводимые против сторонников свергнутого режима Каддафи, привели к массовой эмиграции граждан из Ливии (до 2 млн человек)¹, которая продолжается до сих пор. Причем большинство беженцев,

---

¹ По заявлению председателя партии «Ливийский республиканский альянс» Изеддина Аль-Акыля на конференции «Россия сегодня», состоявшейся в Москве в Международном информационном агентстве (МИА) 24 декабря 2014 г., из Ливии в связи с военными действиями (с февраля 2011 г. по конец 2014 г.) выехали около 2 млн человек.

как легальных, так и нелегальных, направляется в страны ЕС. К этому числу нужно прибавить выехавших из вышеуказанных соседних с Ливией африканских стран несколько тысяч беженцев, спасавшихся от межконфессиональных и межэтнических столкновений, а также от террора со стороны радикальных исламистских группировок. Их усиление во многом явилось следствием падения режима Каддафи, бескомпромиссно боровшегося с радикальным исламом и распадом государственности Ливии, ответственность за которые в значительной степени несут ведущие страны ЕС.

В Сирии в ходе начавшихся в марте 2011 г. протестных выступлений оппозиционных сил США и их союзники сразу же объявили о своей поддержке сирийской оппозиции и «нелегитимности» действующего руководства президента Башара Асада. В связи с этим необходимо отметить, что наиболее непримиримое противостояние сирийской оппозиции с силами правопорядка, сопровождавшееся призывами к свержению действующего руководства, происходило в тех районах, где изначально были представлены оппозиционные силы. Таковыми прежде всего являлись сторонники «Братьев-мусульман» и других исламистских движений (в таких городах, как Хама, Хомс, Джисраш-Шухур), деятельность которых была запрещена после организации ими в 1982 г. в г. Хама вооруженного мятежа [История Востока., 2008, с. 202]. С 2011 г. им активно оказывалась помощь из-за рубежа, в том числе в создании вооруженных антиправительственных группировок.

В то же время при сравнении сирийского кризиса (так же как и ливийского) с протестными выступлениями «арабской весны» в других странах необходимо отметить, что социальный протест (чем являлся начальный этап «арабской весны») в таких странах, как Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, был обусловлен внутренними факторами, а именно – социально-экономическим кризисом, коррупцией и nepотизмом правившей десятки лет властной элиты, полицейским произволом, отсутствием реальных демократических свобод при показной «фасадной демократии». Вместе с тем в Сирии социально-экономическая ситуация до начала конфликта по многим параметрам отличалась в лучшую сторону по сравнению с такими странами, как Тунис и Египет, и не могла сама по себе вызвать внутренний социальный взрыв и вооруженное противостояние. Так, уровень безработицы, хотя и повысился с 8,6% в 2010 г. до 14,9% в 2011 г. [Unemployment rate., 2012], был ниже, чем в Тунисе и Египте, где безработица, особенно среди молодых

людей в возрасте до 30 лет, достигала 50% и, как подтвердил на своей пресс-конференции в Москве в июле 2013 г. посол Египта, 40% населения жили на доход менее 2 долл. в день. Показатель безработицы в Сирии был даже ниже, чем в таких странах ЕС, как Испания, Португалия и Греция, где безработица в это время составляла 26%. Инфляция в Сирии в 2010 г. не превышала 5% [Consumer price index and inflation., 2012]. Таким образом, можно констатировать, что при бесспорном наличии внутренних проблем главными причинами продолжающегося кризиса в Сирии стали внешние факторы: поддержка ведущими странами НАТО, включая Турцию и монархии Персидского залива, вооруженной сирийской оппозиции, представленной в основном исламистскими группировками, и присутствие в их рядах тысяч джихадистов из более чем 80 стран [Долгов, 2015, с. 83], что стимулировало возникновение в Сирии очага радикального исламизма. Это, в свою очередь, способствовало формированию здесь ИГ и его экспансии в регионе.

Автору этих строк во время неоднократных поездок в Сирию в период с 2011 по 2015 г. приходилось видеть массовые демонстрации в поддержку президента Асада, которого многие сирийцы считают подлинным национальным лидером, что подтвердило его избрание на второй президентский срок в 2014 г. В такой поддержке нет ничего удивительного, так как очевидно, что безопасную мирную жизнь для простых граждан могут обеспечить только действующие власти, подавив экстремистские исламистские группировки, в рядах которых немало откровенно криминального элемента, совершающего варварские преступления против мирного населения. На 2015 г. 85% сирийских граждан проживали на территории, контролируемой сирийской правительственной армией¹.

Многие сирийцы бегут из районов, захваченных боевиками, так как в них невозможна нормальная жизнь: сюда не подается электричество, нет воды, продовольствия, медикаментов, здесь происходят казни тех, кого подозревают в симпатиях к Асаду. Так называемая зарубежная оппозиция в лице «Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил» (НКОРС), базирующаяся в Катаре, лидеры которой представлены в основном эмигрантами, много лет назад покинувшими Сирию, не имеет никакой поддержки в стране. Равным образом поддержкой населения не

---

¹ Беседа с премьер-министром САР г-ном Ваилем аль-Халяки 16 ноября 2015 г., Дамаск. – Архив автора.

пользуется и воюющая против сирийских властей вооруженная исламистская оппозиция, основу которой составляют суннитские джихадисты, провозглашающие своей целью создание в Сирии «Исламского государства».

Сирийский кризис приобрел характер глобального конфликта, в котором США и их союзники в регионе, такие как Королевство Саудовская Аравия (КСА), Катар и Турция, стремятся реализовать на Ближнем Востоке свои геополитические цели, а именно: свергнуть правительство Башара Асада, являющегося союзником Ирана и России, и, таким образом, привести к власти в Сирии суннитские исламистские силы и стимулировать дальнейшую экспансию террористического «джихада» против стран, считающихся ими «враждебными». Для этого США и их союзники используют спонсируемые ими вооруженные исламистские группировки, которые они выдают за «умеренную оппозицию». Боевики данных группировок ведут террористическую войну в Сирии и совершают преступления против человечности. Так, министр информации Сирии Имран аз-Зааби подтвердил, что радикальные исламисты «уничтожают наследие сирийской цивилизации – исторические и архитектурные памятники разных эпох, храмы, церкви, мечети, монастыри и в их числе – уникальные комплексы в городах Маалюля, Сейдная, Пальмира, Алеппо. От их рук погибли сотни представителей сирийской интеллигенции, преподавателей, ученых, религиозных деятелей, мусульман и христиан, а также тысячи мирных жителей, убитых боевиками за их поддержку Башара Асада во время массовых расправ в районах городов Дейр аз-Зор, Хама, Хомс, Латакия, Дараа, Джисраш-Шухур, Алеппо»¹. Действия радикальных исламистских сил, поддерживаемых извне, стали основной причиной выезда из Сирии сотен тысяч беженцев. Многие из них направляются не только в соседние государства – Турцию, Иорданию и Ливан, но и в страны ЕС, которые, как было показано выше, своей недальновидной политикой на Ближнем Востоке сами спровоцировали миграционный кризис в Европе.

Еще одной причиной увеличения потоков мигрантов, в основном нелегальных, стала деятельность отлаженной сети преступных организаций, занимающихся доставкой беженцев в Европу. Плата за нелегальный провоз составляет от нескольких сотен до десятков тысяч долларов в зависимости от страны назна-

---

¹ Беседа автора с министром информации САР г-ном Имраном аз-Зааби 26 июля 2015 г., Дамаск. – Архив автора.

чения, дальности маршрута и длительности поездки. Одним из плацдармов для деятельности организаторов доставки нелегальных иммигрантов и беженцев в Европу является Ливия, где, по оценкам ООН, контрабандисты «зарабатывают» на перевозке сотни миллионов долларов. На Балканах этот бизнес в значительной степени контролируется албанскими и цыганскими мафиозными группировками. По оценкам Международной организации по миграции (МОМ), контрабанда мигрантов приносит такой же доход, как торговля наркотиками.

По данным миграционных служб европейских стран, большая часть нелегальных иммигрантов прибывает в Европу по туристическим визам или по поддельным документам. Остальные пользуются нелегальными каналами и пересекают границы без документов. Они перебираются в Европу по нескольким маршрутам. Один – через Средиземное море – в Грецию, Италию и на Мальту. Другой маршрут – из Турции через Грецию. Далее мигранты выезжают через Албанию в Италию или через Македонию, Сербию и Венгрию в Германию, Австрию и Швецию. С лета 2015 г. поток беженцев по этому маршруту стал сопоставим со средиземноморским. При этом увеличивается число случаев гибели мигрантов при попытках добраться до Европы. Достаточно трудно назвать точное число погибших, но речь идет о тысячах человек. Мировые СМИ регулярно сообщают о таких инцидентах. Так, например, 19 апреля 2015 г. в результате крушения судна вблизи побережья Греции утонули 800 человек; 28 августа 2015 г. 200 мигрантов погибли у берегов Ливии; 70 человек задохнулись в грузовике, который направлялся в Австрию¹.

Кризисная ситуация с беженцами провоцирует разногласия в ЕС. В мае 2015 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер предложил ввести квоты на прием иммигрантов для всех 28 стран Евросоюза. Предполагалось, что размер квот должен зависеть от объема национального ВВП принимающей страны, численности ее населения, уровня безработицы и количества уже принятых беженцев. Эту идею поддержали Германия, Италия, Австрия и Швеция. Страны Восточной Европы выступили категорически против; Франция, Испания и Португалия заняли сдержанную позицию. Великобритания и Дания не принимали участия в голосовании по квотам (эти страны имеют особый статус в ЕС). На встрече

---

¹ Репортажи телеканала Euronews в апреле, августе и сентябре 2015 г. – Архив автора.

министров внутренних дел стран ЕС в июне 2015 г. было принято решение отказаться от идеи квот, взамен страны Сообщества пообещали добровольно разместить у себя 40 тыс. беженцев. Затем в сентябре 2015 г. Еврокомиссия предложила вновь вернуться к системе квот. 13 сентября 2015 г. в связи с рекордным наплывом беженцев Германия первой из стран Шенгенского соглашения ввела паспортный контроль на своих границах с Австрией, через которую шел поток мигрантов [Germany introduces..., 2015]. В тот же день была созвана встреча на экспертном уровне для сближения позиций стран-членов по проблеме квот на мигрантов. Встреча завершилась без практических результатов и продемонстрировала существенные разногласия внутри ЕС. Против принудительного распределения беженцев между государствами – членами ЕС выступают страны Вышеградской группы – Словакия, Чехия, Польша и Венгрия. Словакия намерена воспользоваться правом вето. В итоге страны Евросоюза подтвердили разделение позиций на Восток–Запад по вопросу квот на мигрантов. Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Румыния и страны Балтии выступают категорически против введения расширенных и обязательных квот.

После этого Еврокомиссия представила новый пакет предложений по миграции. Среди них: прием и расселение беженцев из охваченных войной регионов; создание специальных точек приема и размещения беженцев как внутри, так и за пределами ЕС; регистрация, отсев и возврат экономических мигрантов из стран, в которых не происходят внутренние конфликты; активные действия против перевозчиков мигрантов; выработка мер для борьбы с криминальными организациями, занимающимися трафиком беженцев; активизация взаимодействия с соседними с ЕС странами, в частности с Турцией, для размещения беженцев. Помимо этого, Евросоюз намерен содействовать политической стабилизации в странах, в которых продолжаются конфликты, в частности в Сирии и Ливии. Однако все эти предложения во многом остаются нереализованными из-за разногласий среди членов ЕС, а также ввиду сложности их выполнения в рамках Шенгенской системы. Причем сама эта система находится на грани развала, так как многие страны ЕС из-за наплыва большого числа мигрантов и беженцев возвращаются к пограничному контролю на национальных границах.

Миграционный кризис, причиной которого во многом стала вышеуказанная недальновидная политика ведущих государств ЕС в отношении стран Ближнего Востока, привел к ряду негативных

последствий для ЕС. Во-первых, сама идея единой Европы, на которой был создан Европейский союз, переживает серьезный кризис, так как общеевропейские структуры, такие как Европейская комиссия, Европейский парламент, Совет Европы и их многочисленные подразделения, созданные для решения общеевропейских проблем, в условиях наплыва мигрантов и беженцев показали свою неспособность выполнять данную функцию. Доказательством кризиса единой Европы является референдум в Великобритании по вопросу ее выхода из ЕС. Причем одной из основных причин недовольства граждан Великобритании пребыванием в Евросоюзе стала продемонстрированная им беспомощность при решении миграционного кризиса и связанных с ним проблем. Так, данные социологических опросов, проведенных в апреле 2015 г., показали, что подавляющее число британцев убеждены в том, что иммигранты негативно воздействуют на все сферы жизни страны [Кондратьева, 2015, с. 87].

Миграционный кризис в ЕС способствует резкому усилению позиций националистических и правых партий и движений, требующих пересмотра политики в отношении размещения беженцев, принятия более жестких законов, ограничивающих прием новых мигрантов и даже выхода их стран из ЕС. Данная тенденция весьма явно проявляется во Франции, где партия Национальный фронт (НФ), возглавляемая Марин Ле Пен, уверенно увеличивает число своих сторонников. Марин Ле Пен неоднократно выражала обеспокоенность по поводу событий «арабской весны» и возможного неконтролируемого наплыва беженцев в ЕС. Ситуация, по ее словам, осложнялась тем, что среди них могли находиться бежавшие из тюрем во время происходивших беспорядков уголовные преступники и лица, осужденные за терроризм. В связи с этим Марин Ле Пен заявила, что Европа не сможет ничем помочь беженцам из стран, затронутых «арабской весной». Сами же протестные движения, происходившие в арабских странах, лидер НФ охарактеризовала как «революции голодных», опасность которых состоит в том, что они неизбежно ведут к усилению влияния исламских фундаменталистов в ближневосточных странах. Необходимо отметить, что крайне правые силы во Франции, и в частности Национальный фронт, в последнее время приобретают все больше сторонников.

Миграционный кризис наряду с обострением финансово-экономических проблем в странах ЕС провоцирует недовольство части населения его политикой. Так, французские противники ЕС,

прежде всего НФ, заявляют о том, что бюрократия Евросоюза навязывает Франции решения, не соответствующие национальным интересам страны.

Ярким свидетельством роста популярности НФ стала его беспрецедентная победа на выборах в Европейский парламент 22–25 мая 2014 г. За кандидатов НФ проголосовали 25% французских избирателей, что позволило НФ получить 22 депутатских места из 74 отведенных для Франции (всего депутатских мест в Европарламенте – 751) [Пономарева, 2014]. Затем на региональных выборах во Франции в декабре 2015 г. в первом туре НФ завоевал свыше 30% голосов избирателей, он опередил Союз за народное движение (СНД), партию Николя Саркози, получившую 27% голосов, и правящую Социалистическую партию (СП) действующего президента Франсуа Олланда, набравшую всего 23%. Несмотря на то что в результате второго тура региональных выборов на первом месте оказался СНД с 40,24% голосов, на втором – СП с 32,15, а НФ – только на третьем с 27,10% [Клинова, 2015], совершенно очевидно, что НФ стал важной политической силой во Франции, и ее лидер имеет реальные шансы на победу на предстоящих в 2017 г. президентских выборах.

Опасность миграционного кризиса состоит также в том, что неконтролируемый въезд в ЕС большого числа беженцев из стран, где действуют исламистские организации, может позволить проникнуть в Европу лицам, принадлежащим к экстремистским группировкам или исповедующим исламистскую идеологию. Необходимо отметить, что в ЕС, в частности во Франции и Бельгии, легально функционирует значительное число салафитских¹ мечетей и действует салафитское движение, которое позиционирует себя как чисто религиозное, и тем не менее имеет радикально настроенных последователей. Так, например, имам одной из таких мечетей в г. Рубэ (на востоке Франции) в интервью американскому телеканалу в сентябре 2010 г. высказался положительно по поводу возможности «принятия во Франции законов шариата и в соответствии с ним телесных наказаний, когда мусульмане во Франции станут большинством населения» [Kerel, 2014, p. 149]. Это вызвало

---

¹ Салафия (от салаф (араб.) – праведный предок) – общее название течения в исламе, идеологи которого в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины периода Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных халифов» (Абу Бакр, Омар, Осман, Али – VII в.).

резкие протесты во французских СМИ. В связи с этим можно вспомнить, что алжирские исламисты из террористической группировки «Вооруженные исламские группы» (ВИГ), совершавшие террористические акты во Франции в 1990-е годы, также заявляли о намерении сделать Францию мусульманской страной, когда число мусульман здесь будет достаточно большим. Безусловно, такие заявления являлись пропагандистскими акциями и не имели ничего общего с реальностью. Тем не менее в случае появления в Европе достаточного числа адептов экстремистского направления салафизма в ЕС может возникнуть реальная опасность распространения радикального исламизма.

Рассматривая причины миграционного кризиса в ЕС, необходимо констатировать, что, во-первых, Европа в этом вопросе во многом оказалась невольной жертвой своих действий на Ближнем Востоке, проводимых ведущими странами ЕС в русле геополитики США, в том числе – направленной против России. Во-вторых, ЕС, пытаясь сократить приток мигрантов, также невольно стал заложником политических амбиций Турции, руководство которой в обмен на недопущение переезда беженцев с территории Турции в ЕС требует от Евросоюза финансовой помощи, облегчения визового режима, активизации процесса приема Турции в ЕС, а также фактической поддержки турецкой политики в регионе, имеющей целью приведение к власти в Сирии суннитских исламистских сил и аннексии части территории Сирии. В то же время как геополитические цели США, так и неоосманистские амбиции Турции абсолютно не соответствуют реальным экономическим и политическим интересам ЕС как в регионе, так и в геополитике в целом.

Литература

1. 2016 год уже бьет рекорды по числу прибывающих в ЕС беженцев //RT на русском. – 2016. 03.02. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/146095> (Дата обращения – 11.04.2016.)
2. Беженцы в Европе: Маршруты нелегальной миграции. Инфонрафика // Новости Новороссии, Сирии, Украины, России, Беларуси. – 2015. – 18.09. – Режим доступа: <http://news-mail.by/2015/09/18/bezhency-vevrope3/> (Дата обращения – 11.04.2016.)
3. Более 1,2 млн беженцев обратились за убежищем в ЕС в 2015 году // Новости Mail.ru. – 2016. – 05.03. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/25046151/?frommail=1> (Дата обращения – 11.04.2016.)
4. Долгов Б.В. Исламистский вызов «арабской весны»: Предварительные итоги и перспективы. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. – 104 с.

5. Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи: Ливийский дневник 2011–2012 год / РАН. ИВ. – М., 2012. – 432 с.
6. Егорин А.З., Миронова Г.В. Сенуситы в истории Ливии / РАН. ИВ. – М., 2006. – 432 с.
7. Ислам: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, 1991. – 316 с.
8. История Востока: В 6 т. / РАН. ИВ. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – М.: Восточная литература, 2008. – Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). – 1095 с.
9. Клинова М.В. Об итогах региональных выборов во Франции и экономической программе Национального фронта / РАН. ИМЭМО. – 2015. 20.12. – Режим доступа: www.imemo.ru/index.php?id=20618 (Дата обращения – 13.04.2016.)
10. Количество детей-беженцев из стран Африки и Ближнего Востока достигло 4,5 млн // Новости Беларуси. – 2015. – 01.10. – Режим доступа: <http://www.belta.by/world/view/kolichestvo-detej-bezhentsev-iz-stran-afriki-i-blizhnego-vostoka-dostiglo-45-mln-164770-2015/> (Дата обращения – 11.04.2016.)
11. Кондратьева Т.С. Великобритания: Позиция ведущих политических партий страны по проблемам иммиграции // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 4. – С. 85–111.
12. Наумкин В.В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделенных обществах Ближнего Востока // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / РАН. ИВ. – М., 2015. – С. 25–52.
13. Пономарева Е. Правый поворот: К итогам выборов в Европарламент // Фонд стратегической культуры. – 2014. – 26.05. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2014/05/26/pravyj-povorot-k-itogam-vyborovv-evro-parlament-27683.html> (Дата обращения – 13.04.2016.)
14. Consumer price index and inflation in S.A.R. during 2006–2010 // Bulletin of labor force 2010 / Central Bureau of Statistics. – Damascus, 2012. – Mode of access: [http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/Data-Chapter10/Inflation 2010.htm](http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/Data-Chapter10/Inflation%202010.htm) (Дата обращения – 13.04.2016.)
15. Germany introduces «temporary» controls along Austrian border // Euronews. – 2015. – 13.09. – Mode of access: <http://www.euronews.com/2015/09/13/germany-introduces-temporary-controls-along-austrian-border/> (Дата обращения – 13.04.2016.)
16. Kepel G. Passion française: Les voix des cités. – P.: Gallimard, 2014. – 288 p.
17. Unemployment rate during 2001–2011 // Bulletin of labor force 2010 / Central Bureau of Statistics. – Damascus, 2012. – Mode of access: <http://www.cbssyr.sy/work/2012/TAB14.htm> (Дата обращения – 13.04.2016.)

«Актуальные проблемы Европы: Науч. журн. / РАН. ИНИОН», М., 2016 г., № 4: Миграционный кризис в современной Европе и перспективы его разрешения, с. 83–103.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Кныш,

профессор исламоведения,
кафедра ближневосточных исследований
(Мичиганский университет);
руководитель лаборатории анализа
и моделирования социальных процессов
(Восточный факультет, Санкт-Петербургский
государственный университет)

РЕФОРМАЦИЯ, КОТОРАЯ НЕ СОСТОЯЛАСЬ, ИЛИ ЧТО БЫ СКАЗАЛ МУСА БИГИЕВ СЕГОДНЯ?

В своей часто цитируемой и вызывающей споры книге «Халк назаринда бир ниче меселе» («Некоторые вопросы для общественного рассмотрения»)¹, опубликованной в Казани в 1912 г., Муса Джарулла Биги, более известный в России как Муса Бигиев (1875–1949), рассматривает причины упадка мусульманской цивилизации и предлагает рецепты ее возрождения. Он также рассматривает понятие религиозной веры и судьбы тюркского языка и культуры.

Бигиев начинает свой анализ с исторического экскурса. В качестве основной причины подъема европейской цивилизации именно в тот период, когда, по его словам, мусульманское государство во главе с султаном Сулейманом Великолепным (1494–1566) было на пике своего могущества, он называет протестантскую Реформацию. Именно она, утверждает Бигиев, «освободила разум цивилизованного мира от оков религиозных ограничений и засилья духовенства, позволив тем самым знанию и науке вздох-

---

¹ Wilson, Brett. *Translating the Qur'an in an Age of Nationalism: Print Culture and Modern Islam in Turkey*. – Oxford University Press: Oxford and New York, 2014, p. 138.

нуть полной грудью»¹. В результате религиозной революции, начатой «искателем правды» и «обновителем» (*муджаддид*)² Мартином Лютером (1483–1546), «люди осознали свою человеческую сущность, а человеческий разум получил автономию, свободу и независимость»³. Освобождение от оков церковной догмы позволило европейцам овладеть сокровищами природы и достигнуть социального и технического прогресса, который был бы невозможен под властью католической церкви и папства. Пока студенты и преподаватели мусульманских медресе изучали бесконечные комментарии богословов друг на друга, а мусульманские массы слепо следовали указаниям погрязших в косности законоведов, христианский мир, подталкиваемый живой работой освобожденного разума, быстро и решительно двигался по пути прогресса. В итоге, заключает Бигиев, цитируя слова известного арабского поэта-скептика Абу Аля аль-Маарри (ум. в 1057): «Они пошли вперед, а мы погрузились в сон Они поднялись во весь рост благодаря нашему упадку»⁴.

Среди факторов, способствовавших упадку мусульманского мира, Бигиев называет деятельность османских шайхуль-исламов Кемальпашазаде (1468–1534) и Абу-с-сюуда Эфенди (1491–1574). Именно в ту эпоху, когда идеи их современника Мартина Лютера овладевали умами христиан Западной Европы, подрывая фундамент безраздельного господства католической церкви, османские ученые почивали на лаврах, твердя заученные истины и не сознавая необходимость перемен в их собственном обществе. В этом религиозном и умственном застое мусульманской общины были виновны также дервиши, эти мусульманские аналоги католических монахов, насаждавшие среди своих непросвещенных и забытых последователей покорность судьбе и забвение насущных проблем земной жизни в надежде на блага жизни будущей⁵. И, наконец, третью причину упадка и застоя мусульманской общественной жизни Бигиев видел в деструктивной позиции религиозно-

---

¹ Kurzman, Charles. *Modernist Islam, 1840–1940*, Oxford University Press: Oxford, 2002, pp. 254–255.

² Wilson, *Translating the Qur'an*, p. 145, цитируя турецкого реформатора Хашима Нахида (Haşim Nahid, 1880–1962) S. Thayer Street Ann Arbor, Michigan, 48104–1608, USA; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11). E-mail: alknysh@umich.edu

³ Kurzman, *Modernist*, p. 255.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

правовых школ (*мазхабов*). Фанатическая приверженность традициям своей собственной школы, по мнению Бигиева, отвлекала мусульман от реальных жизненных вопросов. Она являлась также основной причиной раздоров между ними и подавляла ростки свежих идей. Интересно, что Бигиев сравнивает деятельность *мазхабов* по ограничению свободомыслия и ориентированного на научный прогресс образования с «ужасами» католической инквизиции, которая всеми силами пыталась задушить среди европейских христиан зачатки нового мышления¹. Более того, в пылу полемики Бигиев прямо обвиняет консервативных мусульманских ученых в заимствовании методов католической инквизиции в борьбе с инакомыслием в рядах мусульман².

Еще одним фактором, способствующим интеллектуальному застою в мусульманских обществах своей эпохи (конец XIX – начало XX в.) Бигиев считал фривольную и лишённую социального смысла и морального содержания литературу, которая имела широкое хождение среди его единоверцев, а именно: наполненные эротическим содержанием любовные истории, написанные как мусульманскими авторами, так и переведённые с других языков. Вместо того чтобы воспитывать у молодых мусульман понимание реального состояния дел в мусульманской общине и поощрять у них вкус к торговле, сельскохозяйственному труду и активной жизненной позиции, такого рода литература вводила молодежь в мир химер и бесплодных фантазий³.

Идеи Бигиева имели широкое хождение среди мусульманской интеллигенции новой формации в конце XIX–XX вв. Под некоторыми из них охотно подписались бы Исмаил Бей Гаспринский (1851–1914), Мунаввар Кари (1878–1931), Ахмед Агаев (1869–1939), Абдулла Биби (1871–1922), Ризаеддин Фахреддинов (1858–1936), Абдуррауф Фиртаг (1886–1938), Абульхамид Чоплан (1893–1938) и ряд других мусульманских реформаторов того периода⁴. Что отличает их от Мусы Бигиева, так это стремление последнего осуществить мусульманский аналог протестантской Реформации, за что один из его горячих поклонников, турок

---

¹ Kurzman, *Modernist*, p. 256.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. Kurzman, *Modernist*, «Section 4. Russian Empire».

Хашим Нахид, даже присвоил ему титул «мусульманского Лютера»¹.

Действительно параллели, можно сказать, налицо. Останемся на наиболее яркой из них: попытке Бигиева перевести Коран на упрощенный и усредненный османский турецкий, который продвигал, в частности, Исмаил Гаспринский². Эта попытка ставит Бигиева в один ряд с Мартином Лютером, чей перевод Библии на ясный и доступный его пастве немецкий сыграл столь важную роль в начале протестантской Реформации³. Великим ее парадоксом, согласно последним исследователям, стал тот факт, что чтение Библии на своих собственных языках, а не на плохо понятной или вообще непонятной большинству латыни⁴, привело европейских христиан к осознанию глубокой пропасти между учениями и ритуалами церковной иерархии и священным текстом. Парадоксальным является то, что сама же католическая церковь на протяжении столетий насаждала у прихожан благоговейное отношение к Божественному откровению как основному источнику Истины (с большой буквы).

Когда же паства получила непосредственный доступ к ее содержанию через ее переводы на разговорные языки народов Европы, оказалось, что возможны и другие, альтернативные понимания ее наставлений и законов, нежели те, на которых настаивало высшее католическое духовенство⁵.

Была ли эта идея главным мотивом в стремлении Бигиева перевести Коран на турецкий, или же он формулировал свою задачу по-иному не так уж важно. Важно то, что он, несомненно, был движим желанием донести содержание Корана для своих турецкоговорящих единоверцев, минуя при этом многовековую экзегетическую традицию⁶. Подход Бигиева перекликается с идеей одного из

---

¹ Wilson, *Translating the Qur'an*, p. 145; ср. p. 22; сам Бигиев стремился избегать таких параллелей, опасаясь их негативных последствий для своей реформистской деятельности; об этом сообщил А.Н. Юзеев в своем выступлении на одной из сессий Вторых Бигиевских чтений в Санкт-Петербурге 19 мая 2015 г.

² Wilson, *Translating the Qur'an*, p. 137.

³ Chadwick, Owen. *The Early Reformation on the Continent*, Oxford University Press: Oxford, 2001, гл. 2.

⁴ Параллель между ролью латыни на христианском Западе и арабского языка на мусульманском Востоке проводится в Wilson, *Translating the Qur'an*, p. 17.

⁵ Chadwick, Owen. *The Early Reformation*, p. 25.

⁶ Wilson, *Translating the Qur'an*, pp. 139 и 141.

предтеч Реформации (правда, помимо своей воли) Эразма Роттердамского (1466–1536), который призывал вернуться непосредственно к самому тексту Священного Писания, а не прорубаться к нему через чашу средневековых комментариев-глосс¹.

Чем большее значение придавали глоссам католические теологи, тем активнее отвергали их реформаторы. Тем не менее, как и христианские переводчики Библии, Бигиев в своем переводе вынужден был постоянно пользоваться многотомными трудами средневековых мусульманских экзегетов². Без них многие пассажи архаического текста Корана были бы просто непонятны. Пытаясь преодолеть это очевидное противоречие, Бигиев отделял лингвистические аспекты коранистики (словари, грамматические и лексикографические сочинения), которые, по его мнению, позволили сохранить возможность недвусмысленного понимания текста (*назм*) современным читателем, от собственно экзегетики (*тафсира*), которую он рассматривал как собрание вымыслов, отсебятины и ошибок комментаторов³. Благодаря лингвистическим ресурсам, доступным всем верующим, в принципе любой из них может выступить в качестве переводчика и толкователя Корана. Поэтому, утверждает Бигиев в «Халк назаринда», перевод Корана не только дозволителен для каждого верующего, но и является его религиозной обязанностью (*фард / фарз*)⁴.

Так, согласно Эразму, Библия – есть всеобщее достояние, а не единоличная вотчина монахов и теологов; все без исключения христиане должны иметь доступ к ее тексту, который следует перевести на их собственные разговорные языки; только читая и разумея Библию без посредников, каждый сможет по праву полагать себя христианином. Более того, заключает Эразм, каждый христианин должен стать самому себе теологом!⁵ Примерно о том же говорил Бигиев, признавая, однако, что чтение Корана требует определенной суммы знаний, которой обладают далеко не все читатели. В этом вопросе, так же как и в вопросе использования *тафсира*, заключается второе противоречие в воззрениях самого Бигиева⁶.

---

¹ Chadwick, *The Early Reformation*, p. 15.

² Wilson, *Translating the Qur'an*, pp. 139–140.

³ Там же.

⁴ Там же. – P. 142; ср.: p. 8.

⁵ Chadwick, *The Early Reformation*, pp. 19–20.

⁶ Wilson, *Translating the Qur'an*, pp. 141–143.

Бигиев и его последователи из числа османских общественных деятелей и публицистов начала XX в. последовательно проводили параллель между переводом Корана на тюрки и другие разговорные языки ислама и переводческой деятельностью Мартина Лютера и его последователей.

Именно в этом контексте Хашим Нахид называл Бигиева, с одной стороны, *муджиддидом*-«обновителем» ислама, с другой – «мусульманским Лютером»¹. Согласно современникам Хашима Нахида, османскому журналисту Джелалю Нури (1877–1938), писателю и чиновнику Хюсейну Казыму Кадри (1870–1934) и публицисту Убайдуллаху Эфгани (1857–1937), обращение мусульман к Корану на понятном им языке даст возможность непосредственно осознать его истинное величие, что позволит, с одной стороны, преодолеть слепой фанатизм в сфере религиозной и общественной жизни, а с другой – приостановить наступление атеизма². Следует отметить, что такого идеи были поистине революционными в эпоху, когда одно словосочетание «Турецкий Коран» (*Türkçe Kur'an*) могло вызвать обвинения в ереси или даже вероотступничестве³. Вместе с тем, даже сам Бигиев, несмотря на свойственную ему резкость в суждениях, не стремился заменить арабский Коран тюркским переводом. Перевод Корана желателен для каждого верующего для углубления и совершенствования его веры. В то же время правильный и доступный перевод Корана может быть осуществлен только читателем, полностью усвоившим лексикографическую и лингвистическую традицию, которая сохранила, по его мнению, изначальный смысл священного текста. Отмечая существование неточных и ошибочных переводов коранических сур в тюркоговорящей среде, Бигиев относил этот факт за счет упадка истинной учености среди мусульманских *уляма*⁴. Представив себя в качестве компетентного переводчика и толкователя тюркской версии текста и критикуя переводы своих предшественников, Бигиев тем самым исподволь рекомендовал в качестве возможного лидера движения за реформу ислама. Именно в этом ракурсе и следует рассматривать его сопоставление с Мартином Лютером. Для Бигиева перевод Корана был частью общего плана освобож-

---

¹ Wilson, *Translating the Qur'an*, p. 145.

² Там же. – P. 146.

³ Подробнее см.: Гл. 7 в Wilson, *Translating the Qur'an*, pp. 221–247 и в особенности pp. 234–244.

⁴ Там же. – Pp. 140–141 и 142–143.

дения мусульман от оков закосневшей традиции путем реформы мусульманского образования, а также морально-этических ценностей и идейных постулатов, на которых зиждилась жизнь мусульман. Это был план, в котором «тюркскому Корану» уделялась особая роль.

Все параллели, как известно, хромают. Ситуация с переводами Библии в христианском мире была значительно сложнее, нежели в мире ислама по целому ряду факторов, включая наличие сразу нескольких языков Писания, включая древнееврейский, греческий, латынь, а также арамейский – разговорный язык Христа. Бигиев имел дело только с одной священной книгой, тогда как Мартин Лютер – с двумя весьма непохожими друг на друга сводами текстов («заветами»), не считая многочисленных апокрифов на разных языках. Более того, важнейшим фактором и двигателем Реформации являлся печатный станок, на котором в Майнце был напечатан первый экземпляр латинской Библии в 1456 г.¹ В исламе фактор печатного станка присутствует, но в иной временной, социальной и нормативной плоскости, объясняя отчасти запоздалый характер «мусульманской реформации»². Тем не менее связь между разговорным языком, а значит и доступом к тексту писания новых читателей и, как следствие, возможностью осуществлять реформирование жизни общества на новых идейных принципах, достаточно очевидна. То же самое можно сказать и о притязаниях на лидерство переводчиков священных писаний, успешно реализовавшихся в случае с Лютером и не имевших ощутимых последствий в случае с Бигиевым.

Причины успеха и неуспеха в обоих случаях слишком сложны, чтобы быть раскрытыми в этом коротком докладе. Хочу закончить его не выводами, как принято, а вопросами, над которыми я предлагаю подумать читателям, вернувшись еще раз к основным пунктам реформаторской программы Мусы Бигиева. Именно поэтому подзаголовком своего выступления я выбрал вопрос: «Что бы сказал Муса Бигиев сегодня?» Я имею в виду, что он сказал бы, увидев состояние дел в мусульманской общине на сегодняшний день и сопоставив его со своими реформаторскими планами и чаяниями.

---

¹ Chadwick, *The Early Reformation*, p. 1.

² Подробнее см. Wilson, *Translating the Qur'an*, гл. 1 и 2.

Напоминаю основные пункты программы Мусы Бигиева:

1. Реформа образовательной системы с целью искоренить беспредметное переливание из пустого в порожнее в рамках медресе: Бигиев имел в виду калямические сочинения и правоведческие комментарии средневековых авторов «друг на друга».

2. Необходимость положить конец «сну разума», порожденному деятельностью суфиев-дервишей, которые своими проповедями отрешения от мирских дел отбили у верующих желание активно участвовать в общественных преобразованиях с целью улучшения жизни мусульман и исполнения их насущных материальных и духовных потребностей¹.

3. Прекращение господства в религиозной жизни общины правовых и прочих *мазхабов*, которые требуют от своих последователей слепой, фанатичной приверженности и подавляют любые ростки свободомыслия. В качестве альтернативы Бигиев предлагал создание простого и приемлемого для всех кредо (основанного на Коране), которое положило бы конец раздору и склоке между различными богословскими и юридическими школами, подрывающей единство общины и стесняющими свободу творческого поиска и самовыражения ее членов.

4. Создание новой мусульманской литературы, формирующей у верующих активную жизненную позицию и желание изменить мир к лучшему созидательным и творческим трудом.

5. Перевод Корана на языки мусульманских народов с целью дать им непосредственный доступ к Откровению под руководством досконально знающих мусульманскую традицию и прогрессивно мыслящих представителей мусульманской общины.

«II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: Единство традиции и обновления: Материалы II Международной научно-образовательной конференции, г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.», М., 2016 г., с. 52–59.

---

¹ Следует отметить, что Мартин Лютер был монахом, что дало ему возможность реформировать христианство «изнутри», так тогда Муса Бигиев был, скорее, «чужаком» с точки зрения мусульманского ученого сословия.

О. Клычев,

докторант (Бухарский государственный университет, Узбекистан)

О ПОРЯДКЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ НА ОБУЧЕНИЕ В МЕДРЕСЕ БУХАРЫ

Бухарский эмират¹, наиболее развитое в экономическом отношении государство, обладавшее несколькими крупными городами, где были сосредоточены ремесло, торговля и достаточное количество караван-сараев. К тому же Великий Шёлковый путь, ведущий из Китая в Иран, Индию и Европу, проходил через этот благодатный край и способствовал его процветанию. С приходом в Бухару арабов в VII в. в городе распространился ислам. С этого времени начали активно возводиться мечети и минареты, медресе и культовые комплексы. И к X в. Бухара становится центром высокой культуры. Здесь работали многие ученые, известные всему миру, писатели, художники, такие как историк Наршахи, поэты Рудаки, Дакики, медик и математик, энциклопедист Ибн Сина и др. Бухара стала почитаемой на Востоке в силу того, что здесь сформировалась мусульманская система науки и образования. Е.К. Мейендорф особо подчеркивает роль Бухары как центра мусульманской цивилизации: «Прославившаяся затем и ставшая почитаемой на Востоке благодаря своим многочисленным школам, ученым муллам и погребенным в ее стенах святым, она сделалась местом паломничества мусульман, вероятно, это и принесло ей эпитет «аш-шерифа» (благородная или святая)»². В 1910 г. население Бухары насчитывало 150 тыс. человек. В городе насчитывалось 364 мечети, 2 синагоги, более 50 базаров³.

23 июня 1868 г. бухарский эмир⁴ Музаффар (1860–1885) признал вассальную зависимость от Российской империи. В сентябре 1873 г. по новому договору Бухарский эмират признавался протекторатом России. После присоединения Туркестанского края к России правительство Российской империи стало уделять пристальное внимание тем лицам, которые направлялись для обу-

---

¹ Его территорию занимали современные Таджикистан, Узбекистан и часть Туркмении.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975. – 181с.

³ <http://www.proza.ru/2015/09/20/36>

⁴ Начиная с 1756 г. Бухарское ханство называется Бухарским эмиратом.

чения в медресе в Бухарский эмират. В первую очередь стояла задача по делу упорядочивания, прежде всего, определения количества и качественного состава тех муллабачей, которые обучались в Бухарских медресе. По сведениям П.И. Демезона, «медресе Бухары пользуются большой известностью во всем Туркестане. Сюда приезжают студенты из Хивы, Коканда, Гиссара, даже Самарканда, из многих татарских областей»¹. В Бухаре функционировало более 150 медресе. Число учащихся в медресе доходило до 30 тыс. человек². Самыми известными медресе в Бухарском эмирате были медресе Мири Араб, медресе Абдул-Азизхана, медресе Кукалтош, медресе Абдул-лахана, медресе Улугбека, медресе Нодира Деван Беги, медресе Чор Манор и др. П.И. Демезон, побывавший в Бухаре в 1833 г., отмечает: «Школы (мактаб) гораздо более многочисленны. Они существуют при каждой мечети»³. Ученый А. Мирбабаев разделяет медресе на три группы: 1) медресе в центре бекства или амлякдарства, при строительстве которых придерживались классических форм архитектуры; 2) медресе при намазгохах или мазарах и крупных святынях; 3) медресе при горных мечетях, которые существовали почти во всех селениях⁴.

В медресе из общеобразовательных дисциплин изучали астрономию, геометрию, медицину, химию, историю, географию, литературу, стихотворный размер «аруз», основы архитектуры, чистописание, музыку, этику, ораторское искусство.

По сведениям же Е.К. Мейендорфа, в медресе в течение 10, 20, 30 лет учат многочисленные комментарии к Корану, «схоластическое богословие поставлено во главе наук в Бухаре, и исключительно оно составляет предмет знаний»⁵. От студентов медресе требовалось знать работы Имама аль-Бухари, Абу Мансура Муриди, Бурханитдина Маргинани – в общей сложности 137 учебников и пособий⁶. В период правления эмиров Шахмурада (1785–

---

¹ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука. – 1983. – 143 с.

² Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). – М.: Изд. восточной литературы, 1958. – С. 107–108.

³ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука. – 1983. – 143 с.

⁴ Мирбабаев А.К. История мадраса Таджикистана / А.К. Мирбабаев. Ч. 2. – Душанбе. Мерос. 1994. – С. 50.

⁵ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975. – С. 150.

⁶ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.

1800), Хайдара (1800–1826) и Насруллаха (1826–1860) придавали особое значение высшему богословному обучению. Шахмурад поддерживал студентов медресе стипендиями, которые он выплачивал из налоговых поступлений¹. В бухарских медресе преподавались наряду с религиозными знаниями по калому (богословию), фикху (юриспруденции), тафсиру (комментариям к Корану), хади-су (сведениям о деяниях Пророка Мухаммада) также и светские науки. Итак, Бухара в XVIII – первой половине XIX в. не только сумела сохранить средневековый облик, но и являлась ядром городской культуры Среднего Востока и продолжала занимать свое благородное место как исламизированный центр духовной культуры. Среднеазиатское общество имело хорошо организованную систему мусульманского образования. Грамотность здесь исконно была в большом почете. По словам Е.К. Мейендорфа, «основание школы считается благочестивым делом, а содержание школы для детей из бедных семей – долгом»². Количество мактабов приблизительно соответствовало количеству мечетей в городе. В Бухаре в 30-х годах XIX в. при правлении эмира Насруллаха было 366 больших и малых учебных религиозных заведений. Из них одна треть занимала обширные здания, вмещавшие в себя от семидесяти до восьмидесяти учащихся³.

Как отмечал Ахмад Дониш, во время господства Хайдара «люди со всех сторон и всех населенных частей земли приезжали в Бухару учиться. Науки и постановления шариата настолько расцвели, что во времена ислама ни при одном [из прежних] падишахов [на долгу] ученых не выпадало такого успеха»⁴. Практическую помощь в этом деле им оказывало Российское императорское Политическое агентство в Бухаре. В целях контроля внешней политики Бухарского эмирата, а также наблюдения за ее внутренней

---

¹ Анке фон Кюгельген. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII – XIX вв.). – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – С. 331.

² Там же. – С. 152

³ Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг. лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского общества / Пер. П.В. Голубова. Ч. II. – М., 1848. – С. 431.

⁴ Ахмад Дониш. История мангитской династии / Перевод, предисловие и примечание И.А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967. – С. 142.

политикой в 1886 г. в Новой Бухаре (городе Кагане) было основано Политическое агентство. Известно, что руководитель данного ведомства, т.е. политический агент, почти все отношения с правительством эмирата вел в виде официальной межгосударственной переписки. Данная переписка сконцентрировала в себе исторические сведения, связанные с политической, экономической, социальной и просветительской жизнью Бухарского эмирата конца XIX и начала XX в.

В переписке Российского императорского Политического агентства, наряду с информацией о деятельности образовательных учреждений в Бухарском эмирате, организованных на основе системы образования России, также имеются сведения об учебе муллабачей в системе традиционного образования медресе, имеющих русское подданство. Порядок получения образования русскими подданными в Бухарских медресе изложен в переписке, которая велась между канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства¹, Российским политическим агентством в Бухаре и кушбеги эмирата. В этот период основная часть задач, связанных с обучением и соблюдением порядка в Бухарских медресе контролировалась правительством эмирата.

Но есть и другая сторона этой проблемы, которая заключалась в том, что русские подданные, обучающиеся в медресе, их проживание в регионе и право на получение образования зависели от взаимоотношений между ведомствами двух государств.

Письменные источники, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, свидетельствуют о том, что Российское политическое агентство вело продуманную и четко регламентируемую деятельность по созданию порядка получения образования, проживания и сбора сведений о русских подданных, обучающихся в Бухарских медресе.

Согласно правилам, внедренным в Туркестанском генерал-губернаторстве в конце XIX – начале XX в., муллабачи из областей Туркестанского края либо из российских губерний, являющиеся русскими подданными, для учебы в Бухарских медресе должны были иметь соответствующее разрешение от начальников областей или уезда. А во время учебы в медресе муллабача подчинялся

---

¹ Туркестанское генерал-губернаторство – провинция Российской империи на территории Западного Туркестана, присоединенного к Российской империи Александром II в 1867 г. С 1886 г. официальное название – Туркестанский край.

правилам и распорядку правительства эмирата и соответствующего медресе. Так как в начале XX в. не было сведений о количестве муллабачей, получающих образование в Бухарских медресе и имеющих русское подданство, а также определенного порядка законного получения образования на территории эмирата, сам Туркестанский генерал-губернатор занялся созданием данного порядка. В процессе анализа официальной межведомственной переписки по данному вопросу было выявлено наличие определенных особенностей.

Вследствие важных социальных и политических событий, происходящих в жизни Бухарского эмирата и приграничных ему государств, для Туркестанского генерал-губернаторства появилась потребность в соответствующей информации о количестве и происхождении муллабачей, имеющих российское подданство и получающих образование в Бухарских медресе. Особенности этноконфессионального состава Бухарского эмирата предопределили сложность социально-политической ситуации. Во-первых, в эмирате часто происходили столкновения между шиитами и суннитами по вопросам влияния на политику государства. Помимо этого, периодически появлялись исламские проповедники, которые оказывали свое влияние на умонастроения муллабачей – подданных Российской империи; естественно, что колониальная администрация их опасалась. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания и внедрения определенного порядка получения образования муллабачей, имеющих русское подданство и обучающихся в медресе эмирата. Данный вопрос был разрешен на основе переписки между кушбеги эмирата и Российским императорским Политическим агентством.

Переписка Российского императорского Политического агентства в Бухаре по данному вопросу велась в период с 1910 по 1917 г. Основанием для ведения переписки послужило письмо канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 24 апреля 1910 г., отправленное на имя руководства Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей. В письме было изложено, что муллабачи, желающие получить высшее образование в бухарских медресе до своего приезда в Бухарский эмират, должны получить письменное разрешение из местного полицейского управления. В конце письма было указано, что студент, не имеющий такого разрешения, может быть выслан с территории Бухарского эмирата¹. Письмо

---

¹ ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 2.

с таким содержанием было отправлено и в Российское императорское Политическое агентство в Бухаре. Об этом мы узнаём из письма № 2905 от 29 мая 1910 г., отправленного на имя Туркестанского генерал-губернатора. В письме агентством было отмечено, что о порядке контроля за муллабачами, имеющими русское подданство, правительству Бухарского эмирата известно, т.е. Мирза Насрулла парваначи, казикалон, раис, аьлам, муфтии и мударисы местных медресе извещены об этом¹.

В процессе изучения писем, посвященных задаче обеспечения выполнения данного порядка, было выяснено следующее:

Во-первых, что Российское императорское Политическое агентство в Бухаре без соответствующего указания и помощи правительства эмирата не могло получить сведения о количестве и происхождении муллабачей, получающих образование в Бухарских медресе.

Во-вторых, Политическому агентству для внедрения данного порядка во всех медресе Бухары нужно было получить одобрение и соответствующее постановление правительства эмирата.

Эти два положения обеспечили принятие российским правительством единого решения о возможности принятия данного порядка путем вступления в двусторонние отношения только с представителями правительства эмирата. Это можно узнать из содержания следующего официального письма:

«Уважаемый парваначи Мирза Насруллабий, просим Вас оказать помощь в составлении точного списка подданных-татар, обучающихся в Бухарских медресе, а также муллабачей, обучающихся без соответствующего удостоверения и паспорта» (письмо № 3685 от 3 июня 1910 года русского политического агента в Бухаре²).

Мирза Насруллабий отправляет свое ответное письмо 5 июля 1910 г. В нем был предоставлен точный список русских подданных-татар, обучающихся в Бухарских медресе³. В этом списке были указаны фамилия, имя и отчество муллабачей, в каком медресе они обучаются, из какого региона они прибыли (см. табл. 1).

---

¹ ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 3.

² ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 6.

³ ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 7.

**Список поданных-татар, обучающихся
в Бухарских медресе¹**

№	Муллаваччи	В каком медресе обучается	Из кого города прибыл
1	Мулло Муфатих Ибрагимов	Аълам	Пермь
2	Мулло Хайрулло Мулло Суннатуллаев	Гавкушон	Самара
3	Мулло Мухаммад Шохмуродкулов	Абдулазизхон	Казань
4	Мулло Ориф Мулло Зарифов		
5	Мулло Собир Мухаммедов		
6	Мулло Мухаммад Фарух Мухаммадшокиров	Турсунжон	
7	Мулло Абдурахмон Абдурахимов	Мири Араб	Пермь
8	Мулло Ахмад Али Мухаммад Шарифов		
9	Мулло Абдурахмон Мухаммад Собиров		Казань
10	Мулло Мухаммад Шокир Мухаммад Вафо	Хожи Курбон	Уфа
11	Мулло Абулнаим Мулло Абдуллаев		
12	Мулло Мирсаид Мулло Закиров		
13	Мулло Ибодулло Мухаммедов	Рашид	Оренбург
14	Мулло Хасан Мулло Абдулхамид	Хазрати Шайхуло Имом	Самара

Эта таблица была отправлена в виде приложения к официальному письму. В основном в нем был указан список муллабачей-татар из Перми, Самары, Казани, Уфы, Оренбурга, обучающихся в таких Бухарских медресе, как Мири Араб, Кукельдаш, Абдулазизхан, Турсунжон, Аълам, Ходжа Курбан, Рашид, Хазрати Шайхулло Имам. Другой задачей, затронутой в двусторонней переписке, было составление общего списка муллабачей, имеющих русское подданство и прибывших с целью получения образования в бухарских медресе. Исходя из этого, Российским императорским Политическим агентством было отправлено письмо № 350 от 29 сентября 1912 г. на имя кушбеги эмирата. В нем было изложено следующее: «Уважаемый Мирза Насруллабий, несмотря

¹ ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 8.

на 2-е циркулярное распоряжение Туркестанского генерал-губернатора № 674 от 24 апреля 1910 г., Политическое агентство встревожено тем, что возросло количество муллабачей из Российских губерний, обучающихся в Бухарских медресе без соответствующего разрешения. Согласно порядку, установленному Политическим агентством, русским подданным, получающим образование в Бухаре, необходимо сдать паспорт в полицейское управление в Старой Бухаре и пройти регистрацию. Просим Вас, уважаемый кушбеги, отдать распоряжение казикалону, раисам и работающим под их руководством муфтиям и мударисам о составлении точного списка русских подданных, обучающихся в Бухарских медресе, а после отправить данный список в политическое агентство. Вместе с этим при выяснении случаев сокрытия муфтиями и мударисами муллабачей, имеющих русское подданство и не имеющих соответствующего разрешения и паспорта, то они в рамках закона будут обвинены в сокрытии преступников и оштрафованы»¹. Сведения о муллабачах, имеющих русское подданство и обучающихся в Бухарских медресе, были собраны в полицейском управлении в Старой Бухаре. Подобные сведения были выяснены среди муллабачей, обучавшихся во всех медресе, и на основе этого была заполнена следующая таблица (см. табл. 2).

Таблица 2

**Таблица регистрации русских подданных,
обучавшихся в Бухарских медресе²**

Название медресе (место расположения, близкое, водоем, располагается в какой части города)								
№	Имя муллабаччи	Время принятия в медресе	Время прибытия в Бухару	Из какой области, уезда, волости или селения	Паспорт №	Удостоверение №	Поведение	Где располагается в данное время (точное сведение)
1								
2								

¹ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 361. Л. 13–14.

² Данная таблица была составлена на основе записей в письме-рапорте № 95 от 31 августа 1911 г. начальника полицейского управления Старой Бухары, отправленного в Российское императорское Политическое агентство в Бухаре. См.: ЦГА РУз фонд-3, опись-1, дело-361, стр. 12.

Подобные мероприятия полицейское управление старой Бухары не могло проводить в одностороннем порядке. Потому, что Бухарские медресе подчинялись только правительству эмирата и в установленном им порядке предоставляли кому-либо сведения. Именно поэтому, Российское императорское Политическое агентство в Бухаре в плане решения данной задачи и ее разработки, т.е. «Свода правил, связанных с обучением и приемом в Бухарские медресе русских подданных», было вынуждено вести переписку с кушбеги эмирата. Этого требовала историческая и политическая ситуация того времени. Политическое агентство по возможности старалось сократить количество муллабачей, в тот период получающих образование в Бухаре. Основанием для этого послужили социально-политические столкновения в эмирате в январе 1910 г.

Первые мнения о данном порядке, состоявшем из восьми основных правил, были изложены в письме Российского императорского Политического агентства от 10 ноября 1916 г., отправленном на имя Туркестанского генерал-губернатора¹. В письме излагалось следующее, в целях обеспечения соблюдения данных правил, в каждом медресе необходимо было ввести должность аксакала (глава-староста). Глава края, ознакомившись с письмом и изложенными в нем предложениями, отметил, что для приема на учебу муллабачей в Бухарские медресе, их последующей деятельности и утверждения новой должности аксакала необходимо получить разрешение правительства Бухарского эмирата².

Политический агент в целях выполнения данного указания, 13 декабря 1916 г. обратился с письмом на имя кушбеги Мирзы Насрулле. В письме были изложены все вышеуказанные задачи, т.е. учреждения должности аксакала (старосты) во всех медресе, а во избежание недовольства среди религиозных деятелей, им было изложено предложение о назначении на эту должность кого-нибудь из бухарских чиновников. Согласно предложению политического агента, аксакал медресе будет вести деятельность в качестве представителя правительства и эмирата, и российского государства. В его должностные обязанности входит следующее: 1. Составление списков муллабачей, обучающихся в медресе и имеющих русское подданство. 2. Доставка списков в полицейское управление в Старой Бухаре. 3. Контроль за теми из муллабачей, у кого просрочены разрешения, и проследить за тем, чтобы

---

¹ ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 38–39.

² ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 41.

подобные муллабачи не обучались в медресе. Наряду с внедрением должности старосты в медресе, политическое агентство известило правительство эмирата о разработке правил, связанных с обучением и проживанием на территории эмирата муллабачей, имеющих русское подданство. Личность, прибывшая на территорию эмирата, в течение трех дней должна предоставить в полицейское управление в Старой Бухаре паспорт и разрешение на обучение в Бухарских медресе (разрешение было выдано представителем руководства по месту жительства подданного).

После этого, управляющий полицией оставив у себя предоставленные ему документы, на красном бланке выписывал муллабаче разрешение сроком на шесть месяцев. Этот документ выдавался только для проживания и обучения в Бухаре. Если муллабача изъявлял желание переехать из города и там продолжать обучение, то в этом случае он должен был сообщить об этом в полицейское управление, и он мог поменять разрешение, выданное полицейским управлением, на паспорт. Если муллабача после шестимесячного обучения, на время каникул изъявлял желание остаться в Бухаре, в этом случае ему нужно было обратиться со специальным прошением на имя управляющего полицией Старой Бухары и в установленном порядке получить разрешение.

Существовал пункт, посвященный непосредственно организации обучения в образовательном учреждении и обучению слушателей. В нем излагалось следующее, если муллабача переносит свою учебу из одного медресе в другое или участвует в качестве муллабачи другого медресе либо изъявляет желание участвовать, то об этом он в срочном порядке должен был известить полицейское управление. Потому что это давало возможность полицейскому управлению быстро выяснить, где находится муллабача.

Особо нужно отметить, что полицейское управление постоянно проверяло наличие разрешения у муллабачей. Записи, связанные с данной ситуацией, изложены в седьмом пункте, где говорилось о том, что все муллабачи, имеющие русское подданство, всегда при себе должны иметь разрешение. Контроль над наличием разрешений должны исполнять сотрудники полицейского управления, правительство эмирата и руководство медресе, где проходит обучение муллабача.

В последнем пункте порядка указано, что «вследствие соответствующих причин или ситуации муллабача может лишиться выданного ему разрешения. В этом случае он возвращается на родину». Это положение наглядно демонстрирует, что в любой

политической ситуации представители Российской империи все свои действия выполняли в рамках обеспечения безопасности своих подданных и государственных интересов империи. Данный порядок был разработан на основе межправительственной переписки и был полностью утвержден 12 декабря 1916 г. Информация о том, что данный документ был одобрен правительством эмирата, и было дано разрешение для выполнения данного мероприятия, можно узнать из писем российского политического агентства № 68, 69, 70 от 15 февраля 1917 г., отправленных в полицейское управление в старой Бухаре, на имя управляющего канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства и на имя дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторстве.

В целях ознакомления с этим положением народных масс, Российское императорское Политическое агентство обратилось к руководству газеты «Туркестанские ведомости» с письмом о даче объявления, потому что количество муллабачей, приехавших для получения образования в Бухарских медресе из российских губерний и областей Туркестанского генерал-губернаторства, неуклонно возрастало.

Таким образом, меры предпринятые Российским императорским Политическим агентством по составлению списков и определению количества муллабачей, обучающихся в Бухарских медресе, в будущем давало возможность контроля не только за количеством желающих получать образование в медресе, а также отслеживать их местонахождение и, конечно, обращалось внимание на их благонадежность по отношению к властям империи. Стоит отметить и то, что на подданных эмирата, приехавших в Бухару учиться из других городов собственно самого эмирата, этот порядок, естественно, не распространялся.

Анализ вышеуказанного текста переписки и ее изучение дают возможность понять и правильно проанализировать причины и последствия событий, происходивших в общественной жизни Бухары конца XIX – начала XX в. И как мы убедились, безусловно, особое значение имеет межправительственная переписка между кушбеги Бухарского эмирата с Российским императорским Политическим агентством в Бухаре, сконцентрировавшая в себе некоторые положения изменений и своеобразных нововведений в системе образования медресе, незарегистрированных в традиционных письменных источниках.

Литература

1. ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 2.
2. ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 3.
3. ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 6.
4. ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 7.
5. ЦГА РУз. ф. И-3, оп.1, д. 361, л. 8.
6. ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 13–14.
7. Данная таблица была составлена на основе записей в письме-рапорте № 95 от 31 августа 1911 года начальника полицейского управления старой Бухары, отправленного в Российское императорские Политическое агентство в Бухаре. См.: ЦГА РУз фонд-3, опись-1, дело-361, стр. 12.
8. ЦГА РУз. ф. И-3, оп. 1, д. 361, л. 38–39.
9. ЦГА РУз. ф. И-3, оп.1, д. 361, л. 41.
10. Кочаров В.Т. Из истории организации и развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1958.
11. Кочаров В.Т. Из истории организации и развития народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865–1917 гг.). – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1966.
12. Тухтаматов Т.Г. Бухарский эмират в начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 1977.
13. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975. – 181с.
14. Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – 143 с.
15. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). – М.: Изд. восточной лит-ры, 1958. – С. 107–108.
16. Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – 143 с.
17. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.
18. Анке фон Кюгельген. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII – XIX вв.). – Алматы: Дайк-Пресс, 2004 – С. 331.
19. Там же. – С. 152.
20. Борнс А. Путешествие в Бухару: Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг. лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского общества / Пер. П.В. Голубкова. Ч. II. – М., 1848. – С. 431.
21. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975. – С. 150.
22. Ахмад Дониш. История мангитской династии. – Перевод, предисловие и примечание И.А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967. – С. 142.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2017 – 4 (298)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/IV-2017 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 250 экз. Заказ № 27

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

